

В. А. ПИРОЖКОВА

Счастливое будущее?

В XIX столетии была широко распространена вера в прогресс, то есть вера в то, что все общество в целом улучшается и что в конце концов может быть достигнуто идеальное совершенное общество счастливых людей. Религиозная вера слабела, а вместе с нею слабела и вера в загробный рай. Но человек не может жить без всякой веры. Место веры в рай после смерти заняла вера в будущее, вера в рай на земле, в совершенное счастливое человечество, которое когда-нибудь будет населять землю.

Это ожидание светлого будущего человечества было именно верой. Никаких доказательств или гарантий такого светлого будущего нет и не может быть. Поэтому более глубоких мыслителей неизбежно начинали мучить сомнения, возможно ли такое счастливое будущее вообще. Писавшая свою книгу «С того берега» своему сыну, Александр Герцен писал: «Религия прядущего общественного пересоздания — одна религия, которую я тебе завещаю». И тем не менее в этой же самой книге Герцен высказывает свои самые глубокие и потрясающие сомнения в возможности идеального общества будущего.

Герцен спрашивает себя: какие предпосылки должны быть выполнены, чтобы люди могли создать это совершенное общество, о котором он мечтал, к которому он всю жизнь стремился? Свои сомнения он высказывает в форме диалога, к которому Герцен часто прибегает, в главе под названием «Консолятио». Диалог ведется между молодой и верящей в прогресс дамой и старым, умудренным опытом врачом. Дама восторженно проповедует, что человечество стремится к свободе, к высшему, к лучшему и что верить во все это разумно, это не сказка, не обещание загробного мира, это убеждение, основанное на разуме. Врач отвечает ей, что, отбросив положительную веру, современное молодое поколение осталось при всех привычках веры. Вместо веры в загробный рай, оно верит в земной будущий рай и еще гордится этим. Но развитие человечества, по мнению врача, не показывает стремления к свободе. Напротив, человек слаб и прежде всего ищет, к чему бы приклониться. И что такое совершенно свободное и равное общество? Табун диких лошадей? Полное равенство, полный коммунизм, зато никакое развитие невозможно.

В другом месте Герцен спрашивает: что необходимо для того, чтобы все люди согласились с одной и той же идеей и свободно решили согласно этой идее построить свое общество? Не нужно ли для этого «равенство мозгов»? Иными словами, не нужна ли полная нивелировка всех людей? Почти во всех своих произведениях Герцен с горечью отмечает нивелировку, стирание личностей в мещанстве, в том среднем слое, который уже тогда становился все более типичным для Европы. В этот средний слой подымались постепенно рабочие снизу, и в него же скатывалась аристократия сверху. Уже это относительное уравнивание казалось почти невыносимым эстету Герцену. И он спрашивал себя с ужасом, не понадобится ли еще большее уравнивание личностей, еще большее стирание для осуществления его идеального общества. Ведь только один единственный человек, не подходящий для этого нового общества, может уничтожить его, как тот насмешливый джентльмен в «Записках из подполья» Достоевского, который своим предложением «стряхнуть все к черту» разрушает идеальный «хрустальный дворец» математического счастья.

Достоевский внимательно читал Герцена и не раз использовал его идеи, его вопросы и его сомнения в своих произведениях. Хотя Достоевский, в противоположность Герцену, был верующим христианином, все же и он до конца своей жизни не оставил совсем своей юношеской мечты о совершенном, идеальном обществе еще здесь, на земле. Но и его мучили те же сомнения. В своем небольшом рассказе «Сон смешного человека» он рассказывает, как земной человек попадает на другую планету, где он встречает совершенное общество совершенных людей. И хотя это общество приводит его в восхищение, он его разрушает. Он один заражает людей другой планеты всеми земными пороками, научает их зависти и ненависти. Одного человека оказалось достаточным, чтобы разрушить совершенное общество. Возможно ли, чтобы когда-нибудь все люди, без единого исключения, стали совершенными?

Но если даже в какую-нибудь далекую эпоху такое совершенное общество счастливых людей будет достигнуто, то как обстоит дело со всеми предыдущими поколениями, со всеми людьми, которые в своей жизни видели больше мучений и страданий, чем счастья, и умерли, не получив вознаграждения по справедливости? Опять-таки Герцен ставит классический вопрос о цене прогресса: «Если прогресс цель, то для кого мы работаем? Кто этот Молох, который, по мере приближения к нему тружеников, вместо награды пятится и в утешение изнуренным и обреченным на гибель толпам, которые ему кричат «morituri te salutant», только и умеет ответить горькой насмешкой, что после их смерти будет прекрасно на земле». Можно ли, оправдано ли жертвовать целыми поколениями для счастья людей будущей эпохи? Герцен отвечает: нет. Человек не может быть средством, каждый человек — самоцель. Но как же тогда оправдать ту единственную «религию», религию переустройства общества на земле, которую Герцен завещал своему сыну? У атеиста Герцена нет выхода из этого противоречия.

Философ Сергей Булгаков писал, что Герцен всю свою жизнь мучился «карамазовскими вопросами». На самом деле, конечно, наоборот, Достоевский в уста Ивана Карамазова вложил многие сомнения и размышления Герцена. Иван Карамазов задает Алеше по существу тот же вопрос, который Герцен задает сам себе: «Представь себе, что ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им, наконец, мир и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданище, вот того самого ребеночка, бывшего себя кулачком в грудь, и на неотмыщенных слезках его основать это здание, согласился ли бы ты быть архитектором на этих условиях?» И Алеша отвечает: «Нет».

Николай Бердяев писал в своей книге «Смысл истории», что такой прогресс, такое будущее счастливое общество, если оно даже было бы возможно, следует назвать вампиром. Оно жило бы и питалось кровью людей всех предыдущих поколений. С моральной точки зрения недопустимо даже мечтать о таком прогрессе, недопустимо к нему стремиться. Бердяев совершенно радикально осуждает всякую веру в земной прогресс как аморальную.

Теперь отметим еще, что и в «Легенде о Великом Инквизиторе», одном из самых замечательных произведений мировой литературы, Достоевский повторяет многие из

сомнений Герцена, высказанных им в его книге «С того берега». Великий Инквизитор говорит Христу почти буквально то же самое, что старый врач говорит молодой восторженной даме: «Ибо ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы... Нет заботы бесперывнее и мучительнее, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, пред кем поклониться». И, наконец, Великий Инквизитор бросает в лицо Христу: «Клянусь, человек слабее и ниже создан, чем Ты о нем думал». Больше того, Великий Инквизитор обвиняет Христа в жестокости: жестоко требовать от сла-

рых и несовершенных людей подвига в совершенстве. Приблизительно то же самое говорит в уже упомянутом разговоре врач молодой даме: «Вы берете за норму бережные, особо удавшиеся оранжерейные цветы, за которыми была бездна уходу, и сердитесь, что полевые не так хороши. Не только это несправедливо, но это чрезвычайно жестоко». Но жесток, конечно, не Христос, жестоки сами идеалисты-утописты, выдумавшие мечту о совершенном обществе, но в глубине души понимающие, что оно и невозможно и даже жестоко, если думать о судьбе предыдущих поколений.

С. Л. ФРАНК

Ересь утопизма

1

Согласно известному античному убеждению, всякая человеческая гордыня или заносчивость (*hybris*), всякое дерзновенное своеволие, в силу которого человек нарушает естественный порядок вещей и притязает на место и значение, ему не свойственное, роковым образом карается. Кара имманентно предопределена здесь самим существом преступного замысла. Ибо, при всей естественности человеческих стремлений к счастью, свободе, могуществу, эти стремления, как только они выходят за известные пределы и, становясь безмерными, перестают считаться с предустановленной божественно-космическими законами ограниченностью человеческих возможностей, уже сами суть безумие, овладевающее человеком и неизбежно влекущее его к гибели.

Это античное убеждение принадлежит к чисту великих, вечных истин, завещанных человечеству греческой религиозно-нравственной мыслью. Его подтверждает и простой жизненный опыт, и ему не трудно найти более глубокое обоснование в христианском религиозном жизненном опыте. Пережитая нами мировая война, со всеми ее, превышающими человеческое воображение, злодеяниями и страданиями, есть по всему ходу ее событий классический образец трагедии, построенной на этом античном и вечном мотиве. Трагедия эта разрылась — или скорее доселе разрыпывается, ибо последний акт или эпилог ее еще не окончен — в неслыханно-опрощном, подлинно-мировом масштабе. Если ее зачинатели и протагонисты суть немногие безумцы и злодеи, то ее соучастники и жертвы исчисляются миллионами и внесенное ею потрясение охватило едва ли не все человечество.

Как ни поучительна эта мировая трагедия, смысл ее настолько прост и очевиден, что не нуждается ни в каком более сложном размышлении. Демонизм безграничного властолюбия, не считающегося в своих замыслах и средствах с самыми элементарными нравственными законами, обнаружился как безумие, гибельное для самих преступников не менее, чем для их жертвы.

Что злая и преступная воля есть, по крайней мере за известными пределами, воля безумная и именно поэтому гибельная — это в некотором смысле понятно само собой. Более глубокая и трудная проблематика содержится в другой, родственной теме, которая не нашла открытого выражения в указанной античной идее. Дело в том, что и воля, в основе своей благая — воля, руководимая не личной корыстью или похотью, а нравственным мотивом любви к людям, стремлением спасти их от страданий и неправды и утвердить праведный порядок жизни — может также, сочетаясь с безмерностью и дерзновенным своеволием, оказаться волей безумной и в своем безумии вырождаться в волю преступную и гибельную. Мы имеем в виду то устремление мысли и воли, которое можно назвать общим именем утопизма. Под утопизмом мы разумеем не общую

мечту об осуществлении совершенной жизни на земле, свободной от зла и страдания, а более специфический замысел, согласно которому совершенство жизни может, а потому и должно быть как бы автоматически обеспечено неким общественным порядком или организационным устройством; другими словами, это есть замысел спасения мира устрояющей самочинной волей человека. В этом качестве утопизм есть типический образец ереси в точном и правомерном смысле этого понятия — именно такого искажения религиозной истины, которое увлекает человека на ложный и потому гибельный путь. Цель, которая здесь ставится, невозможна не просто потому, что никакой идеал не осуществим в его абсолютной полноте и чистоте; она невозможна, потому что содержит в себе, как мы постараемся показать ниже, внутреннее противоречие. Пока этот замысел остается только мечтой — как в «утопиях» Платона, Кампанеллы и Томаса Мора, — его внутренняя противоречивость, и потому ложность и гибельность самого стремления к нему, остаются скрытыми. Они обнаруживаются только на практике, когда этот идеал овладевает волей, т. е. делается попытка осуществить его в согласии с самим его содержанием, именно мерами внешне-организационными, т. е. через принудительное водительство человеческим поведением: именно тогда обличается нравственное безумие, т. е. порочность самой устрояющей воли, первоначально руководимой благим побуждением.

Именно в таком качестве практического политического движения ересь утопизма возникла впервые, по крайней мере в широком масштабе, в связи с реформационным движением, как типически христианская ересь — у чешских «таборитов» и в таких явлениях немецкой реформации, как крестьянская война, движение Томаса Мюнцера и анабаптизм, которые все были замыслом принудительного общественного осуществления евангельского совершенства. В секуляризованной форме эта ересь воплотилась сперва в якобинстве, а потом — в революционном социализме, который в наше время, в лице русского большевизма, овладел жизнью многомиллионного народа и тем получил неопровержимо убедительную опытную проверку.

2

Прежде, чем попытаться теоретически анализировать ересь утопизма и вскрыть общие источники ее заблуждения, отметим простой бесспорный исторический факт. Не только утопизм никогда не достигал на практике поставленной им цели, т. е. ему не удалось осуществить порядок, обеспечивающий нравственное совершенство жизни, но на пути своего осуществления он приводил к результатам прямо противоположным: вместо искомого царства добра и правды он вел к господству неправды, насилия и злодейств; вместо желанного избавления человеческой жизни от страданий он приводил к безмерному их умножению. Можно сказать, что никакие злодеи и преступники не натворили в мире столько зла, не пролили столько человеческой крови, как люди, хотевшие быть спасителями человечества. Пожалуй единственное исключение из этого

*) Статья «Ересь утопизма» впервые напечатана в «Новом Журнале», в томе 14.

общего положения есть зло, причиненное в наше время демонизмом национал-социализма и фашизма; но при этом не надо забывать, что этот демонизм мог соблазнить массы и обрести мировой размах только потому, что в нем исконно злая воля облеклась также в видимость мессианского движения спасения мира (не то от коммунизма, не то от «иудео-плутократического» морального разложения).

Но и этого мало. Самое разительное и парадоксальное в судьбе утопизма есть то, что, по замыслу, он всегда приводил не к добру, а к злу, не спасал, а губил жизнь, но что на этом пути сами спасители человечества из самоотверженных служителей благу, каким-то непонятным и неожиданным образом, превращались в бессовестных злодеев и кровожадных тиранов. Утопические движения всегда начинаются людьми самоотверженными, горящими любовью к людям, готовыми отдать свою жизнь за благо ближних; такие люди не только кажутся святыми, но в известной мере действительно причастны, хотя и в какой-то искаженной форме, святости. Постепенно, однако, и именно по мере приближения к практическому осуществлению своей заветной цели, они либо сами превращаются в людей, одержимых дьявольской силой зла, либо уступают свое место злодеям и развращенным властолюбцам, имеют их своими естественными преемниками. Таков парадоксальный роковой ход всех революций, руководимых утопическим замыслом утвердить абсолютно совершенный порядок жизни. Посередине этого пути от святости к садизму стоит, как бы воплощая в себе всю дьявольскую парадоксальность этой нравственной диалектики, жуткий, загадочный тип аскетического и добродетельного в личной жизни кровопийцы, вроде Робеспьера и Дзержинского.

3

В истории русской мысли есть один любопытнейший образец этой диалектики, как она совершается в плане развития чистой идеи, вне всякого воздействия конкретной жизни в порядке практического ее осуществления; и именно поэтому этот образец особенно поучителен. Мы имеем в виду идейное развитие Белинского с момента, когда он, порвав с гегельянством, был охвачен пафосом скорби о земной неправде и стремления к нравственному оздоровлению общественной жизни. В известном письме, возмущающем разрыв с гегельянством, он заявляет, что «судьба субъекта, индивидуума, личности важнее судеб всего мира... т. е. гегелевской *Allgemeinheit*»; он утверждает, что никакая мировая гармония не удовлетворит его, если он не сможет разделить ее с каждым из его «братий по крови»; что, даже достигнув «верхней ступени лестницы развития», он потребует отчета «во всех жертвах условий жизни и истории», и иначе бросится сам вниз головой с этой «верхней ступени»¹⁾. Весь выраженный здесь страстный упор нравственной воли направлен на благо личности, на конкретные нужды живых людей; перед лицом абсолютной ценности каждой конкретной человеческой личности теряют силу все интересы общего развития человечества, прядущего осуществления общих ценностей жизни. Мы имеем здесь предвосхищение знаменитой формулы Достоевского, вложенной в уста Ивана Карамазова: «высшая гармония не стоит слезинки хотя бы одного только замученного ребенка». Именно на этом пути заботы о благе каждой человеческой личности Белинский становится страстным приверженцем социализма. И вот, это увлечение программой социалистического устройства жизни становится в душе Белинского столь всеобъемлющим, что тотчас же приводит его к жуткой формуле, совершенно опрокидывающей исходную мысль этого нравственного устремления: «Если для утверждения социальности (т. е. социализма) нужна тысяча голов, — я требую тысячи голов». И Герцен рассказывает, как Белинский, с горящими фанатизмом глазами, проповедывал необходимость гильотины. Так именно, из страстной любви к живым людям и их конкретной судьбе, рождается беспощадная жестокость

к ним же, поскольку они считаются помехой при осуществлении порядка, долженствующего обеспечить их же благо. Этот, в каком-то смысле и психологически естественный, и логически последовательный ход идей приводит, таким образом, к вопиющему нравственному противоречию; и здесь, как в лабораторном препарате, в идеально-чистой форме явлено то развитие, которое уже на наших глазах превратило самоотверженных русских народолюбцев в палачей-чекистов; что при конкретном осуществлении этого хода идей «тысячи голов» возрастают до неисчислимого количества, до сотен тысяч или миллионов голов — уже не составляет никакого принципиального различия.

4

Первое, ближайшее заблуждение утопизма состоит в том, что он есть замысел «спасти» мир, т. е. истребить в нем зло и неправду и утвердить безраздельное господство добра с помощью реформы порядка или устройства жизни. Порядок есть совокупность отношений между людьми, обеспеченных законом, т. е. принудительными общими нормами. Но этот замысел противоречит самому существу закона. В деле борьбы со злом и нравственного совершенствования жизни надо отчетливо различать между двумя совершенно разнородными задачами: задачей внешнего обуздания зла, опражнения жизни от его губительного действия, — и задачей сущностного искоренения или преодоления зла, совпадающей с задачей органического возвращения сил добра. Так как добро и зло суть по существу силы порядка духовного, то и возвращение добра и сущностное искоренение зла возможны только в порядке духовного действия изнутри на человеческую волю или на душевный строй личности, т. е. в порядке духовного воспитания, которое мыслимо только в стихии свободы и есть в конечном счете свободное самовоспитание — свободное восприятие и внедрение в душу благодатных сил, под действием которых зло как бы само собой рассеивается, исчезает, как тьма перед лучом света. Наоборот, никакое принуждение, никакой закон, который есть всегда приказ или запрещение, никакие, даже самые суровые кары не могут сущностно уничтожить ни атома зла, сущностно возрастить ни атома добра. В этом смысле толстовская критика государства и вообще борьбы со злом с помощью внешней силы совершенно права. Из этого, правда, совсем не следует толстовский вывод о ненужности и зловерности государственно-правовой борьбы со злом: ибо, не уничтожая сущности зла, закон, правовой порядок, действующий через принуждение, как указано, просто обуздывает его, ограждает от него жизнь, — что есть, конечно, задача необходимая и благотворная. Если укротить насильника и злодея, воспрепятствовать его злему делу есть нечно совсем иное, чем сделать его добрым и исцелить от зла, то в этом все же есть разумная и праведная функция охранения жизни от вреда, причиняемого злым действием. Вопреки толстовству и всяческому религиозному анархизму или политическому индифферентизму, благотворность в этом смысле разумного и справедливого порядка, принудительно охраняющего жизнь от зла и неправды, есть самоочевидная истина, которую нет надобности доказывать.

Однако перед лицом замысла утопизма нужно не упускать из виду обратной, только что упомянутой, стороны дела. Пределы благотворности какого-либо общественного порядка суть пределы благотворности принуждения. Никогда не следует забывать того простого факта, что самые справедливые и возвышенные по своему замыслу социальные и политические реформы конкретно исполняются агентами исполнительной власти, т. е. в конечном счете полицией. Задача же полиции, по мягкой формуле Глеба Успенского, состоит в том, чтобы «тащить и не пущать» — дело, как указано, необходимое для жизни и в определенных пределах требуемое нравственным сознанием, но столь же очевидно не способное «спасти мир», т. е. утвердить в нем нравственное совершенство или полноту счастья. Отсюда явствует, что утопизм, уповающий на осуществимость полноты добра через общественный порядок,

¹⁾ Письмо В. П. Боткину 1. III. 1841.

имеет имманентную тенденцию к деспотизму — со всем, что есть злого и губительного в деспотизме. Это есть основное — одновременно и моральное и социологическое — выражение против интегрального социализма. Поскольку под социализмом разуметь только общую идею необходимости и нравственной обязательности государственно-принудительных мер против эксплуатации бедных богатыми, слабыми — сильными или вообще против бедствий хозяйственной «анархии», проистекающих от хаотического столкновения корыстных воль, — он есть идея правомерная и бесспорная. Но поскольку под ним разумеется замысел подчинить всю хозяйственную жизнь, все социальные отношения между людьми государственной власти — построить всю социально-экономическую жизнь планомерно с помощью государственного принуждения, он выражается в замысел деспотизма: нравственно возродить жизнь методами «тащить и не пущать». Он упускает при этом из виду, что жизнь есть не искусственное, рациональное построение, а органическое творчество, что всякое творчество — в том числе и нравственное — совершается только в стихии свободы и что поэтому всякое подавление свободы парализует жизнь и, тем самым, силы добра, вне действия которых невозможно никакое совершенствование жизни. Из сказанного явствует, что дело тут не в каком-либо заблуждении в содержании социально-политической программы интегрального государственного социализма, а в общем социально-философском — в конечном счете религиозно-философском — заблуждении утопизма как такового, только частным случаем которого является социалистическая утопия. Исходя из совершенно правильного сознания, что при несовершенстве человеческой природы свобода не только не обеспечивает разумной и справедливой жизни, а, напротив, фактически есть в весьма значительной мере свобода зла и неразумия, утопизм есть замысел в корне пресечь эту опасность через планомерное принудительное водительство общественной жизни единой направляющей разумной волей к добру. В сущности, именно в этом состоит чисто философская идея тоталитаризма (если оставить в стороне преступные и корыстные цели, фактически к нему примешивающиеся и в нем соучаствующие), как она была впервые выражена в бессмертной морально-политической утопии Платона²⁾.

Но этим, как указано, безмерно преувеличивается, как бы перенапрягается и тем искажается нормальная функция планомерного принудительного нормирования человеческой жизни — функция закона, который может только ограничивать произвол в его наиболее вредных для жизни проявлениях, но никак не может устранить основоположный факт общего несовершенства и преходности человеческой природы. Свобода, как стихия иррациональности, неизбежно включающая в себе зло и неразумие, в известном смысле совпадая с самим существом жизни, оказывается сильнее всякой попытки ее уничтожить. Загнанная внутрь, лишенная возможности открытого, явно воспринимаемого, беспрепятственного обнаружения, она находит множество неожиданных, непредусмотренных законом путей и каналов для своего как бы подземного действия. Это неизбежно сказывается в двух отношениях. Во-первых, замысел уничтожить зло принудительным нормированием жизни, даже поскольку он действительно руководим благой и разумной волей, фактически не достигает своей цели. Создается болезненное, отравляющее жизнь противоречие между только видимой благопристойностью и упорядоченностью жизни, как ее поверхностным наружным слоем, и ее внутренней хаотичностью и порочностью. И, с другой стороны, самих водителей жизни, должествующих своей разумной и благой волей преодолеть злую и неразумную человеческую волю, направляет и обуздывает не какая-либо высшая, более совершенная инстанция, а — в лице руководителей — та же самая человеческая воля, полная зла и неразумия. Получается безвыходный пороч-

²⁾ Что эта идея лежит в основе социализма — это совершенно ясно видно из его первой исторической формы в сенсимонизме, основной пафос которого состоял именно в обличении свободы как стихии зла и неразумия.

ный круг. Более того: свобода, будучи стихией иррациональной, — стихией, допускающей зло и неразумие — есть вместе с тем стихия рождения и действия добра и разума, т. е. единственная возможность самоисправления, совершенствования жизни. Преодоление зла и неразумия возможно только в форме свободного самовоспитания и самоопределения человека, свободной внутренней победы в человеке высшего, лучшего над низшим и худшим. Где замысел внешнего, принудительного совершенствования в жизни устраняет эту возможность, там фактически не только не достигается совершенство, а, напротив, иррациональность и порочность, присущие человеку, расцветают махровым цветом.

5

Ересь утопизма можно, таким образом, ближайшим образом определить как искажение христианской идеи спасения мира через замысел осуществить это спасение принудительной силой закона. Поскольку идея закона есть руководящая идея ветхозаветной религии, ересь утопизма оказывается искажением христианского сознания в направлении ветхозаветных представлений. Правда, в самом ветхом завете закон отнюдь не мыслится средством спасения мира. Он есть только средство «спасения» человека в смысле его оправданности перед Богом; при этом под законом разумеется, конечно, не закон государственный, а закон как безусловное религиозное веление — то, что мы теперь (оставляя в стороне ритуальный закон) назвали бы законом нравственным. Известна критика ап. Павлом этого понимания закона — критика, которую впервые была отчетливо разъяснена христианская идея спасения: закон, будучи коррективом греха, есть его коррелят и последствие, и именно поэтому, внешне обуздывая грех, не может сущностно преодолеть его и привести к спасению. Значение этой гениальной религиозной интуиции ап. Павла для нашей темы обнаруживается, если учесть естественную тенденцию закона в ветхозаветном смысле превратиться в закон принудительно-государственный. Будучи выражением Божьей воли, закон имеет безусловную обязанность: правда должна быть осуществлена при всех условиях, ее нарушение должно быть обуздываемо. Если эта имманентная принудительность закона ближайшим образом конкретно выражается в давлении на личность нравственного суда общественного мнения, то нравственная воля общества сознает себя вправе и даже обязанной утверждать правду и средствами государственного принуждения. Религия закона неизбежно и естественно воплощается в принудительной теократии. В истории христианства этот ход идей обнаруживается всюду, где в нем простирают ветхозаветные тенденции, например в кальвинизме (женевская принудительная теократия Кальвина и соответствующие явления английской пуританской революции). Закон, правда, мыслится здесь не как спасение мира, а как средство обуздания греха и тем самым, в порядке общих условий мирового бытия, как средство охранения мира от разрушительных сил греха, т. е. как условие устойчивости и равновесия мировой жизни, потрясенной прехождением. Но поскольку в утопизме возникает идея спасения мира через утверждение в нем праведного порядка или закона, ветхозаветная идея теократии принимает в нем характер спасения мира через государственное принуждение. Значение такого рода — искаженных — ветхозаветных представлений в утопизме явственно в типах утопизма эпохи реформации. Враги Божьего закона рассматриваются как безбожные «амаликитяне и филистимляне», подлежащие беспощадному истреблению (постоянный лозунг религиозного фанатизма в эту эпоху); характерно, что на этом пути «табориты» кончают прямым отречением от христианства и возвращаются к ветхозаветной вере. Самый яркий и в нашей связи поучительный образец этого умонастроения есть попытка анабаптистов в Мюнстере принудительно осуществить христианский идеал имущественной общности: закон предписывал, чтобы двери домов оставались открытыми днем и ночью; всякий мог брать по-всякому, что он хотел; разрушители закона беспощадно казались смертной казнью. Это есть образец примитивного,

мотивированного христианским идеалом совершенства, принудительного социализма, неизбежно поддерживаемого террором — кажется, исторически первый опыт большевизма.

Но это понимание ереси утопизма как искажения христианской идеи спасения в направлении ветхозаветной теократии само по себе еще недостаточно. Нужно еще уяснить предпосылки, в силу которых становится возможным само это искажение. Дело в том, что ни в новом, ни в ветхом завете, как таковых, не содержится ничего, что могло бы быть источником этого искажения. Как уже указано, при всем преувеличении религиозного значения закона, как богоустановленной принудительной нормы поведения, ветхозаветное предствление никогда не усматривало в законе предства спасения мира в смысле установления в нем абсолютного совершенства. С другой стороны, благая весть нового завета о спасении мира и преодолении в нем греха мыслит это спасение принципиально в порядке надмирном. В пределах нынешнего мирового зона это спасение состоит в освобождении человеческой души от подвластности преховному миру через открытие ей доступа к «Царству небесному» как ее вечному достоянию; в силу этого спасение, как полнота блаженства и возможность духовного совершенства, мыслится совместимым с бытием в несовершенном мире, исполненном греха и страдания. «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (Иоан. 16, 33). Эта сущностная победа над грехом и, тем самым, принципиальное, еще незримое преодоление преховного зона мирового бытия должны завершиться преобразованием его в «Царство Божие», но это преобразование совпадает уже с «концом» этого мира. И первое и второе спасение одинаково, хотя и в разных формах, означают выход за пределы «этого мира», имеют в виду «царство не от мира сего» и потому не только не содержат, но прямо отвергают мысль о возможности совершенства и полноты блаженства в пределах — как бы в категориальных условиях — привычного, «этого» мирового бытия.

Единственный религиозный мотив в составе священного писания и вообще исконной религиозной традиции, в котором можно было бы усмотреть опорную точку для утопизма, есть апокалиптическое чаяние «нового неба и новой земли», «нового творения» (идея, которая сама восходит к упованиям ветхозаветных пророков — ср. Исаия, 11 и 65, 17-25); и утопизм часто принято сближать с этой апокалиптической верой. Не следует, однако, при этом упускать из вида и существенное, можно сказать решающее различие между ними. Преображенный, совершенный мир — «новое небо и новая земля» — мыслится в апокалиптической вере именно как «новое творение», т. е. как бы второй завершающий акт сотворения мира. Подобно первому сотворению мира, это есть чудесный акт творческой Божьей воли, превосходящий человеческое разумение и тем более выходящий далеко за пределы всего доступного умышленной устрояющей воле человека. И — по крайней мере в новозаветном апокалипсисе — это новое творение отчетливо отделено от старого — от нынешнего мирового зона — страшным судом, в котором конечное торжество всемогущей правды Божьей, истребляя всю земную неправду, полагает конец и всему «этому миру». Напротив, утопизм мыслит «новое творение» делом именно устрояющей человеческой воли, руководимой замыслом утвердить абсолютную правду, «царство Божие» на земле, т. е. в категориальных условиях «этого мира».

6

Подлинный и последний идейный источник утопизма есть совершенно новая — по сравнению со всем кругом ветхозаветных и новозаветных представлений — религиозная идея (некоторую аналогию которой можно найти только в гностицизме 2-го века). Это есть мысль, что мировое зло и страдание определены не вошедшей в мир, искажившей совершенное Божие творение и в пределах мира неустранимой, таинственной силой греха, но неправильным устройством самого мира. К этому присоединяется другая мысль: человеческой воле, руководимой стремлением к абсолютной правде, дана возможность коренного

переустройства мира, взамен старого, неудачного и неправедного. Утопизм есть прежде всего отрицание догмата прехопадения. Ответственность за земную неправду он возлагает не на власть греха в мире, не на преховную человеческую волю, а на некие иные силы, повинные в неправильном и неправедном устройстве мира, — при полной последовательности мысли, на инстанцию, сотворившую мир. Это есть восстание человеческой нравственной воли против творца мира и против самого мира как его творения. Древние гностики учили, что мир сотворен злым богом и что Бог любви и правды, откровение которого принес Христос, есть совсем иной Бог, чем творец мира. Отсюда ближайшим образом следовало аскетическое бегство от мира, стремление избавиться от власти злого бога-творца через духовное причастие иному «далекому» Богу любви и правды. Немецкий богослов Гарнак (в своей книге о Маркионе) метко сближает учение Толстого с этим древним религиозным направлением. Не случайно, однако, в Толстом аскет сочетается с революционером; бегство от мира, отрицание красоты, эротики, культуры, — всех духовных сил, связанных с жизнью в мире и с признанием положительной религиозной ценности космоса, восполняется мечтой о возможности совершенной жизни через подчинение новому порядку — тому, что можно было бы назвать уставом толстовской жизни. Правда, этот порядок праведной жизни мыслится добровольным, с отвержением всякого физического принуждения; и в этом — существенное отличие толстовства от утопизма. Но, как выше было указано, вера в законный порядок как адекватное и всеобъемлющее выражение абсолютной Божьей правды по существу уже содержит в себе нравственное требование его принудительного осуществления и неукословно приводит к идеалу принудительной теократии. Поскольку утверждение праведного порядка мыслится делом умышленной, устрояющей воли человека, принудительная теократия принимает характер принудительной богоборческой антропократии. Человек берет на себя самого дело устройства мира на новых, праведных основаниях; этот новый, праведный и разумный мир — творение устрояющей нравственной воли человека — отчетливо противопоставляется миру старому, исконному, исполненному зла и неразумия — миру, созданному некой злой, слепой, хаотической силой. Именно в этом замысле построить совершенно новый мир, через принудительное утверждение в нем праведного порядка, и состоит существо утопизма. Не случайно, а совершенно естественно и с неумолимой последовательностью, утопизм, будучи первоначально христианской ересью, именно в качестве идеи спасения мира через подчинение его праведному закону, превращается в богоборчество, в восстание человека против Бога — сохраняя при этом характер христианской ереси только в самой идее спасения или преобразования мира.

7

В этом существе утопизма уже предопределена его судьба — та роковая диалектика вырождения добра в зло, констатирование которой было исходной точкой нашего размышления. Чтобы создать или сотворить новый мир, надо сначала разрушить старый. Ведь дело идет о том, чтобы создать мир именно заново. Подобно Богу, человек замышляет сотворить мир из ничего; но, не находясь в положении Бога, который впервые сотворил мир, он встречает препятствие для своего творческого замысла в лице уже существующего мира. Поэтому задача разрушения составляет для него интегральную часть его творческой задачи; согласно знаменитому изречению Бакунина в его немецкой юношеской статье — этом философском манифесте революционного утопизма «Die Lust der Zerstörung ist auch eine schaffende Lust». — Правда, по замыслу самого утопизма разрушение старого мира должно быть только краткой подготовительной стадией, за которой должно следовать уже чисто созидательное дело построения нового мира. Но старый, исконный мир — мир грешный, неразумный и несовершенный — упорствует в своем бытии, сопротивляется своему разрушению. Это упорство представляется утопизму всегда чем-то непонятным, не-

ожиданным, противоестественным, ибо противоречит его представлению об относительно легкой возможности построить новый мир. Оно рассматривается поэтому как некоторого рода случайная, частная помеха, приписывается какой-то извращенно-порочной воле: представляется естественным, что нормальные люди должны согласиться на план построения нового мира, обеспечивающий им «спасение», разумную и блаженную жизнь. Эта извращенная, порочная воля немногих должна быть подавлена и уничтожена; отсюда — требование «тысячи голов». Но этот старый мир, несмотря на всю свою порочность и дряхлость, на все свое несовершенство, все же имеет некое сверхчеловеческое происхождение — и потому некую для утопизма неожиданную прочность, о которую разбивается всякая чисто человеческая воля. Поэтому никакое устранение «тысячи голов» здесь помочь не может: взамен отрубленных голов у «гидры контрреволюции» вырастают тысячи — или скорее десятки и сотни тысяч — новых голов. Делс разрушения безнадежно затягивается, и на этом пути утопизм роковым образом увлекается на путь беспощадного и все более универсального террора. Именно поэтому благодетели человечества неизбежно становятся его угнетателями, мучителями и разрушителями. Спасаемые расплачиваются за слепоту спасителей, за ложность самого их замысла спасти мир новым его устройством, замысла, основанного на забвении истины о неустранимом никакими внешними человеческими мерами греховном несовершенстве мира. По меткому изречению Канта, «из того кривого дерева, из которого сделан человек, нельзя смастерить ничего совсем прямого». Посвящая все свои силы бесконечной, никогда не завершимой задаче обуздания, подавления, разрушения исконных основ мирового бытия, спасители мира становятся его заклятыми врагами и постепенно подпадают под власть своего естественного водителя на этом пути — духа зла, ненависти, презрения к человеку. Богоборческая антропократия роковым образом вырождается в демонократию, которая ведет не к спасению мира, а к его гибели.

8

Мы предвидим естественное возражение. На первый взгляд легко может казаться, что все это рассуждение несостоятельно, будучи основано на игре слов — на смешении «мира», как сферы общественной жизни человека, с понятием мира, как космоса. Никакие утописты, скажут нам, не собираются, ведь, изменить законы природы и создавать космос на новых основаниях; они замышляют только создание нового, праведного социального устройства; а подтверждаемая историческим опытом изменчивость социального устройства вполне совместима с независимостью космического строя бытия. Но это возражение лишь мнимо убедительно: оно проходит мимо самой существенной стороны проблемы. Лишь мимоходом укажем, что утопизм часто сам открыто признает себя мечтой о космическом преображении, как, например, в утопических фантазиях Фурье или в знаменитой формуле Маркса о «скачке из царства необходимости в царство свободы», указывающей, что наступление социализма мыслится именно как совершенно новый эон вселенского бытия. В туманной форме утопизм вообще содержит веру, что преобразование социального устройства как-то должно обеспечить подлинное спасение, т. е. конец трагической подвластности человека слепым силам природы и наступление нового неомраченно-блаженного бытия. Гораздо существеннее, однако, для нас иная, более тонкая и глубокая связь, в которой обнаруживается имманентная необходимость для утопизма быть замыслом преобразования неких общих космических основ бытия.

Дело в том, что само устройство человеческой жизни — мир социальной жизни — в некоторых общих своих условиях (в пределах которых, конечно, возможны многообразные исторические вариации) есть выражение подчинения человека силам космического порядка. Поскольку человек есть не чистый дух, а плотское существо, он в лице своей плоти и ее неизменных нужд и потребностей

входит в состав «космоса» и подчинен его силам. Поэтому всякий умысел изменить эти общие условия, заменить их совершенно новыми, есть что существо — все равно, сознается ли это или нет — попытка преобразования космических основ человеческого бытия (обычно это скорее не сознается, ибо открытое сознание было бы равносильно осуждению утопизма). Возьмем для начала простой, совершенно элементарный и потому грубоватый пример. Принцип всеобщего равенства, в качестве нравственного требования, конечно, вполне правомерен и обязателен, будучи выражением уважения к святости каждой человеческой личности, признания ее богоподобия и богосыновства. Но попытка утвердить реальное и безусловное равенство положения, возможностей и условий жизни всех людей равносильна попытке отменить универсальный и непреложный космический факт реального неравенства людей по их способностям, энергии, трудолюбию, как и столь же непреложный факт значения в жизни людей иррациональных случайностей. Можно и должно даровать женщинам «равноправие» с мужчинами, но совершенно невозможно отменить глубочайшее, космически предопределенное различие в умственном и душевном складе, в жизненном «призвании» двух полов; и аналогичное соображение ставит роковой предел всем другим попыткам реального уравнивания всех людей. Все они фактически означают замысел «космической революции», именно отмены универсального космического факта качественной и количественной дифференцированности бытия, т. е. его многообразия и его иерархической структуры.

Отсюда следует, что есть некие «законы», в смысле нормативно определенных порядков человеческой жизни, которые соответствуют подчиненности человека непреложным — в пределах «этого мира» — космическим условиям его бытия. В этом — смысл понятия «естественного права», выработанный уже античной мыслью и усвоенный христианской церковью в полном согласии с ее собственным религиозным сознанием. «Естественное право» не есть право, обеспечивающее совершенную и блаженную жизнь, не есть социальный порядок, сполна удовлетворяющий потребности человеческого духа. Напротив, оно естественно несовершенно, выражая общее несовершенство человеческой жизни в ее подчиненности силам космического порядка. Точнее говоря, естественное право есть максимально-адекватное выражение нравственной и духовной природы человека в пределах ее подчиненности этим космическим силам. Так моногамная семья есть форма, в которой нравственный дух человека упорядочивает космическую стихию пола. Так государство, государственная власть есть форма, в которой практически удовлетворяется нравственная потребность свободной и мирной солидарности перед лицом космического наличия враждебных, злых, анархических сил внутри и вне общегития; и именно в этом смысле государственная власть, по учению ап. Павла, установлена Богом (таков же, конечно, и естественно-правовой фундамент международного права, включая и еще неосуществленный замысел международного единства). Так частная собственность, при всем многообразии ее конкретных форм и при всей необходимости ее ограничений в интересах человеческой солидарности, в самом своем принципе есть естественное условие свободной самостоятельности человека перед лицом космического факта «хозяйственной» нужды, т. е. зависимости человеческой жизни от обладания материальными благами.

Потому всякий замысел отменить или уничтожить эти общие формы человеческой жизни, отражающие ее подчиненность космическим силам земного бытия, заменить их совершенно иными формами, придуманными нравственной мыслью человека, есть выражение неправомерной, противоестественной гордыни человека, его титанического стремления собственными силами построить совершенно новый мир. Замысел этот не только фактически неосуществим, так как он разбивается о непреодолимое упорство мира, в котором обнаруживается его сверхчеловеческое происхождение. Превращаясь на пути своего практического осуществления в безнадежную, никогда не завершимую задачу разрушения мира, он фактически вырожд-

дается в процесс калечения, уродования естественных — и потому при данном состоянии человеческой природы морально необходимых — условий человеческой жизни. Задуманный для утверждения абсолютной Божьей правды на земле, утопизм в процессе своего осуществления превращается в дело убийства — в переносном и прямом смысле слова — живого, конкретного, реального человека, в уничтожение самой жизни и, тем самым, всякой возможности ее морального совершенствования.

9

Согласно глубокой и верной христианской идее, человек подчинен «миру», т. е. космическим условиям своего бытия в меру своей собственной греховности, т. е. своего внутреннего несовершенства. Освобождение от этой зависимости возможно только в порядке внутреннего духовно-нравственного совершенствования человека, а никак не через какие-либо внезапные, механически действующие перемены внешнего порядка человеческой жизни. Дело совершенствования человеческой жизни есть дело свободного воспитания и самовоспитания человеческого духа, его внутреннего просветления благодатными силами. Общественные реформы нужны и осмыслены только именно в этом же порядке, т. е. поскольку они создают лучшие условия для этого дела свободного внутреннего духовного перевоспитания человека; но для того, чтобы исполнить эту свою функцию, они должны считаться с реальным состоянием человека, а не быть замыслом насильственной его перемены.

ВЛАДИМИР ИЛЬИН

Гознэ-Вронский — польский Платон*

В России мало знали польского философа и математика Гознэ-Вронского, жившего в прошлом столетии. Судьба его была печальной в том смысле, что не только его философские, но и его математические построения, заслужившие внимания, не были замечены.

Редакция «Зарубежья» хочет предложить своим читателям в память 120-летия со дня смерти Гознэ-Вронского две статьи о нем: одну его восторженного почитателя

Когда ровно сто двадцать лет тому назад, в 1853 г. в Париже, в обстановке полной нищеты и всеми оставленный, выпускал дух великий польский, общеславянский и мировой гений, тогда почти никто не мог и не хотел отдавать себе отчет в размерах одаренности того, кто отходил в вечность, на свою подлинную, Богом предназначенную родину. Но и в наше время о ее размерах многие не дают себе полного отчета. Как и всякий подлинный гений, Вронский стоит вне категорий, вне направлений, уже по той причине, что от него самого можно начать эти самые «направления» — удел талантов второстепенных, пусть очень больших порою, но все же не отмеченных печатью гения, который, ведь, исключительно редко посещает бедное — во всех смыслах — человечество. Задача талантов — продолжать и разрабатывать то, что начал гений, «Bahnbrecher», «прокладыватель новых направлений».

Если основываться на простой классификации и на простом анализе творений Вронского, пытаясь вывести его основную идею в порядке индуктивного метода, то такая попытка заранее обречена на неудачу. Гений Врон-

В истории русской мысли XIX века есть, можно сказать, классический образец глубокого и нравственного ума, в результате трагического жизненно-политического опыта дошедшего до этого сознания — образец умственной и нравственной эволюции, прямо противоположный приведенной выше, внутренне-противоречивой диалектике идей Белинского. Герцен в «Письмах к старому товарищу», которые могут почитаться его политическим завещанием, говорит, критикуя утопический замысел социальной революции: «Разрушь буржуазный мир: из развалин, из моря крови — возникает все тот же буржуазный мир». Революционер и социалист, Герцен, к тому же человек исторически образованный, конечно, хорошо знал, что «буржуазный мир» не вечен, а есть только историческое явление. Но он понял, что этот порядок общежития определен неким духовным состоянием человеческой природы и потому не может быть уничтожен насильственным переворотом. И потому он с гордостью истинно свободного ума прибавляет: «Я не боюсь оплошленного слова постепенность». Он понял вместе с тем основное заблуждение ереси утопизма — замысел осуществить совершенную жизнь «на земле», т. е. в условиях по существу несовершенного состояния мирового бытия. Чуждый всяких религиозных верований, этот независимый ум из простого наблюдения жизни и размышления о ней приходит к тому же осуждению ереси утопизма, которое может найти свое последнее и полное обоснование только в христианском религиозном сознании.

В. Ильина, другую — более объективного биографа. В этом же номере печатаются три статьи о Пьере Тейяре де Шардене. Может быть, в некоторых своих построениях относительно будущего человечества Вронский даже был предшественником Тейяра? Может быть, Тейяр знал его труды, которые вышли на французском языке? Так или иначе редакция предполагает, что читателям будет интересно ознакомиться хотя бы поверхностно с этим значительным, но до сих пор столь мало известным мыслителем.

окого равен его плодовитости, круг его интересов — необъятен, вернее, всеобъемлющ, и выводить в порядке индуктивного метода его господствующую идею так же трудно, как выпить море. И странным и глубоко печальным, мало того, мерзким и отвратительным является то, что до сих пор не предпринято издание полного собрания всех имеющихся в рукописях или отдельных изданиях его сочинений.

О люди! жалкий род,
Достойный слез и смеха!

На все у них есть деньги — вплоть до идиотского по своей роскоши издания никому не нужных томов нюрнбергского процесса нацистских монстров, а больше всего у них есть денег на дело ненависти и разрушения... Может быть — да и скорее всего так именно и есть — не издается польский гений по той причине, что дело его было глубоко мирным, конструктивно-творческим, что оно призывало, как и дело Н. Ф. Федорова, к любви, к объединению, а не к разделению. Гений, впрочем, ни к чему и ни к кому не приспособим, он есть «сокровище, приобретенное навеки» — по выражению Фукидида. Будет с нас и благоговейного внимания его мудрости!

* Мы печатаем эту статью с небольшими сокращениями. Ред.

А Вронский, в качестве великого философа, не только был человеком точной науки, но еще был и *великим мудрецом-учителем, обращавшимся ко всем народам с оливковой ветвью мира и с Крестом и Евангелием в сердце*. Был у него крест в сердце, нес он крест и на своих плечах. Вот и несомненно вторая важнейшая причина, в силу которой он подвергся опале в свое время и находится в полупопале и до нашего времени.

Ни легкости печатания, ни гонораров, ни «хорошей прессы» у Вронского не было. Зато было грандиозное и подлинно гениальное творчество. Оно было само по себе наградой польскому гению.

Судьбы польской философии удивительно напоминают судьбы философии русской. Лучшие польские философы принадлежали направлению религиозно-философскому и польско-славянофильскому (мессианскому). Позитивистическое и эмпирическое направление является национально не характерным и духовно разрушительным и в общем — подражательным, западным и почти совершенно бесплодным. Но что так сближает и братски объединяет религиозную метафизику польскую и русскую, именно в лице Вронского, так это то, что последний явно тяготел к греческому святоотеческому православию цветущего периода патристики, предвосхищая этим за сто лет некоторых нынешних католиков и притом самых крупных.

К этому надо добавить, в довершение сродства и аналогий судеб философии польской и русской, что ее ренессанс, блестящий и гениальный, начался с оплодотворяющего соприкосновения с германским идеализмом. Сюда надо отнести Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, с явным преобладанием Шеллинга в смысле качества оплодотворяющего момента. Даже второстепенные, но, конечно, все же важные явления аналогичны: например, влияние историософии Вико. Отношение к социализму и коммунизму — совершенно аналогичное и есть, например, полная аналогия между пр. Красинским и Достоевским. Оба могут быть названы законными наследниками Данте в деле открытия его «ада в коммунизме».

Нас теперь интересует трудная и зловещая проблема — до некоторой степени центральная в целой серии «проблем Вронского»: проблема эта состоит в явно несправедливом и дурно пристрастном отношении французской науки времен Вронского — во главе с такой величиной, как Лагранж. В конце концов за этой наукой, столь блестящей и творческой, останется темная, нехорошая слава *несомненного удушения одного из величайших гениев человечества — Гюэ-Вронского*.

В чем дело?

Конечно зависть царит в академическом мире, так же как и в артистическом. Но есть такие высоты одаренности и достижений, на которых зависть или просто бездейственна, или вовсе невозможна. Смешно и нелепо строить что-то на предполагаемой, например, зависти Моцарта к молодому Бетховену, чтобы объяснить холодное отношение творца Дон Жуана к автору Девятой Симфонии. И заведомо обречена на неудачу того же рода попытка объяснить резко отрицательное отношение Баратынского к Пушкину, обнаружившееся, например, в «Осени» Баратынского. Дело тут совсем не в зависти, но в полном несходстве типов творчества и мирозерцания.

Очевидно то же самое придется сказать и о конфликте официальной французской математической науки с гением Вронского. Оба в смысле одаренности стояли на той высоте, на которой зависть или невозможна, или недействительна, вернее — недействительна. Стало быть все дело не в конкретных математических достижениях Вронского в области теории функций и детерминант в особенности, но в обладании *математической метафизикой и общим мирозерцанием*, также и в области — и манере — подхода к проблемам точного знания, в том, *каким образом делаются открытия*. Люди к этому чрезвычайно чувствительны и готовы погубить какого угодно творца, если его мирозерцание «не подходит» или вовсе «одиозно». Тогда принципиально *всегда предпочитают бездарность или посредственность гению*.

Это и случилось с Вронским по отношению к француз-

ской академической науке, как это случилось с Шеллингом последнего периода и с германской академической философией и с германским радикальным общественным мнением, как это случилось у большевиков по отношению к Н. В. Бугаеву, очень большому математику.

В то время как Гюэ-Вронский развивал свои концепции *христианского платонизма и пифагорейства* и, исходя из них и приходя к ним, делал свои математические открытия, французская среда — от таких гигантов, как Монж, Лагранж, Пуассон, Коши и др., до ничего науке не давшего Огюста Конта и до обычных газетчиков-публицистов — переживала «медовый месяц» своего, увы! вполне «национального» и революционного позитивизма, с его радикальным отрицанием всякой метафизики, а тем более метафизики, связанной с математикой и точными науками.

В этом смысле французы шли гораздо дальше англичан, которым приятное (для них, конечно) свойство национального лицемерия помогало соединить материалистический и сенсуалистический материализм, утилитаризм и гедонизм, ярко антиплатонического направления с навыками английского протестантского клерджиства и даже подчас (хотя и редко) настоящего христианства. Французские ученые и философы никогда лицемерами не были. В век материализма и позитивизма они откровенно заостряли по всем пунктам все, что могло быть направлено против онтологической метафизики платонического-идеалистического типа, особенно если последняя была связана с христианством, уже с XVIII в. ставшим главным объектом вражды французской академической науки, *ее bête noire*.

Из этого сочетания английского эмпиризма и французского позитивизма и материализма и получился в результате, так сказать, коллективный материалист нео-Демокрит, по всей линии противостоящий жившему в новой метафизике неоплатонизму и неопифагорейству в полной гармонии со святоотеческим или средневековым богословием.

Старая и ожесточенная беспощадная борьба, начавшаяся в Афинах в V в. до Р. Х., возобновилась со всей ожесточенностью и беспощадностью в XVIII и XIX вв., чтобы дойти в XX в. до кровавых гонений марксизма, прямой линией ведущего свою генеалогию от английского и французского позитивизмов и материализмов.

Вронский был первой царственной жертвой, принесенной на кровавом алтаре борьбы мирозерцаний.

Но Вронский был не только возобновителем платонических и неопифагорейских традиций. Он был выше какого бы то ни было эпитонства, хотя бы и очень талантливого. В этом смысле Вронский, конечно, был платоником. Он был польско-славянским Платоном по аналогии, но не в смысле простой разработки платонических мотивов. Был он славянским Платоном в смысле *постановки во главу угла математически разработанной онтологии*. Свои математические открытия он делал в том же порядке, как Лейбниц открыл анализ бесконечно малых величин, а Кеплер — свои три знаменитых закона, носящих его имя. Именно оба сделали свои конкретные открытия, адским опнем жгущие позитивистов и марксистов, исходя из того, что Шопенгауэр именует «удовлетворением метафизических потребностей».

Вот, может быть, этот подход к открытиям был еще невыносимее позитивистам и материалистам, чем метафизические выводы из них. Выводы можно всегда, при желании, объяснить «заблуждением». Но то, что религиозно-метафизический метод может привести к гениальным открытиям, материалисты и безбожники-марксисты (впрочем также и «буржуазные» безбожники) простить никак не могут. Здесь остается только одно: *открытия замолчать и, при невозможности минимализировать, историю открытий — фальсифицировать, а самого гения — погубить всеми средствами*. Из этих средств в новую эпоху господства денег самым действительным является обречение на нищету.

С Вронским так и поступили. И попрежнему ныне более чем когда-либо этот метод в полном ходу. Гнусно то,

что попрежнему Вронский продолжает быть в полуопале и в истории науки ему попрежнему надлежащего места не уделяют или вовсе не уделяют никакого места. По линии миросозерцательной «Страшная Месть» не знает ни прощения, ни пощады...

Впрочем, что говорить о Вронском, о судьбе единичного человека, хотя бы и исключительно одаренного, если в первый период большевизма вся высшая математика именно как раз в тот период, когда сов. Россия вызывала на Западе всеобщие и единодушные восторги в качестве «авангарда мирового прогресса», вся высшая математика была приговорена к уничтожению, как повинная в смертном грехе идеализма. Вместо нее предполагалось оставить только инженерные формулы и все имеющее лишь практическое применение для текущих нужд. Что и говорить — подход вполне «прагматический».

Напомним, что в древности материалисты Демокрит, Эпикур и Лукреций абсолютно ничего не сделали ни в математике, ни в естественных науках, так же как в новое время ничего в математике ни в естественных науках не сделали французские материалисты и безбожники XVIII в., немецкие материалисты XIX в., и, конечно, ни малейшего значения в этой области не имеют ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин, ни Сталин, ни прочая чекистская компания позитивистов и материалистов. Они только терзали и убивали неугодных им по миросозерцанию ученых. И в этом нашли себе верных союзников на Западе, попрежнему все делающих, чтобы Гоэнэ-Вронский как можно дольше оставался в тени.

Платонизм в своей аутентической стадии, т. е. у самого Платона, был тесно связан с пифагореизмом, в основе которого лежала *математическая философия мира и онтологический подход к числу и к теории чисел*. Геометрия была связана с арифметикой не в качестве подсобной технической дисциплины на предмет примеров и конкретной подстановки в формулы для практических выводов, но утверждалась конкретная качественная связь с числом геометрических фигур. Число мыслилось «*фигурно*», а фигура — «*численно*». В наше время (начиная приблизительно с Гаусса) эта теория фигурных чисел все более и более завоевывает себе место в так называемой теории группы определителей. Пифагорейцы мыслили космологию, космогонию, арифметику и геометрию как составляющие одно целое с философией, а последняя была для них в то же время жизнью, «пифагорейским образом

жизни». Эта же временная пифагорейская и философская жизнь была для них средством для жизни вечной вообще и для должного перехода по ту сторону. Знамениты «золотые стихи», в которых изложена пифагорейская мораль и которые, быть может, действительно составлены им *самим*, показывают нам, что пифагореизм был прежде всего праведной жизнью.

В этом смысле Платон и Вронский объединяются на своеобразном пифагореизме. Для Вронского математика, космогония, музыка, неотделимы от философии и этики, так же, как и от политики. Последняя же есть для Вронского высшая форма общественной этики. *Совершенно ясно, почему Вронский без малейшей тени заносчивости или самопревозношения мог и должен был назвать свою философию — философией абсолютной*. Здесь он вполне совпадает по замыслу с платоно-пифагореизмом.

Однако эпигоном гений быть не может. Неоплатонизм и неопифагореизм — явления отнюдь не эпигонские, но творческие и новые. Заглавия и наименования не должны нас обманывать. Не надо поддаваться на удочку таких «авторитетов», как, например, пресловутый Эдуард Целлер, ровно ничего не понявший в неоплатонизме.

Совершенно то же самое придется сказать и об Иосифе Марии Гоэнэ-Вронском. Его философия математики есть явление существенно новое сравнительно с математической космологией Пифагора и Платона. То же самое касается и философии музыки. Его понимание Абсолюта, творчества и своеобразная мораль творчества, своеобразный *категорический императив, требование творчества, сосредоточение всего вокруг общей организационной идеи* — тоже явления совершенно нового порядка.

Гоэнэ-Вронский не только гениальный мыслитель и «созерцатель идей», он еще активист-изобретатель. И среди его «изобретений» самыми важными надо считать не математическо-инженерные и механические, но гениальный, грандиозный, хотя и вполне осуществимый социально-политический проект, вытекающий из его абсолютной философии. Гоэнэ-Вронский жаждал мира, как истинный церковный христианин, жаждал мира социального и международного, терзаясь зрелищем вражды и высоко поднимаясь над социально-национальной ограниченностью людей его и нашего времени, как орел парил на недостижимых высотах. С них он видел горизонты некоей Земли Обетованной, куда и звал всеми силами и всем напряжением своего мессианского дара.

С. ДИКШТЕЙН

Отрывок из биографии Иосифа Марии Гоэнэ-Вронского

Сегодня, когда со дня смерти великого мыслителя прошло уже много лет, его интеллектуальный и нравственный портрет обретает все более определенные черты. Нашего зрения уже не ослепляет ни фанатическое преклонение перед его гением, исключаящее всякую критику, ни страстная оппозиция, необоснованная и несправедливая, по отношению ко всему тому, что было им высказано в его трудах. Мы можем уже более спокойно поразмыслить над его долготелными изысканиями и их поразительными плодами; мы можем исследовать элементы его необыкновенного интеллектуального строя для того, чтобы постигнуть, каким образом выросла система его учения, охватывающая собой области от самых основ познания до наивысших вершин творчества (...)

Каждый свой письменный труд он начинал словами «*In nomine coeli*», или «*Во Имя Божие*», а заканчивал инициалами A.M.D.G. (*Ad majorem Dei gloriam*).

Необычайную скромность в личной жизни Вронский сочетал с прагматическим мужеством и чувством собственного достоинства. Это было выражением его глубочайшей

убежденности в непогрешимости его философии и в промислительно-посланическом характере собственной личности. Противников своей философии он считал врагами истины и боролся с ними со всей страстностью завзятого полемиста, придавая, иногда, в запальчивости, своей аргументации личную окраску и не щадя острых слов по адресу отдельных лиц и институций.

Как правило, он не раскрывал путь, каким шел к своим открытиям, вызывая таким образом других помериться силами в области разума и изобретательности.

Интеллект Вронского отличался некоторыми исключительными свойствами. Благодаря необыкновенной памяти он овладел более чем дюжиной языков и отличался всесторонними познаниями почти во всех областях современных ему наук. Его по праву можно назвать одним из наиболее великих «поли-историков» своего века. Его из ряда вон выходящая эрудиция выразилась в знании почти всей философской и научной литературы, особенно древней. В более позднем периоде своей жизни, занятый своими собственными изысканиями, он читал уже меньше. Этим объясняется тот факт, что он не обратил внимания на эпохальные геометрические изыскания Понселе, Штейнера и др., а также не отдал должного достижениям

*) S. Dickstein. Hoene Wroński, jego życie i prace, Krakow. Перевод с польского игумена Геннадия Эйкаловича.

в области аналитики таких мыслителей, как Коши, Абель и Якоби. Нигде в его трудах мы не находим упоминания или ссылки на современную ему философскую систему Конта.

Наряду со всесторонностью его интеллектуальных интересов следует отметить присущий ему «архитектонический» склад ума. В одном из своих ранних трудов, книге «Критическая философия», Вронский признается, что считает одним из высших аспектов человеческого разума способность к созданию систем. Он сам обладал этой способностью в превосходной степени. Она была его сильной стороной и, — да признаем это, — его слабостью. Сила эта выражалась в необыкновенном даре обнаружения аналогий и, что следовало из этого, в способности систематизировать согласно единому принципу все многообразие вещей, понятий и явлений, которые он исследовал. Слабость же проявлялась в убеждении, что таким образом созданные системы являются основой знания «ныне, и присно, и во веки веков», если можно так выразиться. «Закон Творения», положенный Вронским во главу угла его системы в качестве высшего и безошибочного принципа, не оказался непогрешимым руководящим законом на всех ступенях познания в той форме, какую придал ему Вронский*).

С архитектурными способностями у Вронского сочеталась поразительная способность к математическим построениям и обобщениям, т. е. дар математической абстракции. Его математические интересы сосредоточились преимущественно на области анализа; он не оставил почти никаких значительных трудов по геометрии. Его аналитическое творчество проявилось прежде всего в нахождении общих методов и в философском подходе ко всем научным проблемам.

Из области науковедения известно, что подобное, основанное на интуиции, творчество, не всегда идет в ногу с точной фактической критикой. Творцы новых методов открывают новые пути, но часто случается, что лишь более поздние исследователи подвергают критическому разбору детали открытий, исправляют и восполняют их, и — прежде всего — определяют условия и границы, в которых новые методы и теории обретают верную область применения. Таким образом познание не только расширяется, но и углубляется. Для развития науки необходимы оба подхода. Вронский, как известно, создавал методы с формальной точки зрения предельно общие, однако ни он сам, ни ученые более позднего периода не подвергли их той критике, о которой была речь выше. Именно современники Вронского не удосужились обратить должное внимание на его изыскания и создать фундаментальную критику, имеющую целью не только указать на неточности, но и подчеркнуть основные и плодотворные идеи нового мировоззрения. Поэтому-то математические идеи Вронского не повлияли на развитие современного ему знания, а так как и он сам не включился в ток мысли современников, то его достижения пребывали в изоляции, а наука перешла к порядку дня помимо их. То, что могли бы дать науке идеи Вронского, было достигнуто иными путями и в настоящее время, конечно, наука продвинулась дальше и глубже, чем это мы находим у него. Однако, как нам кажется, некоторые оригинальные мысли этого философа-математика могли бы быть использованы и практически применены точными науками даже и в настоящее время.

Все то, что нами сказано здесь о математическом творчестве Вронского, относится не только к области чистой математики, но и к трудам в иных отраслях науки, особенно тем, которые основаны на математике. Во всем у

* С. Дикштейн по отношению к Закону Творения занимает минималистическую позицию. Другие польские вронскисты считают этот закон онтологически адекватным. Среднюю позицию занимает французский философ Франсис Варрен, принимающий Закон Творения доселе непревзойденным «канонем познания» и считающий, что он таким останется еще неопределенно долгое время развития человеческого знания (Примечание переводчика).

него обнаруживается исключительный дар тонких построений, талант систематизации и абстракций. Мы уже знаем, что в любой области он сначала старался открыть верховный принцип, из которого проистекала бы вся сумма актуальных знаний и все будущее развитие данной науки. У него мы не находим системы аксиом, являющихся точкой отправления для дальнейших построений, как это делается в современной науке. У него такой точкой отправления является априорная истина, выведенная из трансцендентальных законов разума. Элемент опыта у него не играет решающей роли; всякая наука представляет собой чисто дедуктивную систему. Так, например, механика небесных тел основана у Вронского на общем принципе действия сил, выведенном метафизическим путем, в противоположность Ньютону, исходившему из опыта. Так же обстоит дело и с другими отраслями знания.

Не имея возможности рассматривать здесь основные проблемы теории познания, источники ведения и значенные аксиом в процессе познания, отметим только, что современные формальные науки как будто подтверждают теорию познания Вронского, при всем различии их подходов. Совокупность аксиом, лежащих в основе современных теорий и формальных дисциплин, представляет собой систему главных утверждений, проистекающих из обобщения опытных фактов, либо систему основных тезисов, взаимно не противоречащих и способных охватить исследуемую действительность. У Вронского же система основных истин обладает характером априорности, необходимости, неизменности и безусловности. Закон механики небесных тел, каким его формулировал Вронский, по мысли автора должен пребыть неизменным основным законом этой дисциплины навсегда: ни новые открытия, ни прогресс науки не могут внести чего-либо нового, что создало бы необходимость новых обобщений или дополнительных интерпретаций. Возвращаясь еще раз к закону притяжения Ньютона, отметим, что по согласному мнению современных ученых закон этот выведен дедуктивным порядком из точных наблюдений над движением планет. Обобщая этот закон, его можно применить к движению небесных тел вообще, к взаимодействию масс и т. п. Закон этот истинен в границах точности наших наблюдений и рассуждений и, не будучи опровергнут, будет руководить всеми изысканиями в области небесной механики. Отвлекаясь от источника и модуса его возникновения, мы имеем оправданные предпосылки для принятия его в качестве основания обширной, чисто дедуктивной системы, которой будет отвечать действительность планетарных и звездных миров — в пределах сегодняшнего совершенства наших методов наблюдения. При помощи математических построений мы сможем передвинуть дедуктивную систему так далеко, как нам это будет желательно. Но, когда мы захотим перейти к данной реальности, мы обязаны сузить наши обобщения. Вронский не пользуется таким методом, у него теория должна соответствовать реальности, а реальность — теории. Основной закон, по его мнению, не есть результат обобщений опыта; он — универсален сам по себе*). Идеал познаний, к которому науки обычно стремятся путем все более точного воспроизведения реальности посредством формальных построений, у Вронского является не целью, а точкой отправления.

Как бы то ни было, современный научный подход никак не опровергает ни полезности систематизации истин и явлений и извлечения из них соответствующих выводов, какую мы встречаем у Вронского, ни значимости частных результатов исследований, которые лишь на первый взгляд кажутся укорененными исключительно в той или иной форме системы, а на самом деле являются следом удачной научной интуиции автора.

В частности, система формул Вронского, относящаяся

*) По складу ума и мышления Вронский принадлежит к той группе мыслителей, в которой мы находим Платона, Декарта, Канта, Гегеля и у нас, в России, А. Лосева (Прим. перев.).

к теории движения двух и трех тел — истинна, и его «верховный метод» исчисления пертурбаций может оказаться весьма полезным. Вопрос только, заинтересуются ли астрономы методами и открытиями Вронского. В науке, как и в жизни, огромную роль играет привычка. Научившись пользоваться правой рукой, мы не в состоянии столь же успешно пользоваться рукой левой. Подобно этому и астрономы, привыкшие к обычным методам и обладающие определенной традицией, оправданной многочисленными достижениями, сокращениями, таблицами и т. п., с трудом свернули бы на путь менее проторенный, хотя бы он и сулил большие успехи в будущем. Вронский, не имея ни учеников, ни средств для распространения своих методов, не смог никого убедить в преимуществе своих методов над методами общепринятыми. Это же относится и к его теории приливов и отливов.

Теория форм небесных тел и все связанные с ней и далеко идущие идеи Вронского не получили до сих пор даже той оценки, какую обрели его астрономические теории. Еще в наше время, несмотря на долгие годы, протекшее с момента окончательного оформления Вронским своих идей, было бы очень важным и интересным найти ключ ко всем его теориям и произвести соответствующую их оценку.

Предмет, достойный пристального внимания, представляет собой теория материи Вронского, известная до сих пор лишь в фрагментах. В философии физики Вронский был представителем динамистического направления. Материя, по учению Вронского, состоит из сил, представляющих собой «трансцендентальные элементы» вселенной. Единство системы физических явлений объясняется у него систематической иерархичностью этих трансцендентальных элементов. Иерархия эта состоит из последующих ступеней: механической, тепловой, световой, электрической, биологической, психической и интеллектуальной. Эта иерархичность обретает у Вронского математическую форму соответствующих параметров, определяющих каждую из ступеней данного уклада явлений.

Мессианиззм, по словам Вронского, обнимает не только область чисто научных исследований, но также имеет задачей управлять судьбами народов и вести человечество к спасению, т. е. к исполнению высшего предназначения.

Философия Вронского не ограничивалась нахождением связей, аналогий и различий, построением систем... во всем этом она стремилась к творчеству, к проникновению при помощи формы в содержание вещей, хотела создавать знание, историю, политику, религию. Своим творчеством она создает аналогию творческой мощи вселенной. Испокон веков сердце человека терзается тайной цели существования: — мессианиззм успокаивает его, открывая эту цель или, вернее, веля человеку самому создавать ее; испокон веков разум человеческий страдает от жажды истины: — мессианизм утоляет ее, открывая эту истину или, вернее, указывая человеку, как обрести ее. Цель знания это не дурно-бесконечное стремление к истине, а само постижение ее и обретение. Бесконечная потенция духа, еще расщепленного во времени и пространстве, должна осуществиться в акте мессианического духа. Эта истина, согласно Вронскому, является постулатом разума, основой его существования, спонтанным, достоверным и непогрешимым принципом его творчества...

Свои архитектурные способности и дар математической абстракции Вронский применил к области явлений политических и социальных. Совокупность этих явлений он редуцировал, схематизировал и идеализировал и из такой основы делал свои выводы. Вронский не признавал необходимости собирать факты, проникать в детали явлений и таким образом расширять поле опыта, как это делают эмпиристы. Для него результаты такого труда имели бы разве что лишь ценность наглядного подтверждения априори дедуцированных принципов. Явления духовного прорядка сводились у него к основным элементам, а явления социального порядка — к антиномической противоположности двух партий. Он прозирал

ясно цели существования индивидов, общественных групп и народов. То, что еще в настоящее время имеет характер тайн, в будущем станет предметом разумного (логосного) постижения, ибо человеческий разум неутомим в своих усилиях и неограничен в своих стремлениях. Общества и народы в своей целенаправленности должны открыть божественный о них замысел и следовать ему...

Независимо от того, какие суждения могут возникать о философии Вронского, независимо от возможных погрешностей его системы, мы в его учении находим много прекрасных и величественных идей, имеющих непреходящую ценность независимо от принятия или непринятия его системы в целом. Вся его система проникнута наивозвышней устремленностью ввысь, я бы даже сказал — сверхчеловеческим желанием постигнуть истину для освобождения человечества от его психических травм и терзаний. «Абсолютное Единение», каким его видел Вронский, представляет собой, быть может, плод мечтательности теоретизирующего разума, но сам замысел такой организации и постановка великих религиозных, социальных и научных задач не может не получить высокого признания. Разве не осуществляется эта идея теперь, постепенно, хотя и в иной форме и без ссылки на единую философскую доктрину? Чем же являются современные международные организации, преследующие научные и гуманитарные, политические и этические цели, как не фрагментарными воплощениями идей Вронского?

Наиболее благородные элементы человеческого духа развиваются и крепнут в этих совместных трудах на общее благо. Цель этих организаций — преодолеть границы и ограниченность индивидов, отдельных социальных классов, национальных группировок и рас. И если Вронский не был первым или единственным глашатаям подобных принципов, если не он один призывал человечество к совершенствованию во имя высшего блага и высшей истины, то никто, быть может, не выразил этого с такой силой и с такой глубокой убежденностью, с такой верой в человека, как он.

Веру эту он подтвердил всей своей жизнью.

РУССКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. В. В. Бобыкин, Философия математики по учению Вронского, Москва, 1836. Физико-математические науки в их настоящем и прошедшем, т. 2, стр. 271—88; также: 1894, стр. 394—437.
2. В. В. Бобыкин, Гюэнэ-Вронский и его учение о философии математики. Биографии знаменитых математиков XIX столетия, Москва, 1894.
3. О. А. Домбровский, И. М. Вронский, польский предшественник Вл. С. Соловьева, «Новый Путь», 1903, № 12, стр. 64—77.
4. Н. О. Лосский, Три главы из истории польского мессианизма (по-англ.). Международная Философская Библиотека. Прага, 1936 (IX), т. 2, № 9, стр. 1(319)—9(327).
5. Малый Энциклопедический Словарь, Петербург, 1907, т. 1, стр. 974.
6. Большая Советская Энциклопедия, изд. 2-е, Москва, 1952, т. 9, стр. 280.
7. Митрополит Дионисий (Варшавский), Рецензия о книге Гюэнэ-Вронского «Послание к папам», Эллис, Варшава, 1932.
8. Игумен Геннадий (Эйкалович), «Закон Творения». Очерк философской системы И. М. Гюэнэ-Вронского. Магистерская диссертация. Буэнос-Айрес, 1956, 318 стр.
9. Н. О. Лосский, Рецензия на в/п книгу в «Журнале Св. Владимирской Духовной Академии» («Квартерли»), Нью-Йорк, т. 2, № 1, 1958.
10. К. Фотиев, Мирозерцание И. М. Гюэнэ-Вронского, Мысль, 1954, № 5, изд. «Посев», стр. 4—16.
11. Игумен Геннадий, Беседа Иисуса Христа с Никодимом. Богословский Сборник, Саут Канаан, Пенна, 1956.
12. Игумен Геннадий, Трагедия ли философии?, Богословский Сборник, № IV, 1958.

13. Игумен Геннадий, Триадиическая философия И. М. Гоэнэ-Вронского, «Новый журнал», № 97, стр. 238—254.
14. Игумен Геннадий, Металполитика народов, «Новый журнал», № 101, стр. 230—242.
15. Игумен Геннадий, Проблема бессмертия в экуменической перспективе, «Грани», № 82.
16. Игумен Геннадий, Должно вам родиться свыше, «Зарубежье», № 31—32 (1971 г.).

Подготовлено к печати: 1) Игумен Геннадий, Что же такое знание? (диспут с Н. О. Лосским), 2) И. Г.: Мессианиззм как философия (религии, историософия и польская разновидность романтизма), 3) И. Г.: Креационизм о бессмертии, 4) С. Ч. Ястшембец-Козловский, Проблема реальности, бытия и знания в философии И. М. Гоэнэ-Вронского, 5) В. Н. Ильин, Гоэнэ-Вронский — польский Платон.

В современном обществе несомненно существуют сильные воинствующие антиатеистические тенденции, которые уже далеко оставили позади себя границы атеизма. В странах коммунистических режимов эта активная борьба проводится не только путем пропаганды, но, как известно, и полицейскими мерами. В результате — образование новой псевдорелигии с ее пророками — Марксом, Лениным и многими другими. В свободном так называемом капиталистическом мире поклонение «золотому тельцу» для все большего числа людей становится содержанием жизни. Яркий пример того, что человек, живущий в условиях свободы, личной безопасности и материального благополучия духовно оскудевает.

В обеих столь различных общественных системах наблюдается вызванное явно почти противоположными причинами явление феномена, который нельзя иначе назвать, как «новоязычество». Несомненно, что «новоязыч-

ник» много упорнее отстаивает свое верование, чем это делали и еще теперь делают язычники общепринятого понимания. Уже только для того, чтобы заставить «новоязычника» отбросить хотя бы на короткий момент свойственную ему предвзятость и нетерпимость, необходимы новые, понятные его материалистическому образу мышления аргументы.

Оказывается, что нередко «новоязычника» побуждают задуматься над вопросами веры не столько труды христианских философов, сколько философия не философа, но зато ученого геолога, антрополога и палеонтолога мирового значения Пьера Тейяра де Шардена.

Учитывая громадный интерес наших читателей как к личности Тейяра де Шардена, так и к его трудам, мы помещаем в этом номере журнала три статьи компетентных авторов, посвященные этой теме.

С. О.

ЕПИСКОП НАФАНАИЛ

Палеонтолог, археолог и философ Тейяр де Шарден

I. ВОСПОМИНАНИЯ О ТЕЙЯРЕ ДЕ ШАРДЕНЕ

Среди выдающихся мыслителей западного мира первой половины XX века можно назвать французского палеонтолога и философа Тейяра де Шардена, сумевшего теснейшим образом соединить глубокие религиозные мысли и чувства с научными палеонтологическими и археологическими познаниями, философски синтезировав их.

Родившийся в 1881 г. в небогатой семье архивариуса в Оверне, четвертым ребенком из одиннадцати детей, он учился в Иезуитском колледже и с ранних лет полюбил минералогию, геологию и особенно палеонтологию. Также с ранних лет проявил он синтетический ум в мышлении, умея обнаруживать общие корни и общее содержание в самых по видимости разнообразных явлениях.

Свое высшее образование получил он во французском колледже в Каире, в Египте. В это время на него большое влияние оказал философ Анри Бергсон своей работой «Творческая эволюция».

Вернувшись во Францию, он работал под руководством Марселяна Буля и подружился с известным археологом и палеонтологом, аббатом Брейлем, с которым его объединяли обширные познания в палеонтологии и доисторической археологии и глубокое религиозное чувство. В 1913 г. они вместе приняли участие в раскопках доисторического человека в Англии.

Во время 1-й мировой войны Тейяр де Шарден служил фельдшером на передовых позициях и получил сначала военную медаль за храбрость, а потом и орден Почетного Легиона.

Вместе с тем военные переживания усилили в нем религиозные чувства, и по окончании войны, в 1918 г. он принял монашество, дав обет нестяжания, целомудрия и послушания.

Через четыре года он стал профессором геологии и палеонтологии в католическом институте во Франции.

В 1926 г. он переселился в Китай, где вскоре получил всемирную известность в связи с деятельным участием его в открытии и изучении т. н. Пекинского человека, иначе именуемого синантропом.

**

**

Летом 1935 г. прославленные археологи Тейяр де Шарден и аббат Брейль приехали на несколько недель в Маньчжурию, в качестве гостей тамошнего русского научного объединения, называемого Обществом изучения Маньчжурского края.

Конечно этот приезд для всех имевших прикосновение к указанному обществу был очень значительным событием.

Я в то время был православным монахом в небольшом русском монастыре в Харбине и в то же время сотрудничал в работах Общества изучения Маньчжурского края. Когда к нам приехали Тейяр де Шарден и аббат Брейль, мне привелось близко встречаться с ними.

Помню, как нас поразила быстрота и уверенность, с какими Тейяр де Шарден определял кости ископаемых животных. Мы определяли эти кости по специальному определителю — палеонтологическому атласу, и такая процедура отнимала у нас много времени и труда. А тут Тейяр де Шарден уверенным жестом брал кость и, едва взглянув на нее, говорил: «берцовая кость носорога», «резец махайродуса», «предплечье большого зайца» и т. д. И эти определения, по словам нашего палеонтолога Анатолия Степановича, были совершенно точны.

Мне удалось сотрудничать с двумя великими палеонтологами в двух интересных работах.

Первой такой работой было палеонтологическо-археологическое обследование речки Ван-чуан-хэ. Речка эта, протекающая в окрестностях Харбина, небольшая, метра три ширины, глубиной до метра. Но она очень древняя, ибо течет по одному и тому же руслу в течение всей четвертичной эпохи, т. е. плейстоцена. За это время она прорыла глубокий каньон, и мы находили древние остатки или на дне реки, или на склонах ее каньона. Тут не надо было делать никаких раскопок. Просто надо было идти по реке, внимательно всматриваясь в ее дно и в нависшие с двух сторон склоны обрыва. То из воды в неглубоких местах, то из глины обрыва выступали кости пещерного льва или пещерного медведя, или бугорчатая поверхность зубов мамонта, или концы рогов гигантского оленя — мегаце-роса, того самого, с которым уже в исторические времена в Песне о Нибелунгах сражался Зигфрид. И конечно са-

мыгми волнуемыми при этом был моменты, когда перед нами выступал конец каменного топора или ножа, или скребка, на которых были видны признаки отделки их человеком.

Из находок в реке Ван-чуан-хэ у меня составила коллекция каменных орудий палеолитического человека и костей плейстоценовых животных. Я собирал эту коллекцию в течение нескольких лет, но, пока ее не увидел и не одобрил Тейяр де Шарден, она не вызывала сколько-нибудь заметного интереса в широких кругах. Об очередных моих находках в местных русских газетах сообщалось лишь мелким шрифтом в трех-четырёх строках: «новая находка молодого сотрудника Общества изучения Маньчжурского края, отца иеромонаха Н. Н.». Когда же мою коллекцию просмотрел и похвалил Тейяр де Шарден, она привлекла общее внимание, и во всех газетах были напечатаны подробные отчеты о ней с приложением фотографий с нее.

Когда через два года после того мне надо было ехать в Европу, а денег на дорогу не было, я смог продать свою коллекцию чешскому консулу в Харбине за сумму, достаточную для оплаты путешествия из Харбина в Белград.

**

Второй интересной работой с Тейяром де Шарденом и аббатом Брейлем, в которой мне удалось участвовать, была экспедиция, организованная Обществом изучения Маньчжурского края в Баргу, на окраине Монгольской пустыни, на так называемые выдувы.

Тейяр де Шарден и аббат Брейль присоединились к этой экспедиции и в некотором смысле возглавили ее. Они очень удивились тому, что на эту экспедицию, в которой участвовало более 10 человек, маньчжурское правительство ассигновало только 400 долларов.

«Пожалуйста не пишите об этом в Европу», — попросил аббат Брейль. — «У нас такие экспедиции обходятся в большие тысячи, и нам часто бывает нелегко доставать от правительства или от частных лиц нужные суммы. Как же это вы умудряетесь устраивать экспедиции, да еще так хорошо организованные, на такие ничтожные средства?».

Мы объяснили, что это удается нам благодаря тому, что участники экспедиций увлекаются работой, посвящают поездкам свое свободное каникулярное время, сами оплачивают свой проезд, сами покупают себе свои личные рабочие инструменты и во время экспедиции питаются вскладчину за свой счет. Полученные от правительства средства расходуются лишь на докупку инструментов, если их не хватает, на оборудование палаток и на непредвиденные нужды.

Здесь нужно напомнить, что в 1935 г. только что была продана Советской властью Японии Китайская Восточная железная дорога и с нею сеть средних и высших учебных заведений. Юноши, принимавшие участие в работах этой экспедиции, были в большинстве воспитанниками советских средних и высших школ, в которых годами внедрялись избитые утверждения о непримиримой противоположности между религией и наукой. Поэтому для них появление в их среде, в качестве авторитетнейших, всемирно почитаемых двух ученых палеонтологов, в то же время являющихся монахами, было особенно поразительно и поучительно.

«Выдувы», на которые направилась экспедиция, — это небольшие каменные возвышенности среди песчаной пустынной местности, которые в течение столетий подвергались действию ветра и оттого потеряли свой песчаный покров, обнажив каменную основу, на которой задержались более тяжелые предметы: камни, большие кости и т. п. Среди множества обычных, ничем не примечательных камней попадаются и обработанные человеком. Узнать их нелегко, надо внимательно смотреть, осматривая нанесенные на их поверхности удары. Но как отличить случайные удары на камнях от ударов, нанесенных человеком?

И вот вечером, после трудового дня, сидя с нами у костра и прихлебывая чай после ужина, Тейяр де Шарден

говорил нам, тогда молодым сотрудникам Общества изучения Маньчжурского края:

«Если на камне видны один или два одинаково, повидимому целесообразно направленных удара, то это может быть еще и случайностью. Но если тут видны три или больше целесообразно направленных удара, то можете не сомневаться: перед вами камень, подвергшийся обработке человеком, единственным разумным существом в нашем земном мире, ибо только разум может направлять целесообразные действия».

Случайности могут быть очень разнообразны. Они могут создавать причудливые скалы, напоминающие формы человека или зверя, скопления облаков, дающие самые фантастичные формы. Но целесообразности в этих случайностях нет. Скала, представляющая быстрогозвонного зверя, не побежит, облако, изображающее цветок, не вырастет. Камень, подвергшийся лишь случайным ударам, не станет топором или ножом для человека в такой мере, как камень, подвергшийся обработке человеком. В иной форме, в иной концепции, но по существу то же, выразил тысячелетия тому назад великий римский оратор Цицерон, сказавший: «Сколько бы раз ни бросали мы кубики с буквами, все равно, строфы из „Иллиады“ или „Одиссеи“ при этом не получатся».

И это правило вы можете безгранично расширить и углубить, если при этом вы представите себе весь наш мир, который несет на себе следы не трех или четырех, а миллион миллионов воздействий, целесообразно направленных Вечным Разумом, сотворившим и направляющим мир». — закончил Тейяр де Шарден.

Только впоследствии я понял, что за этими словами скрывалось глубокое, разностороннее, богатое мировоззрение, о котором позднее знаменитый английский историк Арнольд Тойнби скажет: «Предметом творчества Тейяра де Шардена является сумма вещей: Бог и вселенная. Тейяр видит и раскрывает вселенную в ее эволюции и в то же время в ее единстве. Его раскрытие этого единства отвечает насущным духовным нуждам нашего времени».

**

Вторую мировую войну Тейяр де Шарден провел интернированным в оккупированной японцами части Китая. После войны он вернулся во Францию, а в 1951 г. переехал в Америку. К 1943 г. он закончил свой основной труд жизни «Феномен Человека»^{*)}, о котором известный биолог, сэр Юлиан Гексли пишет: «Мы — человечество, обладаем гигантскими возможностями в будущих судьбах земли, и мы сможем осуществить их все более и более при условии, что мы будем умножать наши знания и нашу любовь. В проповеди этого заключается основное содержание книги «Феномен Человека».

В официальных католических кругах идеи Тейяра де Шардена были встречены с неодобрением, хотя Бернард Тоуэр в главном католическом журнале Англии «Таблет» писал: «Результат трудов Тейяра де Шардена изумителен. Надо убеждать всех мыслящих католиков читать его работы».

И тем не менее, труды Тейяра де Шардена Ватикан не позволял печатать до самой его кончины в 1955 г. Выполняя свой монашеский обет послушания, Тейяр де Шарден со скорбью подчинялся этому запрету. После его кончины запрет был снят.

II. ТЕОРИЯ ЭВОЛЮЦИИ ПО ТЕЙЯРУ ДЕ ШАРДЕНУ

Пьер Тейяр де Шарден равно знаменит и как ученый — палеонтолог и археолог, и как глубокий мыслитель — философ.

Основным его трудом по философии эволюции является книга «Феномен Человека».

Об этой книге говорит известный английский биолог, Юлиан Гексли: «Влияние Тейяра де Шардена на мировую мысль оказалось очень значительным. Благодаря соединению широкого научного знания с глубоким религиозным

*) „Le Phénomène Humain“, Editions du Seuil, 1955.

чувством и строгим ощущением иерархии ценностей, он принуждает богословов рассматривать свои идеи в новой перспективе эволюции, а научных работников увидеть духовное приращение их науки» (Ю. Гексли в предисловии к английскому изданию «Феномена Человека», Лондон и Глазго).

Мы постараемся изложить основные пункты теории эволюции Тейяра де Шардена очень сокращенно, фрагментарно, но его собственными словами, выдержками из его знаменитой книги, не навязывая ему своих мыслей и своих формулировок.

Третью главу первого раздела своей книги Тейяр де Шарден начинает словами: «Несколько тысяч миллионов лет тому назад, не постепенным процессом эволюции, а в результате невероятного случая, часть материи, состоящая из особо устойчивых атомов, оторвалась от солнца, и не порывая вполне своих отношений к основной массе, на расстоянии от солнца наиболее благоприятном для получения умеренных излучений, этот кусок материи стал сжиматься, принимать правильную форму и вращаться.

Новое небесное тело, на этот раз планета, включившая в свои недра в будущем и человека, явилось в свет. До сих пор наши глаза разбегались, созерцая материал, из которого распределялась вселенная. С этого момента мы сосредоточим наше внимание на этом, относительно малом, незначительном, но захватывающем воображение объекте, который народился в тот момент. Это единственное место во вселенной, где мы можем изучать эволюцию материи до ее предельных фаз, включая нас самих.

Взглянем же на землю в эти ранние периоды, когда свежая, преисполненная дремлющих сил, проходила она через хаос минувшего».

**

В первой главе второго раздела этой книги в параграфе «Взаимоотношения и очертание» он говорит: «Когда в определенный момент эволюция земной материи достигла зрелости, также вследствие неведомого нам кризиса, явилась новый порядок — явилась живая клетка. Бесчисленные элементы, составившие живую клетку на земле, не были соединены случайно, наудачу. Их сочетание производит впечатление таинственной направленности. Биологи замечают, что согласно химическим группам, к которым они принадлежат, молекулы, включенные в живую материю, все симметричны. И замечательнее всего то, что все живые существа, от ничтожнейшей бактерии до человека, строятся по единому плану, содержат в себе те же самые сложно-составные типы витаминов и энзимов, несмотря на то, что возможны были бы иные бесчисленные комбинации. Все высшие животные триптеркуляры. Все наземные позвоночные ходят на четырех ногах. Без сомнения все эти сходства, не вызываемые необходимостью, указывают на выбор и сортировку. Единство химического состава протоплазмы во всех живых существах указывает на единство их происхождения...»

Для меня пастеровские опыты являются убедительнейшим свидетельством того, что жизнь была произведена однажды на земле, что подтверждается глубочайшим единством структуры всего древа жизни...»

В начале третьей главы 2-го раздела книги Тейяр де Шарден говорит: «Протоплазма явилась однажды и только однажды на земле, так же, как ядра и электроны атомов сформировались однажды и только однажды в космосе. Эта гипотеза имеет то преимущество, что дает объяснение глубочайшему органическому сходству, запечатлевшему все живые существа от бактерий до человека. И в то же время это объясняет, почему мы не можем найти даже малейшего живого существа, не порожденного другим живым существом. Жизнь была порождена и распространяется на земле как единая пульсация...»

И несмотря на это единство, что мы знаем о душах животных, даже ближайших к нам? На этом расстоянии вниз и назад в эволюции мы обречены быть туманными в наших суждениях...

Теория эволюции общепринята ныне в среде научных работников. Но руководима ли кем-нибудь эта эволюция? Направляется ли она к определенной цели? На эти вопро-

сы многие ученые отвечают отрицательно. Но, отбрасывая все соображения антропоцентризма, я все же ясно вижу целеустремленность, направленность в линии прогресса жизни, и эта направленность является фактом настолько очевидным, что я убежден в том, что этот факт будет признан всеми учеными завтрашнего дня».

**

В третьем разделе своей книги, озаглавленной «Рожденные мысли», Тейяр де Шарден говорит: «С позитивистической точки зрения человек является наиболее таинственным и смущающим объектом в науке. Фактически мы должны признать, что наука до сих пор не находит ему места во вселенной.

Биология сумела создать известный порядок в конструкции жизни. С помощью биологии и физики антропология делает все возможное, чтобы объяснить структуру человеческого тела и некоторые физиологические его отправления. Но даже соединенные все вместе эти данные дают портрет человека, весьма далекий от действительности. Человек, каким его рисует современное естествознание, является животным, как прочие, настолько мало отличающимся анатомически от человекообразных обезьян, что зоологи включают его с ними в одно подсемейство. И тем не менее, в действительности человек совершенно отличен от прочих живых существ.

Морфологически сдвиг от животного к человеку был очень мал, и тем не менее, он повел к невероятному изменению в сфере жизни. В этом заключается человеческий парадокс.

Между последним слоем плиоценового периода, когда человек отсутствовал, и следующим плейстоценовым периодом, когда геологи находят первые обработанные куски кремня, что произошло?! Где подлинная мера, чтобы измерить этот сдвиг?

Хотя мы принимаем как факт, что разумность порождается рефлексией, можем ли мы серьезно сомневаться в том, что разумность во всем эволюционном процессе принадлежит человеку, и человеку только? Конечно животное может что-то знать, но оно не может знать, что оно знает. Мы отделены от животного мира бездной или порогом, который нельзя переступить.

Мы должны признать, что зарождение разумности совершается не в одной только нервной системе, но во всем существе и, в то же время, что это происходит моментально. В человеческом онтогенезе мы не можем сказать, в какой момент новорожденный ребенок приобретает разумность и становится мыслящим существом. Здесь один и тот же индивидуум от оплодотворенного яйца до взрослого человека. Не то в филогенезе. Тут каждый шаг в переходе от одного вида к другому свидетельствует о появлении иного существа. И нам невозможно представить что-то среднее между двумя разными видами, как мы не можем представить себе человека, среднего между двумя индивидуумами.

Интересно, хотя и не входит в общий поток учения об эволюции, рассуждение Тейяра де Шардена о вреде специализации. «Специализация органов, — пишет он, — первоначально является фактором, способствующим превосходству данного вида. Но, так как этот процесс необратим, специализация порабощает животное и ведет или к уродливой гипертрофии, или к хрупкости организма. Специализация парализует эволюционный прогресс животного, сверхспециализация убивает его. Палеонтология наполнена свидетельствами о таких катастрофах.

Именно потому, что до самого плиоценового периода приматы (обезьяноподобные) оставались наиболее «примитивными» из млекопитающих, они оставались также и наиболее свободными, способными к прогрессу. И они использовали это для того, чтобы подняться к границам разумности».

**

Заключает свою книгу Тейяр де Шарден эпилогом, который озаглавливает «Христианский феномен».

Тут он пишет: «По самой структуре своей сфера разумности не может закрывать себя ни индивидуально, ни

социально от центра и целевой точки эволюции, которую мы наименовали Омега. Это неизбежное следствие логического применения к человеку опытных законов эволюции.

Если Омега — это только отдаленный фокус, который появится в конце концов при приближении к цели, то ничто не может сделать его известным нам, пока мы не достигнем этой точки.

Но, если Омега уже существует и действует в самой толще мыслящей массы, то, конечно, ее существование неизбежно проявится здесь и сейчас тем или иным путем. Для одухотворения эволюции на низших стадиях животного мира было достаточно ее проявления под покровом биологии. Но в мыслящей сфере, среди человечества, Омега может проявиться лично. Возможно ли, что Она не совершит этого?

В этой точке мы видим необходимость для науки христианского феномена...

Для тех, кто знает христианство лишь со-вне, оно кажется запутанным и неясным. В действительности же оно содержит в себе исключительно простое и четкое разрешение проблемы вселенной.

В центре его бескомпромиссное утверждение личного Бога, Бога, провиденциально руководящего вселенной с любящей внимательной заботливостью, Бога, открывающего Себя и сообщающегося с человечеством через человеческую разумность...

Является ли Царство Божие великой семьей? Да, в известном смысле этого слова. Но в другом смысле оно является биологическим действием — Миротворительным Боговоплощением.

У святых апостолов Павла и Иоанна мы читаем, что для того, чтобы явить полноту всего и очистить мир, Бог соединяет его с Собой, и соединяет органически. Как совершается это единение? Вхождением Бога в тварный мир, тем, что Он становится элементом этого мира и чрез то в самой сердцевине вещества воспринимает на Себя контроль и руководство в том, что мы именуем эволюцией.

Христос — центр единения Бога и человека, это конечная кульминационная истина христианской догматики. И это с абсолютной точностью совпадает с тем понятием об Омеге, которое мы определили как цель эволюции человечества.

Христос — возглавитель всемирной жизненности, ибо, явившись как человек среди людей, Он поставил Себя в положение Им вечно держимое, которым Он покоряет Себя, очищает, направляет и воодушевляет общее восхождение, в которое Он включился Сам. Постоянным актом общения и сублимации Он соединяет все воедино и преобразует все. В конце концов Он заключит в Себе Свои победы, в окончательном акте, в Божественном фокусе, которого Он никогда не покидал. Это будет то, о чем говорит святой Павел: «Бог будет всяческая во всем».

**
*

Отрывочно, сокращенно мы изложили собственными словами Тейяра де Шардена основную линию его мыслей в книге «Феномен Человека».

Резюмируя его учение, можно сказать, что оно сводится к утверждению, что принцип эволюции пронизывает всю историю мироздания. До самых последних страниц своей книги Тейяр де Шарден нарочно избегает чисто религиозных терминов и формулировок, чтобы не оттолкнуть неверующего читателя.

Так как феномен человека присущ, насколько мы знаем, только планете Земле, то Тейяр де Шарден говорит не столько о творении всей вселенной, сколько о творении земли. И при этом он не говорит, что Бог сотворил нашу планету, но заставляет читателя прийти к этому заключению, утверждая, что по неизвестной причине масса земли оторвалась от солнца и образовала нашу планету. Он не говорит, что Бог сотворил душу живую — органический мир, но исповедует, что живая материя не могла сама собой образоваться из неживой материи. Он не говорит, что процесс эволюции направляется Божией рукой, но свиде-

тельствует, что этот процесс направляем. Кем? Доскажем за Тейяра де Шардена: этим процессом может руководить только Творец и Попечитель вселенной. Он не говорит, что Бог сотворил человека, но исповедует, что между миром животных и разумным существом, человеком лежит пропасть или порог, которого невозможно перейти, подразумевается без творческого вмешательства Божия.

Чтобы показать, насколько христиански обоснованы эти положения, приведем мысли на ту же тему покойного преосвященного Димитрия, архиепископа Хайларского. Задолго до появления книг Тейяра де Шардена, в начале 30-х годов, будучи лектором на Пастырско-Богословских курсах в Харбине, он учил, что в самой Библии мы можем найти намеки, указывающие на эволюционный характер творческого процесса. В еврейском языке, на котором написана Библия, ясно различаются два термина, выражающие процесс созидания: «бара» и «асса». Эти термины хорошо переводимы на русский язык словами «творить» и «созидать». Творит художник, про которого никак нельзя сказать, что он делает свою работу из полотна и красок, или про поэта, что он свои произведения вырабатывает из пера и бумаги. Они творят из ничего, из самих себя. Наоборот, кузнец делает вещи из металла, плотник из дерева. Следовательно, по-русски, как и по-еврейски, есть специальное слово «творить» — «бара» для понятия творить из ничего и «делать» или «созидать» — «асса» для понятия делать из готового материала.

В повествовании о миротворении в Библии только трижды применено слово «бара»: в начале творения мира, при сотворении «души живой», т. е. органического мира, и при сотворении человека — духа человеческого. Обо всех остальных актах сказано «асса», т. е. созидание из готового материала. Даже о «создании» тела человеческого во второй главе Библии сказано «асса». Следовательно, если сначала феномены неорганического мира, а потом явления мира органического создаются из готового материала, то из этого очень естественно вытекает представление об эволюции, о постепенном совершенствовании этого готового материала в новые улучшенные формы — представление, излюбленное Тейяром де Шарденом.

Совпадения мыслей преосвященного архиепископа Димитрия с мыслями Тейяра де Шардена идут и дальше. Уча о телесном сродстве человека с животными и в то же время о коренном духовном его отличии от них, владыка Димитрий говорил: «По телу между человеком и шимпанзе меньше разницы, чем между шимпанзе и макакой, а по духу шимпанзе ближе к амебе, чем к человеку».

В подтверждение своих мыслей об эволюции архиепископ Димитрий говорил, что все фактические данные об эволюционном естественном отборе наука берет из аналогии с отбором искусственным. Но искусственный отбор совершается только при наличии направляющей руки хозяина. Если же ее нет или если она отнимается, то процесс отбора прекращается, порода дичает, регрессирует. Такой обратный процесс в естественном отборе мы не можем наблюдать на животном мире, так как все животные в своих жизненных процессах неизменно руководимы промыслительной рукой Хозяина вселенной — Господа Бога. Но есть одно животное — человек, одаренный разумом, духом и свободной волей, которой по собственному произволению может отвергнуть руководящую промыслительную руку Божию. И мы действительно можем наблюдать, как люди дичают в таком случае.

**
*

Коснувшись здесь проблемы свободной человеческой воли и злоупотребления ею, мы должны отметить, что в картине, нарисованной Т. де Шарденом, именно в этом пункте обнаруживается крупный существенный недостаток: он слишком оптимистичен, слишком мало говорит об искажении человеком Божьего плана, о злой человеческой воле и о диаволе, носителе зла во вселенной. В теории Т. де Шардена нет места прехопадению человека, которое по нерушимому верованию христиан было историческим событием, объясняющим очень многое в человеческой

истории, вызвавшим необходимость для спасения людей пришествия в мир Сына Божия. По теории Т. де Шардена эволюция человека от начала бесперебойно, бескатастрофно совершается до нашего времени и будет совершаться и далее.

Поэтому в еще большей степени можно сказать, что в теории Т. де Шардена нет места Страшному Суду Божию, конечной катастрофе, которая, по непреложному верованию христианскому, закончит исторический процесс человечества. Между тем по теории Тейяра де Шардена процесс эволюции человека опять-таки бескатастрофно постепенно переходит в процесс его обожения, и этот процесс полностью вмещается в настоящий феноменологический мир, в человеческую историю, в то время как по христианскому учению этот процесс мыслится лишь после всемирной катастрофы, после окончательной победы Христа над всяческим злом, после Страшного Суда Божия.

Еще более важным недостатком теории эволюции Тейяра де Шардена является то, что, говоря о совершенствовании человеческого рода и даже об обожении его под воздействием воплощения Христова, он говорит обо всем человечестве, не упоминая о Церкви, об этом «роде избранном», как о том свидетельствует ап. Петр (2, 5). Весь человеческий род призван к соединению со Христом, но фактически соединены с Ним лишь те, кто вступили в Церковь чрез святое Крещение, и если отпали от нее, то вновь с ней соединились через Покаяние.

Эти глубоко значительные пропуски в учении об эволюции Тейяра де Шардена очень снижают ценность его трудов в христианских глазах.

Но если в разбираемой книге обнаруживаются лишь эти, существенные, но не все определяющие недостатки, то в иных высказываниях Тейяра де Шардена можно усмотреть и еще большие вины перед Вечной Правдой.

8 марта 1947 г. на мировом конгрессе по вопросам веры, в Нью-Йорке Тейяр де Шарден говорил: «Рассмотрим две крайности: тут марксист, там христианин. Оба убеждены каждый в своем особом учении, но оба, это мы предполагаем, глубоко и одинаково сильно верят в человека. Разве не ясно, разве это не факт ежедневного опыта, что оба эти человека, чем больше они верят в будущее мира (и чем сильнее они чувствуют, что другой верит в то же), будут ощущать друг к другу глубокую симпатию, не простую сентиментальную симпатию, но симпатию, основанную на подсознательной общности в том, что они шествуют в одном направлении, и в конце концов, так или иначе, несмотря на конфликты в формулировках, сойдутся оба на одной вершине? Каждый из них верит по-своему, в отличных друг от друга направлениях, что они раз навсегда разрешили задачу двойного смысла мира. Но это расхождение не полно и не окончательно. Доведенные до конца оба пути в конечном итоге сблизятся. Так как каждая вера восходит из природы, а все, что восходит, то неизбежно конвергируется, т. е. сходится в одной точке».

Многие и кроме Тейяра де Шардена замечали черты сходства между марксизмом и христианством по внешности: тут и там в принципе строго организованная, строго дисциплинированная Церковь, определения которой непогрешимы. Еще в двадцатых годах дальневосточный мыслитель и политический деятель профессор Устрялов, провозвестник сменовеховства, по поводу очередного съезда коммунистической партии, патетически восклицал: «Это Вселенский Собор двадцатого века, это непогрешимые постановления Вселенского Собора!». И тут и там утверждается, что данное учение дает ответы на все вопросы жизни и человек любой расы, любого жизненного уровня, на любой точке земного шара научается одинаково давать, не сговариваясь, одинаковые ответы на все вопросы истории, науки, жизни, поскольку он придерживается данного учения.

Тейяр де Шарден идет дальше. Отталкиваясь от западного безверия и беспринципности, он впадает в худшую ошибку, утверждая, что пути марксизма и христианства конвергируются, т. е. потенциально сходятся в одной точке. Он не замечает, что и перечисленные выше и отмечае-

мые им черты сходства между марксизмом и христианством легко объясняются контрерной противоположностью между ними. Противоположности тоже часто бывают по внешности сходны. Дьявол постоянно имитирует Бога. Находящийся между двумя крайними точками западный либерализм не похож ни на то, ни на другое именно потому что он не противоположен ни тому, ни другому, а пытается использовать отдельные мысли, отдельные явления того и другого.

Но христианство и марксизм, особенно в ленинской интерпретации последнего, абсолютно противоположны друг другу. Христианство — религия любви, марксизм — религия ненависти. Человек, безгранично любящий, и человек, безгранично ненавидящий, часто поступают очень сходно. Оба готовы на подвиг, на самопожертвование, но силы, движущие ими, абсолютно противоположны друг другу. И методы их действия различны.

Несмотря на многочисленные исторические срывы, христианство в принципе всегда стремилось воздействовать на свободную человеческую волю, стремилось привести человека к Христовой вере свободно. Не будем думать, что эти идеи только современные, навеянные современным либерализмом. Еще в IV веке св. Мартин Турский, св. Амвросий Медиоланский и блаженный Августин протестовали против казни еретиков трикилиан, казненных узурпатором римского императорского престола Максимом Клементом в 383 г. «В делах веры мы не должны допускать принуждения». Преподобный Феодор Студит защищал еретиков павликиан от ярости византийского императора Михаила I и добился отмены их казни. «Не угодно Богу такое убийство, — писал он, — Церковь не мстит мечом».

Наоборот, марксизм распространяется насильем, запугиванием, режесоблазном и вдохновляется завистью, враждой и ненавистью.

Христианство в принципе доверяет своим последователям. Сколько важных подробностей христианской жизни остается на совести христианина. Никогда никому в голову не приходило установить проверку того, что исповедует в Таинстве Покаяния христианин священнику.

Наоборот, марксизм никогда и ни в чем никому не доверяет. Он пытается проверять всех своих последователей и неустанно следить за ними. Известен чрезвычайно широкий институт взаимного надзора и доносительства во всех учреждениях марксистов.

Все это в корне опровергает домыслы Тейяра де Шардена о возможности конвергенции христианства и марксизма. Но думается, что эти неверные мысли философа не соблазняют никого из людей, сознательно, трезвенно и ясно наблюдающих христианство и марксизм в повседневной жизни.

А неотъемлемой заслугой Тейяра де Шардена остается то, что никто, как он, так ярко, так всесторонне и вдохновенно не представил драгоценнейший феномен Божьего попечительства о Его творении во вселенной и промыслительного руководства Им всей эволюцией сотворенного Им мира.

Церковная история знает мыслителей и писателей, заслуга которых перед церковной культурой огромна, ибо они, как редко кто, обогатили церковную мысль плодотворными верными идеями, но которые вместе с тем, наряду с драгоценной пшеницей, сеяли и зловредные плевелы. Таковы в древнее время Тертуллиан на Западе и Ориген на Востоке. Таковы в недавнее время наш русский философ Владимир Соловьев и его последователи, либеральные церковные писатели. Со многими оговорками, но Церковь любит и Тертуллиана, и Оригена, и Вл. Соловьева, не пренебрегая из-за их заблуждений их верными мыслями.

И хочется в память Тейяра де Шардена привести смиренные слова родственного ему по духу Тертуллиана, обращенные к новокрещенному христианину: «Просите, сказал Господь, и дастся вам. Ты просил и получил, ты стучался, и отверзлось тебе. И я молю тебя об одном: когда будешь просить, помни и грешного Тертуллиана».

НАДЕЖДА ТЕОДОРОВИЧ

Памяти Пьера Тейяра де Шардена

Католический священник-монах ордена иезуитов, ученый антрополог и палеонтолог, неврофизиолог, исследователь и автор многих научных трудов по естествознанию и теологии, член Французской академии наук — Мари-Жозеф-Пьер Тейяр де Шарден (1881—1955) — мыслитель, мистик и поэт, известен во всем мире, в том числе и в странах за железным занавесом.

На его родине, во Франции, известны следующие его труды: *La vision du passé*, Paris, 1958; *Construire la terre*, Paris, 1965; *Le Milieu divin*, Paris, 1957; *L'êtres à Leontine Zanta*, Paris, 1965; *L'énergie humaine*, Paris, 1962; *L'activation et l'énergie humaine*, Paris, 1963; *Science et Christ*, Paris, 1965; *Sens humain*; *La Coeur de la Matière*; *Critique — en „Europe“ mars-avril 1965*; *L'avenir de l'homme*; *L'Homination*; *Hymne de l'Univers*.

В Германии, на немецком языке: *Die Zukunft des Menschen*, Olten, 1963; *Pilger der Zukunft*, Freiburg, 1959; *Geheimnis und Verheißung der Erde*, *Reisebriefe 1923—1939*, Freiburg 1961, и. а.

В Англии: *The Phenomen of Man*, Colline Fontana Books, London and Glasgow, 1959 and 1965; *Le Milieu Divine*, Collins Fontana Books, London, 1965. В Америке эти же труды изданы издательством Harper & Brethers, New York, 1959.

В Польше на польском языке опубликованы: *Człowiek, struktura i kierunki ewolucji grupy zoologicznej ludzkiej*, Warszawa, 1967; *Energia miłości*, *Pisma wybrane*, Warszawa, 1967; *Mój Wszechświat*, *Pisma wybrane*, Warszawa, 1967; *Srodowisko Boże*, Warszawa, 1967; *Mistyka nauki*, *Pisma wybrane*, Warszawa, 1967.

Некоторые из его трудов изданы на чешском языке в Праге.

В СССР на русском языке в 1965 г. был издан его основной труд «Феномен человека», в котором, однако, не помещены эпилог этой работы — «Феномен христианства» и приложение, в котором Тейяр де Шарден касается проблемы зла.

Многогранные исследования и смелые выводы из них Тейяра де Шардена вызвали появление множества работ, посвященных лично ему и его творчеству. Оценки и суждения о его концепциях различны: они зависят от мировоззренческих и церковных позиций их авторов, или, как в странах коммунистического блока, также и от обязывающей государственной идеологии.

Для многих, встретивших работы Тейяра с восторгом, цитируя Е. М. Бабосова, он стал «апостолом нового христианства», «проповедником Христа для поколений научной эры», «Фомой Аквинским XX века».

Восторг в значительной мере оправдан. Тейяр де Шарден, как ученый естествоиспытатель и в то же время христианский священнослужитель и не профессиональный богослов, сумел отойти от обычных понятий-штампов, которыми пользуются проповедники религий; отобразил грандиозную картину мироздания, начиная с его «первого момента» (Феномен человека, Москва, 1965, стр. 80), в терминах современной науки; представил динамику эволюционного процесса (материи и духа) монистически (преджизнь-жизнь-мысль-сверхжизнь), не исключая понятия о диалектических скачках; развил учение о конечной Цели космогенеза в целом, в связи с космическим пониманием Христа как Логоса, как Альфы и Омеги, Начала и Конца (Ин. 1, 1—3; Откр. 21, 6).

Не все ново в учении Т. де Шардена. На формирование его идей оказывали несомненное влияние некоторые мыслители XIX века. Христианские эволюционисты тоже были до него. Изображение картины мира, с восхождением его к Первоисточнику бытия, и феномен человека можно видеть в теософско-спиритуалистических изданиях, в работах Вл. Соловьева, интуитивные прозрения этого рода прекрасно выражены во вдохновенной оде Г. Р. Державина «Бог».

Новым является то, что он обосновал желанную связь науки и религии. Известный французский невролог профессор П. Шошар писал:

«Что является у Тейяра де Шардена новым, так это... тот факт, что эти два мира — мир науки и веры, которые большинству наших современников представляются если не полностью враждебными, то во всяком случае разделенными — для него составляли один мир в удивительной гармонии мышления и жизни» (цитировано по переводу с работы — P. Bendlowa, *Človek a moderni katholicismus. Krise katholickeho humanismu*, Praha, 1965, s. 72).

Религия и наука — для Т. де Шардена — две неразрывно связанные стороны или фазы одного и того же полного акта познания, который один смог бы охватить прошлое и будущее эволюции» (Феномен человека, стр. 279).

Ценным в трудах Т. де Шардена является введение в науку «новых терминов с одухотворенным смыслом», легко усвояемых в научных областях и уже применяемых в современном богословии. По этому поводу хорошо сказано в работе Э. Бенца, который вообще относится к теории де Шардена не сочувственно, но в данном вопросе воздает ему должное:

«... введенные Тейяром новообразования и абстрактные термины придают его теологическому языку очарование технизированной, сиентистской современности, более того — «сверхсовременности» (E. Benz, *Schöpfungsglaube und Endzeiterwartung, Antwort auf Teilhard de Chardins Theologie der Evolution*, München, 1965, S. 231).

Многие видные ученые, богословы, писатели и публицисты стали приверженцами или критическими исследователями многогранного и интересного учения Тейяра де Шардена. К таковым принадлежат: католический философ, томист М. Маритэн, богослов и неврофизиолог Поль Шошар, американский ученый и богослов М. Муррей, естествоиспытатель и богослов, занимающий кафедру профессора в Сорбонне Клод Трмонган, естествоиспытатель и философ Клод Кено, французский публицист Анри Феске, австрийский публицист Вильфрид Дайм. Из современных православных священнослужителей и богословов интересны работы о. Георгия Клингера (Польша) и автора труда «Истоки религии», большого эрудита в вопросах религиозной философии и истории Эмм. Светлова. (о. Г. Клигер, О. Тейяр де Шарден и православная традиция, «Вестник русского студенческого христианского движения», № 106, Париж, 1972, стр. 109—144); Э. Светлов, Истоки религии, Брюссель, 1970, стр. 342—384).

Труды Тейяра де Шардена при его жизни не были опубликованы. В связи с тем, что в его трудах было много неясных, противоречивых и недоработанных мест, так как он, увлекаясь исследованиями, высказывал свои мысли подчас в восторженно-поэтической форме, богатой яркими метафорами и аллегориями, руководство его ордена считало его труды опасными для богословия. Он, мол, «переходит рубеж науки», «углубляется в умозрительные построения сомнительного характера» и т. д.

Суровой критике было подвергнуто учение Тейяра де Шардена также и со стороны профессора Богословского института в Париже, православного протоиерея В. Зеньковского.

Останавливаясь на неясных местах или на слишком категорически, заостренно-выраженных формулировках, де Шардена упрекали и можно продолжать упрекать во многом: в абсолютизации процесса эволюции с игнорированием специфики духовного развития, зависящего, как известно, от свободной воли индивидуума; в недостаточной разработке проблемы Зла; в том, что он обошел в своих трудах вопрос о первородном грехе и слишком бегло коснулся преховности человека; в почти пантеистических толкованиях вопроса о материи... многие видят в его тру-

дах неверие в Личного Бога, игнорирование Церкви и проч.

Тейяр де Шарден скончался в возрасте 74 лет. Однако большая часть его жизни прошла в практической, исследовательской археологической и палеонтологической работе. В своем учении он не успел остановиться на многих научных и тем более строго богословских проблемах, не успел отчеканить свои формулировки (свою книгу «Феномен человека» он перерабатывал и дополнял, в соответствии с новыми исследованиями, на протяжении десяти лет). При его широких знаниях, богатой духовной интуиции и при мистическом опыте его личной религиозности он несомненно внес бы больше ясности в свое учение, а с ним в сокровищницу точных наук и богословия, если бы жизнь его была продолжена хотя бы на десяток лет. И это тем более вероятно, что, как это отметили и о. Г. Клиninger и Эмм. Светлов, в учении Тейяра де Шардена можно заметить много «корешков», т. е. начальных элементов тех умозаключений, в отсутствии которых его упрекают и которые тем не менее есть и интуитивно смыкаются с умозрениями восточных богословов и отцов Церкви (см. указанные работы названных авторов).

Во всяком случае и того, что он исповедал в своих трудах, достаточно, чтобы опровергнуть мнение о нем как об еретике или противнике Церкви.

Веру в Творца Вселенной как Личного Бога Тейяр де Шарден выразил в следующих словах:

«Океан, который объединяет в себе все духовные токи Вселенной, есть не только Что-то, но и Кто-то... Он обладает Сам по Себе и Лицом и Сердцем».

Своей христологией, космическим пониманием Христа как Движущей Силы космогенеза о. Тейяр оказал огромную услугу Церкви.

Не секрет, что во многих либеральных христианских кругах в Иисусе Христе, к сожалению, видят только Учителя, Пророка, в лучшем случае Сына Божия, Спасителя, не вдаваясь в сущность вопроса. Тейяр де Шарден, говоря об Иисусе Христе, подчеркивает не столько Его историчность на Земле, сколько изначально-сущую, единственную Богу Отцу Ипостась, движущую Силу космогенеза, как-вым исповедует Его Церковь в никео-цареградском символе веры, говоря: «Им же вся быша». Указав на эту значимость Христа, о. Тейяр заставляет обратить внимание на слова Самого Христа, зафиксированные в Евангелии: на вопрос — «Кто Ты?» — Христос ответил: «от начала Сущий» (Ин. 8, 25), или когда Он сказал: «истинно говорю вам: прежде нежели был Адам, Я есмь...» (Ин. 8, 58). В этом же состоит учение о Логосе, изложенное в первой главе Евангелия от Иоанна, на это же указывает тайновидец ап. Иоанн в предпоследней главе Откровения.

Церковь для о. Тейяра не только институциональна, он говорит о Церкви в ее космическом значении, как Н. Бердяев, он понимает ее как «пронизанный Христом космос»; идеальное Царство Божие, возрастающее, вызревающее, в соответствии с образами, примененными в притчах Христа о дереве, о пшенице, о хлебной закваске...

В том же космическом понимании рассматривает Тейяр и Евхаристию. Евхаристия — Звено, связующее на все времена Христа с человечеством, космическая реальность, осуществляющая мистическую ассимиляцию имманентного с трансцендентным.

В этом отношении прекрасны и страшны слова, которыми готовит себя о. Тейяр к св. Причащению:

«Если огонь спустился в сердце Мира, то это в конечном счете для того, чтобы принять меня и поглотить меня...»

«... Надлежит после содействия всеми моими силами Освятителю... согласиться, наконец, на Причастие...»

«Господи Иисусе, я согласен принадлежать Тебе и быть ведомым невыразимым могуществом Твоего Тела...» (Из «Гимна Вселенной»).

И, наконец, о роли христианства как преобразующей социальной силы в мире. Христианство — проповедь любви. Человек, в своем онтогенезе только через любовь осво-

бождается от зоологических инстинктов, подымается до богочеловеческих свойств. «Ключ христианского гуманизма» в трансформировании человеческого чувства любви эгоистической до любви спиритуальной, Любви с большой буквы. И только при достижении ее возможно освобождение от всего, что разделяет людей — от классово-рози, национальных и расовых предрассудков, своекорыстия, тщеславия и др. Отсюда оптимистический взгляд Тейяра де Шардена на будущее Земли — человечество при достижении состояния пребывания в Любви Христовой (Ин. 15, 9) может явить собой совершенное общество. Приверженцы христианского социализма, идеального коммунизма, социализма «с человеческим лицом» находят в этих постулатах Т. де Шардена обоснование своим социальным идеалам и импульсы для действия в мире.

Марксисты разных стран в своих работах, посвященных Т. де Шардену, одобряют его исследования в области эволюционного развития живой природы нашей планеты. Поскольку его выводы согласуются с новейшими достижениями в естествознании, они берутся марксистами на вооружение их материалистических теорий. Теория же о духовных ступенях эволюции именуется марксистами «непоследовательной теологической добавкой», данью священника Церкви, а потому «искусственной», «чужеродной», «вредной», «противоречащей науке», «затемняющей целостную картину самобытного развития материи, существующей извечно, без какого-либо Первичного Моментa и развивающейся без участия вымышленных мистических сил»... «Ученый Тейяр де Шарден отягощен реакционной религиозной идеологией». «Он — мистик, приверженец религии, склонный к экзальтации», «он срывается с высот гочных наук к воспеванию несуществующего бога», «смыслом его жизни фактически только и был его личный религиозный опыт»...

Работы марксистов, посвященные Тейяру де Шардену, претендуют на научность, но в то же время пестрят недопустимыми в научной литературе современного уровня выражениями: «Христос — мифический основатель христианства», «Павел — мифический библейский персонаж, апостол, которому приписывается роль основателя церкви» и т. п.

Об учении Тейяра де Шардена, пренебрежительно называемом «тейярдизмом», марксисты говорят как о типичном образце «современного кризиса католической церкви», как о «неудачной попытке в условиях развивающихся в мире социалистических идей удержать религию искусственным синтезом с наукой».

Осуждается «тейярдизм» также и с политических позиций марксизма. Последний, как известно, не допускает возможности социального упорядочения путем реформ и идеологических влияний; он признает только насильственный метод переустройства общественной жизни мерами классовой борьбы и коммунистической революции. Идеи христианского социализма, как и идеи «социализма с человеческим лицом» и любые другие идеи либерализации в социальной жизни, называются марксистскими критиками учения де Шардена «вымученными схемами, навязываемыми мелкобуржуазной беспомощностью либералов противостоять живому процессу движения масс», или иначе — «разглагольствованиями, имеющими реакционно-политический смысл» и т. п.

Такого же рода критику учения де Шардена являют собой работы Люсьена Сэв во Франции, П. Бендловой в Чехословакии, З. Иордана и И. Враги в Венгрии, Т. Плужанского и Т. Ярошевского в Польше, Олофа Клора в Восточной Германии и др.

В СССР, где, в связи с повышенным интересом интеллектуальной элиты к идеям русских философов-мыслителей XIX и начала XX века, учение Тейяра де Шардена может найти благоприятную почву, как было указано выше, советскому читателю не рискнули дать главу о феномене христианства. Зато там опубликован ряд работ местных марксистов: Ю. Бабосова, Тейярдизм — попытка синтеза науки и христианства, Минск, 1970; две статьи Ю. А. Левады в журналах «Вопросы философии» № 1,

1962 г. и «Наука и религия» № 10, 1966 г.; статья Н. Садовского в сборнике «О закономерностях перехода от социализма к коммунизму», ч. 2, Душанбе (б. Сталинабад), 1967. Кроме того, критикой «тейярдизма» в СССР занимались М. Н. Мчедалов, И. Качанов, М. Шейнман и др.

Все эти работы, как обычно у марксистов, пестрят ссылками на тексты «непогрешимых» классиков, таким тяжелым грузом лежащих на свободную мысль и твор-

ческие искания свободного человеческого духа. Эти ссылки тем более противоестественны и нелогичны, поскольку Маркс, Энгельс, Ленин — экономисты или юристы по образованию, никак не могут быть авторитетами в совершенно чуждых им областях естествознания, теории эволюции и проч. «Корифеем всех наук» был в свое время назван только Сталин, однако приверженность к культуре личностей продолжает жить.

В. А. ПИРОЖКОВА

Критический контрапункт

Если дело идет о памяти покойного человека, разрешено ли ставить в отношении его учения критические контрапункты или же следует ограничиться древнеримским *de mortuis aut bene, aut nihil*? Но мы не намерены критиковать покойного как человека, а при разборе его учения вряд ли может играть роль, жив еще автор или уже скончался. А потому мне хочется поставить несколько критических контрапунктов по отношению к восторженному восприятию Тейяра де Шардена со стороны его поклонников. Поскольку я сама не занималась специально учением Тейяра, но часто наткнулась на следы его влияния, мне бы хотелось в предлагаемой статье изложить преимущественно критику со стороны физика и философа, католика, Иосифа Мейрера в его книге «Тоска по потерянной картине мира. Прельстительность и опасность тезисов Тейяра де Шардена» (Joseph Meurers, *Die Sehnsucht nach dem verlorenen Weltbild. Verlockung und Gefahr der Thesen Teilhard de Chardins*, München, 1963) и лютеранского богослова, большого знатока Православной Церкви, Эрнста Бенца в его книге «Вера в творение и ожидание конца времен» (Ernst Benz, *Schöpfungsglaube und Endzitterwartung*, München, 1965).

Мейрер, сам ученый-естественник, указывает на то, что Тейяр в своей картине единого эволюционно развивающегося мира преступает границы научного исследования и распространяет метод специальной науки, именно палеонтологии, на исследование мира и действительности как таковых. Углубившись в изучение известного периода развития на земле, именно эволюции биологического мира, Тейяр переносит ее закономерности без дальнейших рассуждений как на период до возникновения жизни, т. е. на материальный мир, так и на период после появления на земле человека. Тейяр, например, пишет: «Таким образом материя с самого начала подчиняется великому биологическому закону...» (Человек в космосе, немецкое изд., стр. 23).

Мы сейчас увидим, каким образом Тейяр переносит это и на человека, но прежде мне от себя хотелось бы заметить, что исследователи, открывшие много правильного и нового в их специальной области исследования, часто бывали склонны переносить замеченные ими закономерности на области, исследованием которых они не занимались, предполагая, что им удалось открыть универсальные законы, которые применимы повсюду. Так, например, если присмотреться к историческим закономерностям Карла Маркса, то можно легко заметить, что он почти все заимствовал из изучения развития великой французской революции, и многие из его замечаний действительно применимы к этому периоду истории. Но когда он пытается распространить замеченные факты в виде закономерностей на древние Рим и Грецию, на Средневековье в прошлом и на «эпоху социализма» в будущем, то получается несуразица.

Вернемся к Тейяру. Он пишет следующее: «Чтобы дать место в мире мысли, я должен был как бы одушевить материю, выдумать энергетику духа, дать в противоположность энтропии представление о восходящем неогенезе, придать эволюции смысл, острее и критические пункты и, в конце концов, свести все к К о м у - т о . При новом упорядочении ценностей я мог во многих пунктах ошибиться.

Я хотел этим фактом, трудностью и важностью проблемы дать понять, о каких великих вещах идет речь, что необходимо для решения проблемы. Существовать может лишь Вселенная, которая необратимо создает личность, потому что она должна быть в состоянии принять в свое лоно эту личность» (Человек в космосе, стр. 286).

Мейрер отвечает на это вопросом: действительно ли вселенная должна быть в состоянии принять в свое лоно личность, да и принимает ли она эту личность? Или, может быть, человек является той реальностью, которая живет в этом мире, и в этой вселенной, но не является целиком от этого мира, от этой вселенной, как на это указывает Библия? Тейяр исходит из предпосылки, которую он принимает за нерушимую истину, а именно, что вселенная должна и принять человека в свое лоно. Но на самом деле это все лишь произвольная предпосылка, которая не только не доказана, но и не может быть доказана, больше того, она лишь с трудом может быть принята трезвым, невосторженным читателем. Мейрер совершенно справедливо указывает на то, что достоинство человека всегда находится под угрозой, когда его воспринимают просто как часть природы.

Тем более это относится к Богу и к воплощению Иисуса Христа. Бог остается для мира радикально «совсем иным», тогда как у Тейяра он в виде пункта Омега все же как-то втянут в эволюцию мира, хотя бы как конечная точка этой эволюции. Поэтому неумолкающие упреки по адресу Тейяра, обвиняющие его в пантеизме, имеют под собой основание, хотя бы Тейяр и не был в своем собственном субъективном понимании пантеистом. То же самое следует сказать и в отношении «втягивания» воплощения Иисуса Христа в процесс эволюции: «совсем иное» Его божественной природы не укладывается в рамки эволюционного космоса.

Основной ошибкой Тейяра, как и многих современных так называемых богословов-модернистов, заключается, видимо, в том, что выразилось в следующих словах Тейяра: «Моя философия может быть более или менее удачной, но фактом остается то, что человек XX века, просто потому что он живет идеями и интересами своего времени, может обрести свое равновесие только на основании законов природы и идеи единства представления мира и Христа...» («Да» по отношению к земле, Вена, 1960, стр. 48—49).

Мейрер совершенно правильно отмечает, что истина не ориентируется на идеи и интересы данного времени, она не ориентируется и на потребности человека, истина ориентируется только на себя самое. Или, как сказал крупный католический философ и богослов Романо Гуардини, когда праздновалось его 80-летие: «В течение моей долгой жизни я видел много разных мод и „духов времени“, моды приходят и уходят, а истина остается».

Тейяр пишет, что современный человек может основывать свое мировоззрение и даже представление о Христе только на законах природы, на естественных науках, и так думают в наше время многие богословы-модернисты. Но это мнение покоится на двукратной ошибке: они не учитывают ограниченности научных гипотез или даже научных достоверных знаний, и они еще не осознали до конца научной картины мира XX века. В этом последнем

заключается личная трагедия богословов-модернистов: они думают, что их мышление самое передовое в смысле мировоззрения естественных наук, но на самом деле их взгляды и представления коренятся еще в XIX веке, а самосознание ученых теперь очень изменилось. Мне лично не раз приходилось слышать от ученых естественников, как они восклицали: «Каким путем мы могли бы разъяснить богословам-модернистам научный взгляд на мир нашего XX столетия? Они в своих взглядах так безнадежно устарели!»

Наука стала теперь скромнее, чем она была в XIX веке. Тогда казалось, что ей нет границ и что с помощью специальных методов естественных наук можно познать весь мир. Теперь наука в каждой своей отрасли сделала колоссальные успехи, специальные знания увеличились во много раз, но чем больше подробностей узнавал ученый в той или другой своей специальной области, тем более ускользал от него мир как таковой. Стало ясно, что из суммы отдельных знаний нельзя составить картины всего мира. Больше того, все яснее становилось, что открываемые учеными закономерности носят относительный характер, они верны для данного участка мира, но их нельзя обобщить на весь космос. Ученые все больше работают с помощью понятий «система» и «соотношение». О соотношениях внутри материи современный физик может написать много точных формул, но он откажется ответить на вопрос, что такое материя. Но и формулы свои он отпечатает указанием, что они действительны внутри данной системы, внутри того мира, который земные ученые могут изучать, и внутри известного отрезка времени, очень большого, конечно, но все же ограниченного. Что именно существует и какие закономерности имеются вне этой системы пространства и времени, естествоиспытатель сказать не может, он и не задается такими целями. Профессор Людвиг, известный немецкий физик, как-то спросил меня с любопытством: «Скажите, отчего советские марксисты не хотят сказать, что их диалектические закономерности верны внутри их системы и только? Они бы могли тогда оперировать своими понятиями более уверенно». Я ответила, что они хотят создать не закрытую систему с известными имманентными закономерностями, но хотят объяснить весь мир и настаивают на том, что якобы открытые ими закономерности не только объективны, но и абсолютны. Мой собеседник только снисходительно усмехнулся.

Современный ученый знает также, что все тайны даже нашего, здешнего, мира никогда не будут открыты, и не потому, что процесс познания бесконечен и всегда остается еще что-то, что надо открывать, но потому, что есть вещи, которые просто недоступны человеческому уму. Тайна отличается от еще непознанного тем, что она принципиально непознаваема, тогда как то, что еще не познано, может быть познано позже. Конечно, нельзя точно определить, что из того, чего люди еще не знают, — тайна, а что просто еще не познано, но от постулата принципиальной познаваемости мира до самого его конца ученые уже отошли. Это было воззрением XIX века. То же самое можно сказать о чуде. В XIX веке ученые склонялись к абсолютизации открытых ими законов природы и думали, что они действительны всегда и ничем не могут быть нарушены. Теперь ученые знают, что эти закономерности носят характер всего лишь наибольшей вероятности, но не абсолютной достоверности. Мир природы перестал быть закрытым, каким он казался в XIX веке, теперь ясно, что он повсюду пронизан для других реальностей. Ни один серьезный ученый в наше время не будет, например, утверждать, что телесное воскресение Иисуса Христа не было возможным. Никаким научным данным такой факт не противоречит. Однако, как это обычно бывает, до массы дошли сейчас только еще научные взгляды XIX столетия, современной картины мира она еще не восприняла. Оттого теперь есть даже богословы-«модернисты», которые отрицают возможность воскресения Иисуса Христа.

Тейяр, конечно, не был столь примитивен. Он не отрицал ни тайны, ни чуда, но, считая, что современный человек может представлять себе космос и Иисуса Христа

только на основании законов природы, он все же остается еще в XIX веке, а не в XX, как он сам думал. Научные данные, конечно, не могут противоречить Откровению, но методы познания у них иные.

В XIX веке ученые думали, что рациональными методами познания они могут охватить весь мир, в XX они поняли, что им открыта только небольшая часть действительности. Знаменитый немецкий физик Гейзенберг выразил это такими парадоксальными словами: «Может быть, в одном единственном стихотворении Гельдерлина^{*)}» сказано о вселенной больше, чем во всех законах физики». Поэтому то, что Тейяру часто ставится в особую заслугу, именно, что он как бы объединил науку и религию, является на самом деле его слабым местом. Он попытался распространить научные закономерности за пределы их законного действия. Это оместь между разными аспектами взгляда на мир, разными методами его понимания, которые друг друга никак не исключают, наоборот, дополняют, но из которых нельзя устраивать мешанину.

Тем не менее, Мейерс, критикуя Тейяра, признает за его неудачной попыткой создать единую картину мира ценность напоминания ученым, что мир все же един и что они не должны удовлетворяться самозамыканием в их специальных областях и мышлением в категориях ограниченных систем. Но тем более они не должны пытаться переносить методы своей специальной науки на весь космос.

Тейяр обошел в своей картине мира первородный грех. То же самое делают и многие богословы-модернисты. Но без первородного греха нельзя понять развития человеческой истории, нельзя понять ее глубокого трагизма. Впрочем, Тейяр трагизма и не понимал. В его оптимистическом понимании эволюции нет места ни смыслу страданий, которые он пренебрежительно называл «отбросами истории», ни трагическому в истории. Н. Бердяев, который во многом не был церковным христианином, понимал тем не менее, что без знания о первородном грехе история человечества остается непонятной. Он также видел, что эволюцию после грехопадения нельзя распространять на период до грехопадения, как это сделал Тейяр. «И древнее предание о грехопадении человека, о грехопадении Адама и Евы, которое в форме краткой истории рассказывает о том, что свершилось в истории бытия до возникновения мирового процесса, есть повесть о зачинании истории, лежащем за гранью, отделяющей наше время от вечности. Это первичное действие, передаваемое в древнем мифе, в древнем предании, совершилось не в пределах нашего времени, а в вечности и зачалось в вечности. Оно породило порчу нашего времени, то зло нашего времени, которое связано с разрывом времени — на прошлое, настоящее и будущее. Высшее достоинство человека и высшая его свобода — это сознание предмирного и высшего происхождения человека, начала его судьбы, в дальнейшем подпавшей действию совокупности мировых сил, которые и изучает наука со своей эволюционной теорией. Это означает не то, что все эволюционное учение ложно и неверно; это означает лишь то, что оно имеет другой внутренний смысл. В эволюционной теории очень много верно говорится о процессе происхождения человека и о судьбе его в мире. Но эта эволюционная история имеет дело с вторичными, а не с первичными процессами и ничего не говорит о тех более глубоких началах, которые предшествуют самому возникновению нашей мировой действительности, самому возникновению нашего времени, тех процессов, о которых говорят религиозные предания и которые доступны лишь для метафизического познания» (Смысл истории, Париж, 1969, стр. 95—96). И в другом месте: «Основной темой всемирной истории я считаю тему о судьбе человека, ту тему о судьбе человека, которая ставится во взаимодействие человеческого духа и природы. Это взаимодействие, это действие свободного человеческого духа в природе — в космосе — и есть первичное основание, первичное начало исторического. В истории человечества мы видим разные формы взаимодействия меж-

*) Немецкий поэт XIX века.

ду человеческим духом и природным целым, которые проходят через разные исторические эпохи. Первичная стадия истории, которая является непосредственным результатом акта небесно-исторической драмы отдаления от Бога, драмы грехопадения, как драмы свободы, повергла человека и человеческий дух в недра природной необходимости» (стр. 133—134). Дальше Бердяев пишет: «Христианство признает духовную изначальность и духовную первичность человеческой природы и невозможность человеческой личности ни из какой низшей природы, ни из какой нечеловеческой среды. Христианство непосредственно связывает человеческую личность с высшей божественной природой и с божественным ее происхождением, поэтому христианство глубоко противоположно эволюционно-натуралистическому пониманию человека» (стр. 149).

На первый взгляд может показаться, что Тейяр как раз и дал эволюции другой смысл, продолжив ее в прошлое и будущее за пределы того земного исторического процесса, о котором говорит Бердяев, можно подумывать, что Тейяр углубил эволюцию и сделал тем самым возможным примирение христианства с тотальной эволюцией. Но это только на первый взгляд. На самом же деле, Тейяр неправомерно перенес то, что мы наблюдаем во вторичном процессе, на первичные основы и тем самым элиминировал то, что дает объяснение всего трагизма нашей истории, именно первородное грехопадение. Тейяр не знает падения человека «в недра природной необходимости», как говорит Бердяев, из первоначально духовного состояния. У Тейяра наблюдается только перманентное, хотя временами и скачкообразное, восхождение снизу вверх. Но это представление противоречит христианскому в самой его глубине. Элиминировав грехопадение, Тейяр фактически элиминировал и Искушение, так как оно стало больше не нужно. Это не значит, что Тейяр отрицал искупление *espresis verbis*, но это значит, что логически в его системе нет места для искупления. Торжествующая эволюция сама собой спасает мир. В оптимистическом восхождении от Альфы до Омеги нет места для Креста. В лучшем случае Крест вытесняется из центра истории на периферию. Великое Страдание и Неизреченная Жертва делаются «отбросами истории» и остается только космический Христос. Не только в наше время наблюдалось стремление сделать из Христа лишь человека, это стремление уходит к первым векам христианства. Не ново также желание сделать из Него лишь Бога. Но ни монофизитству, ни пелагианству нет места в полном, живом христианстве. Тейяр не отрицал человеческой природы Христа, но он придавал ей иное значение, страдающий и искушающийся Своими страданиями и смертью Христос не входит в рамки его односторонней картины мира.

Остановимся еще немного на критике Тейяра Бенцем. Бенц посвящает Тейяру две главы своей книги. В первой главе он излагает в основных чертах учение Тейяра. Вторая глава посвящена богословской критике. В начале Бенц отмечает ряд ценных мыслей, в частности указывает на то, что он, протестант, первый обратил внимание на то, какие ценные мысли Тейяр высказал о св. Евхаристии. Бенц также отрицает, что Тейяр не замечал зла. Он считает, что последние труды Тейяра указывают на то, что он зло видел. Однако он, как и Лейбниц, видит во зле, в конце концов, тоже лишь средство для эволюции, средство для движения вперед. Он смотрит на зло оптимистически. С этого пункта и начинается критика Бенца. Тейяр верит, что в конце эволюция сама собой приведет все к пункту, где все разрешится и где Церковь и все человечество сольются воедино. В ходе этой эволюции многое само собой отпадет.

Бенц указывает на то, что еще со времен Оригена (эта вера Тейяра поистине не нова) такая вера в автоматическое спасение всех и всего в конце развития ведет к чувству уверенности в том, что не нужно делать усилий, чтобы заслужить Царствие Небесное, что спасение придет самоотом. Поэтому Тейяр, пишет Бенц, смотрит на настоящее в перевернутый телескоп, который минимализирует проблемы настоящего до такой степени, что они уже сов-

сем кажутся неважными. Важно только будущее. Отсюда возникает эсхатологический оптимизм, переходящий в эсхатологическое легкомыслие. Тейяр, как и все верующие в прогресс, переносит акцент с единственной важной для христианского понимания категории времени, именно с настоящего, на будущее. В результате этого передвижения акцента теперь живущий, конкретный человек оказывается неважным, важным становится только абстрактный человек будущего. Это ведет совершенно последовательно к нечувствительности по отношению к страданиям ближнего, которое у Тейяра особенно ясно выражается в письмах к его кузине Маргарите Тейяр. В письмах с фронта первой мировой войны Тейяр жалеет, что он может служить в армии только санитаром, а не сражаться с пулеметом в руках. Смерть и страдания его не потрясают, война уже тогда представляется ему торжеством техники, и это кажется ему особо важным. Еще ярче это выражено в его отношении к взрывам первых атомных бомб: он возмущается теми, кто в ужасе от того, сколько жертв вызвали эти бомбы, какое это, мол, имеет значение по сравнению с великим достижением техники! Жертвы же на пути прогресса неизбежны.

Отсюда понятны симпатии Тейяра к марксизму. У него много общих черт с марксизмом: оптимистическая и прямолинейная вера в прогресс, подчеркивание категории будущего, увлечение техникой. Тейяр считал коллективизацию и социализацию общества неизбежным основным течением данной фазы эволюции, а потому думал, что сопротивление тоталитарным элементам парализует эволюцию. Жестокость коммунистических режимов не могла его попрясти, так как он рассматривал страдания и смерть людей как необходимые жертвы на пути эволюции.

Бенц пишет буквально: «Религия прогресса и эволюции является у Тейяра не только идеологией человека, которому принадлежит будущее, но она сама уже является выражением нового человека, homo progressivus, который придет на смену старомодному, в сущности уже прошедшему человеку. Homo progressivus — это переходная ступень между homo sapiens, от которого мы исходим, и сверхчеловеком будущего» (стр. 255).

Отсюда и отношение Тейяра к марксистам, которое было, между прочим, выражено в речи его в Пекине в 1941 г.: «Новая душа для нового мира: обновленная вера в человеческий прогресс. Христиане и нехристиане — люди, одушевленные этим особым убеждением, составляют одну гомогенную категорию. Хотя они находятся на двух противоположных флангах движущегося вперед человечества, они могут, не размывая пращи, идти вперед рука об руку, потому что их стремления не исключают друг друга, они продолжают и дополняют друг друга. Чего мы еще ждем? Отчего мы не хотим понять и любить друг друга? „Священный союз“, общий фронт всех, кто верит, что вселенная еще движется вперед и что у нас есть задача быть причиной этого движения: не может ли это быть действующим меньшинством, твердым ядром, вокруг которого разовьется единство будущего?» (Будущее человека, немецкое изд., стр. 110).

В значительной степени под влиянием идей Тейяра возникли в Западной Европе тенденции сотрудничества между христианами и коммунистами. В Германии для этого было создано так называемое «Общество св. Павла». Я помню, как на одном из его собраний католический богослов Карл Ранер говорил, обращаясь к коммунистам: «Отчего бы нам, христианам, и вам, коммунистам, не строить совместно будущего?» Общество это распалось после оккупации советскими войсками Чехословакии: жестокая действительность заставила лопнуть мыльные пузыри иллюзий богословов, далеких от реальной жизни. Они не оказались достаточно трезвенными, т. е. у них не хватало одной из важных христианских добродетелей, трезвенности. Трезвенности не хватало и самому Тейяру, увлеченному мечтами о будущем. Тейяр считал, что в ходе неизбежного, преддетерминированного сближения «человеческих молекул» между собой люди начнут «любить» друг друга. «Земля сжимается, это видно невооруженным глазом, и на ее поверхности сотни миллионов людей до лж -

ны, чтобы противостоять и даже приспособиться к давлению, которому они подвергнуты, не только технически организоваться между собой, но и переносить или даже включить в игру революционные возможности рефлексии возникших неисчерпаемых внутриспсихических сил связи. Так как человеческие молекулы все больше сближаются друг с другом, они на основании своей природы и структуры не могут сделать ничего иного, как склеиться друг с другом телом и душой» (Будущее человека, стр. 326).

Бенц пишет относительно этой идеи Тейяра следующее: «Здесь Тейяр переступает границу интерпретации христианской любви. Тейяр надеется, что социализация под давлением перенаселения, технизации, мирового передвижения и мирового хозяйства сможет быть превращена в социализацию любви, что возникает спонтанная любовь человеческих молекул друг к другу. Тогда вместо внешнего давления внутреннее влечение определит планетаризацию человечества».

Но эволюционистская идея «аморизации» человеческих молекул отстает в самом решающем пункте от того, что Евангелие понимает под любовью. Тейяр пишет в своем докладе «Мысли о прогрессе», прочитанном им во французском посольстве в Пекине 3 марта 1941 г.: «Любите друг друга, познавая в глубине каждого из вас становление того же самого Бога. Эти, 2000 лет тому назад впервые сказанные слова, оказываются значительным структурным законом того, что мы называем прогрессом и эволюцией».

Тейяр так влюблен в свое богословие эволюции, — продолжает Бенц, — что он основывает ее на словах Священного Писания, которых в этой форме в Священном Писании вовсе нет. Слова «Любите друг друга, познавая внутри каждого из вас становление того же самого Бога» не стоят в Новом Завете, они были выдуманы 3 марта 1941 г. в Пекине, во французском посольстве. Слова Нового Завета иные: Люби Господа твоего и ближнего твоего как самого себя. Здесь любовь не ставится в зависимость от познания становящегося Бога, но обращается непосредственно к ближнему как к личности в ее единственности и неповторимости ее страдания и ее поступков, ее несовершенства и ее добродетелей, ее ничтожества и ее величия. Любовь к Богу эволюции подвержена той опасности, что она убьет любовь к человеку, к ближнему, к Ты, что человек утонет в «человеческом тесте», в «матме эволюции», что любовь угаснет в процессе аморизации» (стр. 258—259).

Оптимистическая и даже легкомысленная, как пишет Бенц, вера Тейяра в прогресс находится в полном противоречии к мышлению русских философов XX века. Все они пережили то, чего Тейяр непосредственно не пережил: страшный срыв во зло России, страшную катастрофу становления большевизма. Можно взять произведения Бердяева, Булгакова, Франка, и хотя они во многих аспектах будут отличаться друг от друга, в одном они едины: в глубоком продуманном и прочувствованном отрицании ереси веры в прогресс. Их произведения пронизаны глубоким пониманием трагического в истории, трагического, лежащего в самых истоках вторично исторического процесса, т. е. истории человечества после грехопадения.

Эти русские философы явились более зрелыми мыслителями, пережив на себе и на своей стране страшный трагический срыв. Но в русской философии есть мыслитель, который предвосхитил эти личные переживания. Это Владимир Соловьев. Он долго пытался построить грандиозную картину будущего более совершенного христианского существования человечества. И в этот период Соловьев был уже глубже Тейяра. Этому русскому философу XIX века удалось во многом предвосхитить крушение научной картины мира его времени, той самой, которая еще в значительной степени владеет Тейяром, хотя Тейяр жил много позже Соловьева. Но все же у Соловьева того периода

были элементы оптимизма и веры в прогресс (которые так сердили Константина Леонтьева). Эта вера покоилась на недостаточном понимании сущности зла. Соловьев долго пытался видеть во зле лишь отсутствие добра или, во всяком случае, нечто несущее, что будет отступать по мере нарастания добра. Только столкновение лицом к лицу с персонифицированным Злом, с дьяволом, происшедшее с Соловьевым за 4 года до его смерти, заставило его пересмотреть его прежние установки. В своей гениальной «лебединой песне» — книге «Три разговора» — Соловьев осуждает все свои прежние мечты и построения касательно развития прогресса и эволюции человечества. То всемирное умиротворение и сближение людей, которое он прежде надеялся видеть под знаком Христа, он теперь видит под знаком Антихриста. Только великий Imitator Dei может дать видимое, кажущееся примирение, основанное на нечестном сглаживании противоречий, на смешении правды и лжи, истины и обмана. Христос же принес «не мир, а разделение», великое разделение между истинной и ложью, противостояние великому соблазну гибриса, стоящему у истоков истории, соблазну, которым дьявол поманил первых людей.

Соловьев понял, что зло не исчезает по мере нарастания добра, оно также не является средством «всемогущей» эволюции на пути к лучезарному пункту Омега. Зло, напротив, усиливается вместе с усилением добра, как это ни парадоксально звучит для многих. Зло не просто отсутствие добра, но реальная сила, которая тем больше организуется и готовится к нападению, чем больше усиливается добро. Священное Писание нигде не обещает автоматизации эволюции к лучшему. Наоборот, оно указывает на предстоящую гигантскую борьбу сил зла и сил добра, которая к концу будет принимать все более ожесточенный характер, причем будет казаться, что силы зла преодолевают. «Одиночество в вере станет страшным. Любовь исчезнет из общей атмосферы мира, — пишет Романо Гуардини в своей книге «Конец нового времени». — Ее не будут понимать, потеряется способность к ней. Тем драгоценнее будет она, если она возникнет между одиночками; это будет мужество сердца, исходящее из непосредственной любви Божией, как она нам открылась во Христе. Может быть, эта любовь будет заново понята как суверенность в ее независимости от этого мира, как тайна последнего „почему“» (Romano Guardini, Das Ende der Neuzeit, Würzburg, 1951, S. 124). Это совсем иная, серьезная, персональная, истинно христианская любовь, а не аморизация интегрированных в космосе человеческих молекул, по необходимости липнущих друг к другу. Таковую «любовь» только по недоразумению можно назвать христианской. И когда читаешь это описание «любви» и видишь, что многие приходят от нее в восторг, понимаешь то, что пишет Гуардини об исчезновении истинной любви из общей атмосферы мира. Потому что к концу «во многих охладеет любовь» (Мф. 24, 12). Преодоление сформировавшегося зла ожидается в христианстве не от автономного строительства человека и тем более не от самотекущей к пункту Омега эволюции, а от резкого и неожиданного вмешательства сверхмирных сил: второго пришествия Иисуса Христа. Не в успокоительной атмосфере самотека этого «лучшего из миров» живет христианин, а под ежедневным и ежеминутным ожиданием этого вмешательства — ибо «о дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один; но как было в дни Ноя, так будет и в пришествие Сына Человеческого: ибо, как во дни перед потопом ели, пили, женились и выходили замуж до того дня, как вошел Ной в ковчег, и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех, — так будет и в пришествие Сына Человеческого» (Мф. 24, 36—39). Это великое ожидаемое событие не слепит всех воедино, а, наоборот, проведет такую резкую границу, что «тогда будут двое на поле: один беретя, а другой оставляется; две мелющие в жерновах: одна беретя, а другая оставляется» (Мф. 24, 40—41).

Димитрий ПАНИН

О революции в СССР

Автор предлагаемой вниманию наших читателей статьи «О революции в СССР» знаком миллионам читателей современной литературы под именем Димитрия Сологдина в известнейшем, переведенном почти на все культурные языки мира произведении А. И. Солженицына «В круге первом».

Димитрий Михайлович Панин провел в общей сложности 16 лет в трудовых лагерях Советского Союза. Он находился также и в получившей мировую известность «Шарашке». В нижеприведенной статье автор дает свой анализ советского общества, ленинизма, системы угнетения рядовых труженников «новым классом» численностью не более 200 тыс. чел. и указывает путь к «ликвидации узаконенной нищеты».

Впервые публикуется конкретное описание возможной «революции умов», несомненно уже начавшейся и имеющей

целью бескровное устранение существующего режима. Конечно, осуществление такой революции возможно только в далеком будущем, а пока остается формула — «снаружи раб, а внутри воин», объясняющая многое, что нам, живущим в свободном мире, кажется непонятным. Несомненно, что за 55 лет советского режима многие люди живут в состоянии постоянной мимикрии, показывая наружу только безобиднейшие и верноподданнические качества и скрывая свое истинное Я. В течение лет люди научились жить двойной, показной и истинной, жизнью. Единомысленники не только узнают и чувствуют друг друга, но и обладают способностью почти незаметным намеком или тоном голоса передать предупреждение, приоткрыть свои намерения, вызвать на откровенность. Автор видит союзников и соратников и в «высших слоях номенклатурных работников», и, вероятно, он прав.

Судьба моя сложилась так, что мне довелось быть свидетелем гибели тысяч людей в сталинских концентрационных лагерях. Жертвы в лагерях подвергались зверскому издевательствам палачей режима. В большинстве жертвы были рядовыми труженниками. Царившие в те времена дезинформация, разрозненность, запуганность людей сделали возможными неслыханные преступления. Внешний мир оставался равнодушным, когда в годы сталинской деспотии подвергались медленному уничтожению до двадцати миллионов человек в лагерях и тюрьмах.

Такому обращению с населением нет места на земле, и люди доброй воли не должны прекращать борьбу, пока существуют подобные режимы.

Я один из многих рядовых труженников. 24 года я отработал по найму и 16 лет как заключенный по принуждению. Я испытал на себе все виды эксплуатации, процветающей в СССР. 20 лет я работал и жил бок о бок с рабочими, разделяя их судьбу. Последующие годы я всегда следил за их жизнью и всеми путями старался изучить происходящие с ними изменения. Я вправе сказать, что хорошо знаком с многоликой средой простых людей. Революционной деятельностью я не занимался и в так называемом демократическом движении не участвовал. Я ограничивался на своей родине наблюдениями и размышлениями, которыми и хочу здесь поделиться.

I. ЧТО ТАКОЕ ЛЕНИНИЗМ?

Ленинизм — это метод захвата и удержания власти, который не требует:

- созревшей исторической обстановки, ибо обрушивается в виде заговора и навязывается насильно;
- согласия населения, ибо производится вопреки его воле и любых протестов;
- научных, исторических, этических обоснований, ибо все решается демагогическими лозунгами о «благах трудящихся», которые попадают сразу под ярмо угнетения.

Этот метод требует:

- полной беспринципности, аморальности лиц, производящих переворот и стремящихся к власти;
- немедленного запуска и непрерывной работы машины массового террора;
- уничтожения всех активных противников и в первую очередь тех, кто разгадал игру захватчиков;
- немедленного грабежа крупной собственности с последующим переходом к ограблению всех слоев населения;
- создания класса-касты партийных бюрократов, вписавшихся во власть, ради благополучия которых народ приносится в жертву.

Кроме того, ленинизм требует лютой кровожадности, пышной демагогии, игры на самых темных инстинктах.

Короче, как можно меньше человеческого, как можно больше зверского.

Режим, созданный и поддерживаемый такими приемами, просуществовал уже больше полувека, принес колоссальные непоправимые бедствия и должен быть свергнут по возможности мирной и бескровной революцией. Революция необходима для устранения режима, опирающегося на террор и всевозможные виды обмана и насилия. На смену бездарной и реакционной системе должно прийти общество, свободное от этих пороков. Методы нашей революции должны быть также не связаны с ними, иначе достигнутое будет на уровне примененных средств.

В стране предреволюционная ситуация, население созрело для коренных перемен, искусственно ничего не требуется придумывать. Простые люди в состоянии сделать сознательный и разумный выбор, то есть принять или отвергнуть предложенные решения.

Режим диктатуры и террора заставляет силы освобождения действовать конспиративно, чтобы сначала завоевать демократию и свободу.

Стремление революционеров сделать революцию мирной и бескровной может, однако, разбиться о тупое сопротивление класса партийных бюрократов, желающих во что бы то ни стало удержаться у власти.

При невозможности мирного урегулирования действиям властей в качестве самообороны будет оказано противодействие.

II. ОСОБЕННОСТИ ДИКТАТУРЫ ПАРТИЙНЫХ БЮРОКРАТОВ В СССР

Отличительные признаки советской системы следующие:

- непрерывная полувековая диктатура и вытекающие из нее последствия — отсутствие демократических свобод и элементарных прав, уважения человеческого достоинства;

- терроризм, лежащий в основе управления;

- социальная структура в виде принудительного сверхмонополистического государственного капитализма;

- полная экономическая зависимость человека от государства, являющегося единым хозяином-пработителем;

- опутывание населения густой сетью осведомителей (сексотов) и других агентов, что способствует разьединению и культивированию страха;

- разращение населения неслыханным насильственным насаждаемым безбожием и другой лживой пропагандой правящего класса.

Уязвимость системы в

- страшном пруже совершенных преступлений;

- терроризировании, обмане и дезинформации населения;
- непрерывной эксплуатации тружеников;
- лживых и ошибочных концепциях, ложных целях, бесчеловечных средствах;
- разрыве между крайне низким жизненным уровнем населения и богатством класса бюрократов, ничего общего не имеющих с тружениками и пожинаяющих материальные плоды их труда;
- закреплении крестьянства;
- отсталости экономики, не обеспечивающей основных нужд населения.

Каждый признак сам по себе является страшным обвинением системе. Многие блестящие разоблачительные материалы уже опубликованы на Западе, правда, главным образом на русском языке.

III. ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СССР

1. Главные отрицательные особенности рядовых тружеников

— У большинства превалирует безбожное сознание. Почти абсолютное невежество в вопросах религии. Сами воспитывают детей в безбожии, помогая этим школе и всем другим средствам идеологического воздействия.

— Жалобы и возмущение редко высказывают открыто. — Мужчины в этой системе лишены предприимчивости и права на борьбу. Непрерывные репрессии привели к изъятию наиболее активной ведущей части. В результате чувство собственного достоинства убито. Понятие о чести отсутствует. Действия на свой риск и страх совершаются не часто и главным образом по низменным мотивам. Рабский комплекс свил гнездо в душе у многих. Разоблачение крайнее. Чувство товарищества смутное, у большинства вытравлено. Глушат неудовлетворенность водкой, телевизором.

— Многие до сих пор контужены страхом времен культуры личности Сталина. Они парализуют, самогипнотизируют и поддерживают механизмы автоматического конформизма.

— Способность к дружным совместным действиям подорвана. Труженики не умеют защищать себя от насилия. Нет никакого опыта демократии.

— Неизбежное для системы снижение моральных устоев.

— Отсутствие ясных целей.

2. Главные (но не единственные) положительные особенности рядовых тружеников

— Многие всем существом, а не только умом поняли ложь, фальшь, глупость системы;

— обещания господствующего класса вызывают насмешку, издевку; иллюзии давно изжиты. Слова о светлом будущем и аналогичные посулы воспринимаются как бездарный анекдот;

— обман населения в крупных размерах уже больше не удается.

Население в целом невосприимчиво больше к внутренней пропаганде, как мокрая губка к новой порции воды. И, наоборот, подобно сухой губке, оно жадно впитывает любую информацию о Советском Союзе из других источников.

3. Угнетение народов СССР построено по принципу пирамиды

Каждый слой угнетает нижестоящие и сам подвергается угнетению вышестоящих. Строго говоря, в состоянии угнетения находятся даже члены Политбюро по известным им причинам.

Рядовыми тружениками следует считать тех, кто образует слой у основания пирамиды. Этот слой сам никого не угнетает, но его угнетают все вышестоящие слои.

Число верховных угнетателей не превосходит 200 000 человек. Это «новый класс», по терминологии Джиласа, иначе класс номенклатурщиков, то есть вышних партийных бюрократов, стоящих во главе КПСС, тайной полиции (КГБ), министерств, армии, крупных промышленных предприятий и т. д.

Начальство во всех звеньях управления образует следующий, гораздо более многочисленный отряд угнетателей. Это офицеры армии и тайной полиции, директора, главные инженеры, начальники крупных отделов, партийные чиновники в обкомах, райкомах партии. К ним примыкают многие привилегированные ученые, высоко оплачиваемые инженеры военной промышленности и те, кто разрабатывает оружие массового уничтожения, внутренние войска КГБ, молодые активисты — карьеристы комсомольских организаций, тюремщики, охрана концлагерей, специальные части армии для подавления волнений внутри страны.

Условно, я думаю, можно считать всю массу угнетателей равной 14 миллионам. Это общее число членов партии в Советском Союзе. Несколько миллионов из них ненавидят, как и остальное население, эту систему. Поэтому следует ввести вышеуказанные категории угнетателей из числа комсомольцев и беспартийных, а также определенное число тайных осведомителей и активистов, которых угнетателям удалось запугать и заставить с ними деятельно сотрудничать. Цифра огромна, но нет оснований полагать, что она завышена. Необходимо также принять во внимание, что речь идет о наиболее активной, образованной, дисциплинированной, волевой, располагающей властью частью взрослого и, главным образом, мужского населения.

Количество детей и подростков до 18 лет и стариков старше 60 лет составляет 40% от общей численности населения 244 миллиона.

Количество работоспособного населения соответственно равно 60%. Следовательно, число рядовых тружеников

можно считать равным 122 миллионам человек ($244 \cdot \frac{60}{100}$

— $14 = 122$), причем из них мужчин — приблизительно 60 миллионов. Это означает, что на одного угнетателя приходится 4 рядовых труженика ($60 : 14 = 4$). Такое соотношение потрясающе, хотя оно близко к действительности. Но именно благодаря такой пропорции угнетателей и угнетаемых столько лег существует этот строй.

Пять-шесть миллионов мелких агентов (воспитатели молодежи, учителя, дружинники, сексоты, немногочисленные остатки убежденных сторонников режима, в основном из пенсионеров) угнетают остальные слои населения — подростков, женщин, стариков.

Итак, 122 миллиона рядовых тружеников в возрасте от 18 до 60 лет находятся в состоянии непрерывного угнетения. Они давно разобрались в главных особенностях режима, и требуется совсем немного, чтобы они поняли все до конца и приняли на вооружение идеи, помогающие их освобождению.

Новое поколение растет в злой нужде, в вечных недостатках, в атмосфере несвободы и полной бесперспективности. Вот почему, несмотря на постоянное накачивание ортодоксальными взглядами, оно находится в явной оппозиции к режиму угнетения.

Престарелая часть населения уже давно тоже во всем разобралась и настроена соответственно. Мнения небольшой части ортодоксов-сталинистов пенсионного возраста подавляются противоположными мнениями.

4. Возмездие и отмщение

Возмездие и отмщение гнездится в недрах самого режима, в его ошибочных основах, благодаря которым он был создан и поддерживался на протяжении всех лет своего существования. Я имею в виду насилие, порабощение личности, подавление личной инициативы, насаждение крайних форм эксплуатации и нищеты населения.

После того, как в 1937 году были уничтожены остатки идейных сторонников режима, комплектование рядов уг-

нетателей стало проводиться, главным образом, с помощью всевозможных мобилизаций и, в большей степени, за счет карьеристских элементов.

Каждый из них, несмотря на лучшие материальные условия, остается полурабом, винтиком системы и постоянно чувствует на себе ее зубья. Поэтому среди них также относительно огромно число ненавидящих этот режим. Из членов партии по крайней мере треть относится к их числу.

Вторая треть членов партии тоже рада была бы в корне изменить и свое положение и саму жизнь, но опасается расплаты и не видит для себя выхода.

Оставшаяся треть членов партии привязана к системе своим материальным положением, властью, видами на карьеру... что не мешает многим из них относиться к режиму крайне критично.

Служащие тайной полиции (КГБ), судов и прокуратуры не являются исключением. Они особенно подвергаются насилию, угнетению, страху. До известного предела там чувствуют себя неплохо лишь носители злодейского начала и патологические типы, число которых не столь уж велико.

Карьеризм существовал испокон веков и ничего нового о нем не скажешь. Следует лишь повторить, что карьерист надежен, пока ему хорошо, ничто не угрожает и есть перспективы на успех.

Итак, большая ошибка воспринимать угнетателей как монолитную массу. Проникнуть в ум и сердце подавляющей части этих людей можно при условии, если

— признавать в каждом из них нормального человека, жертву обстоятельств и понимать, что следует всячески помогать таким людям, разясняя истинное положение вещей;

— гарантировать всем жизнь и свободу, независимо от ранее совершенных преступлений, при условии доказанного на деле перехода к сотрудничеству с силами освобождения;

— при этом условии обеспечить им в том же размере вознаграждения и пенсии;

— всем сдавшимся в плен в любой стадии острой борьбы гарантировать жизнь и свободу при условии полного разоружения, то есть откровенного признания всех фактически совершенных ими преступлений против народа.

IV. ТРЕБОВАНИЯ РЯДОВЫХ ТРУЖЕНИКОВ

На первых порах следует добиваться:

— прекращения деклараций, якобы выражающих желания трудящихся;

— прекращения организованного обмана населения, проводимого по всем каналам;

— невмешательства в вопросы совести и прекращения пропаганды безбожия в школах;

— беспрепятственного выезда за границу, так как страна не должна быть тюрьмой;

— прекращения использования увольнения с работы как рычага принуждения;

— ликвидации сети секретных осведомителей (сексов) — проводников террора среди населения — и подслушивающих устройств для перехвата разговоров собеседников в их жилищах и на работе.

После этого следует перейти к ликвидации узаконенной нищеты.

Для этого необходимо:

— распустить колхозы и разрешить единоличное хозяйство, а также товарищества по совместной обработке земли, которым передать в собственность машины МТС, совхозов и совхозный скот;

— увеличить минимум в четыре раза реальную заработную плату всех работающих по найму. Средства на это взять из статей бюджета, финансирующих международные авантюры;

— освободить от работы желающих этого замужних женщин. Мужчина, обладающий квалификацией рабочего

среднего уровня, должен получить возможность своим добросовестным трудом содержать семью;

— разрешить частную практику врачей, юристов и других категорий свободных профессий. Допустить труд кустарей и ремесленников, частную торговлю;

— узаконить проявление частной инициативы, что позволит упорядочить государственное производство без опасения создать голодную армию безработных.

Для введения элементарного правового порядка поначалу необходимо ввести контроль представителей беспартийного населения за действиями служащих и начальства тайной полиции (КГБ), милиции, суда, прокуратуры, тюрем и лагерей.

Система угнетения в СССР, представляющая принудительный сверхмонополистический государственный капитализм, построена на политическом насилии и экономическом принуждении. Поэтому свобода, демократия в области политической жизни и частная собственность в области экономической являются смертью режима. Его трагедия заключается в том, что с изменением своих методов он неизбежно будет разрушен и взорван силами развития, которым мешает.

Лидерам системы это стало ясно с первых дней захвата власти в стране, народ тоже вскоре убедился на собственной шкуре в лицемерности всех лозунгов.

Режим может пойти на мелкие практические уступки, но потом для сохранения себя самого обязательно продаст и обманет. Вследствие этого следует потребовать от лидеров режима полной уступки и сдачи всех позиций.

Для реализации требований мало одной созревшей обстановки. Необходимы позитивные идеи, обосновывающие преимущества системы, не противоречащей законам природы, естеству человека, и обеспечивающие стремительное мирное развитие в рамках обычной экономической борьбы. Одновременно позитивные идеи должны давать ясные убедительные разоблачения органической порочности режима угнетения и доказать, что доктрина марксизма-ленинизма неизбежно ведет страну в тупик.

V. СРЕДСТВА БОРЬБЫ С РЕЖИМОМ СИЛ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Средства борьбы должны отвечать качествам и уровню населения. Они должны совершенствоваться в соответствии с ростом сознания и боевого заряда в людях.

1. Микробратства

Непрерывным террором и искоренением всевозможных врагов система подготовила почву для революции. Можно заставить народ перестать кричать и разговаривать открыто. Можно заставить молчать в общественных местах. Но невозможно заставить молчать в семье, в кругу родственников, старых друзей, верных товарищей, хороших знакомых. Это не удалось даже Сталину. Во времена самых страшных его «чисток» люди всегда обсуждали, критиковали, возмущались, пусть шепотом или вполголоса.

Я называю микробратствами естественно образовавшиеся и проверенные годами дружки людей, вполне доверяющих друг другу. Подавляющая часть населения СССР состоит из таких микробратств. В большинстве случаев обсуждение в них ведется в обстановке полной свободы, так как здесь навевается потерянная возможность проявить себя в подавляющих условиях условий деспотии. У человека, наслушавшегося вранья на собрании и по обязанности принимавшего в нем участие, возникает потребность отвести душу, высказать правду. Вольные разговоры в тесном кругу — невольная реакция на зажим мысли, подавление свободы, лишение демократии. Уничтожить их немислимо.

Именно в микробратствах сосредоточены в настоящий момент силы сокрушителей режима.

2. «Мостики»

Я называю так связи, которые возникают между отдельными микробратствами. Перебрасыванию мостиков мешают слабость, недостатки рядовых тружеников (см. 3; 1) и бездействие сил освобождения. Ничтожное распространение самиздата по политическим вопросам внутри страны, учитывая ее масштабы, свидетельствует о нежелании рядовых тружеников подвергать себя риску из-за передачи материалов, качество которых обычно не удовлетворяло и, как правило, мало что им давало.

Деятельная, активная отважная энергичная работа сил освобождения, количество перебрасываемых между микробратствами мостиков зависит, как я уже говорил, от калибра идей, взятых на вооружение.

Революцию сделают те, кто найдет могучие идеи и сумеет довести их до сведения огромного числа микробратств.

3. Революция умов

Строй мирно сменяется другим, когда у активной части населения крепко утвердилось мнение о его порочности, несовершенстве или устарелости и о необходимости его замены. Чем основательнее такое убеждение завладело умами, чем шире оно проникло в толщу народа, тем больше оснований для бескровной мирной смены системы правления. Пример тому — Россия в феврале 1917 года.

Для того, чтобы приблизиться к подобным условиям, необходимо, чтобы революция умов охватила огромное число рядовых тружеников и проникла в сознание угнетателей, включая самые верхи. При разумном восприятии революция умов лучше, чем разбой и анархия на улицах.

4. Силы освобождения

Деспотия, державшаяся на непрерывной диктатуре, своим пнетом создала, сама того не подозревая, элементарные ячейки будущих партий, лиг, союзов, «орденов». Стремясь всячески ослабить, разъединить людей и достигнув в этом немалых успехов, деспотия подготовила миллионы превосходных конспираторов — ненавистников режима.

Собирание сил освобождения под знамена революционной партии с уставом, программой, взносами, списками членов в условиях СССР обречено на провал, ибо сами слова «партия», «организация» внушают одним страх, другим отвращение. Кроме того, вследствие разветвленной сети осведомителей, существование партии было бы вскоре обнаружено, центр захвачен, рядовые члены выловлены.

На первой стадии революции умов никаких организаций вообще не требуется. Все должно происходить как можно более естественно. При современных возможностях передача информации должна вестись для любых слушателей из единого строго законспирированного центра. Передачи должны содержать веские позитивные, привлекательные и убедительные идеи. Основным материалом должен быть изложен кратко, ясно, чеканно, брать за живое, показывать путь борьбы, открывать близкие достижимые цели. Передаваемая в таком виде информация немедленно найдет тысячи слушателей*). Многие поймут сущность идей и убежденно станут выполнять несложные инструкции.

Так революция в умах выделит из среды микробратств пионеров сил освобождения, и в дальнейшем произойдет их постепенное объединение с помощью мостиков.

Для расширения круга радиослушателей потребуются крошечные инициативные группки, каждая из которых представляет одно микробратство. Задача этих группок — довести полученную информацию до сведения угнетателей и угнетаемых, лишенных средств приема сообщений. Хорошо подготовленные микробратства производят прием и запись информации в пунктах, свободных от помех, если

*) Если передаваемые решения не найдут благоприятного отклика в населении, то естественно следует искать другие, более приемлемые позитивные решения.

возникнут трудности передачи. Размножение записанных передач производится на гектографе, который можно изготовить даже в примитивных условиях сельской мастерской машинно-тракторной станции.

Посредством мостиков подключаются микробратства для распределения материалов, которые рассылают по почте, распределяют по знакомым микробратствам, подбрасывают в виде листовок... Одновременно в ходе приёма информации формируются силы освобождения.

Когда в население проникнут необходимые для совершения революции знания, то во множестве микробратств появятся силы, которые будут согласны с конечными целями и способны на борьбу — в начале конспиративными, а при необходимости и открытыми средствами. Множество перекинутых за этот период мостиков образуют из активных и дееспособных микробратств основу будущих союзов и орденов.

В первый конспиративный период нет необходимости слияния созревших микробратств воедино или в несколько союзов. Первичный руководящий центр достаточен для постоянного просвещения новых и новых миллионов населения, для их ознакомления с позитивными взглядами и разоблачениями.

Открытое оформление микробратств в такие союзы следует отложить до значительных, осязаемых побед, достигнутых конспиративным путем, когда будут завоеваны элементарные демократические права на образование союзов, собрания, свободу слова.

5. Неуязвимость

При осуществлении предложенного плана силы освобождения становятся в подавляющем большинстве случаев неуязвимыми, что крайне важно для пораженного населения. Конечно, неизбежны отдельные провалы лиц, пойманных с поличным, но они не откроют ничего нового следователю. Возможен лишь следующий диалог, если улики неоспоримы:

— Да, слушал (радиопередачи), хранил их запись, распространял ее среди товарищей.

— Зачем?

— Считаю предлагаемые цели и решения правильными, справедливыми.

— Советская власть тебе нехороша?

— А вы сначала опровергните возведенные на нее обвинения.

— Кто твои союзники, единомышленники?

— Полагаю, что весь народ, но действую в одиночку.

Не те времена, чтобы схватить семью, да и не обязательно, что его микробратство — его семья, так как оно может состоять из друзей, товарищей по работе. За всеми не усмотришь, всех не пересажает. За такое мелкое нарушение в условиях деспотии и по ее канонам полагается сравнительно небольшое наказание. Даже в сталинские годы за антисоветскую агитацию в мирное время давали срок в 5, реже в 8—10 лет. А если правительство вздумает ввести драконовские законы, то продемонстрирует лишь раз перед всем миром и в первую очередь перед своим народом античеловеческую, людоедскую, узкоклассовую природу режима. Такой акт правительства вызовет только бурю возмущения и подольет масла в огонь. Попытка ввести внесудебную расправу вызвала бы еще худшую реакцию и была бы воспринята как явный возврат к сталинщине. Правительство, попросту говоря, сорвало бы само себя маску, и его действия рассматривались бы как новый чудовищный произвол, который, по заверениям лидеров, не может повториться. Решившись на подобный шаг, лидеры режима сами создали бы катализатор-ускоритель возмущения, так как каждый судебный процесс и тем более внесудебная расправа использовались бы силами освобождения для возмущения населения.

Одновременно с революцией умов в стране постепенно произойдет перемена политического климата, так как население восружится верными взглядами и тем самым ему откроются глаза на эксплуататорский режим.

Прислужники машины подавления и террора живут в окружении рядовых людей, чувствуют косые взгляды, получают предупреждения, поэтому вокруг них создается общественное мнение. Преступление боится огласки, света, разоблачений...

Главный центр передает инструкцию силам освобождения и рядовым труженикам о том, как надо держать себя на следствии. Это чрезвычайно важно, так как под давлением обвинений и разоблачений режим станет судорожно цепляться за формальные блески законности.

Принципиальная установка инструкции — недопустимость давать показания на кого бы то ни было. Когда человек знает, что он не одинок, а солдат незримой до времени армии и есть кому за него заступиться и поднять шум, он несравненно смелее и увереннее ведет себя на следствии.

6. Аспиды и чиновники

Следует развивать в силах освобождения в принципе добродушное отношение к рядовому бюрократу в государственных учреждениях СССР. Судья, следователь, прокурор, администратор могут быть чиновниками, выполняющими обязанности по долгу службы, и аспидами, упивающимися властью и унижением своих жертв, карьеристами, карабкающимися по трупам, человеконенавистниками, садистами, патологическими личностями. Каждого исполнителя воли режима надо расценивать отдельно по его отношению к человеку, попавшему в его лапы. Больше того, если отношение чиновника меняется в лучшую сторону, то следует забыть его прошлое и помнить только сегодняшнее поведение. В сегодняшнем лютом гонителе мы можем надеяться увидеть нашего завтрашнего сторонника. Большинство современных людей не так уж виноваты в своих заблуждениях; они пребывают в них из-за воспитания, школы, системы.

Согласно общей инструкции характеристики угнетателей должны стекаться в единый центр. Силы освобождения начнут широкое наступление на аспидов, доказавших свою людоедскую сущность. В руках освободителей имеются немалые возможности создания общественного мнения, морального давления. Средства разнообразны, и многое зависит от изобретательности и фантазии сил освобождения.

VI. ПРИВЕДЕНИЕ В НЕГОДНОСТЬ СЕТИ СЕКСОТОВ И ЕЕ ЛИКВИДАЦИЯ

Народы, населяющие СССР, в течение 56 лет являются жертвами невиданного в истории непрерывного террора. Поэтому главное требование к режиму — прекращение террора.

В этой связи, прежде всего, следует настаивать на ликвидации сети секретных осведомителей, опутывающих все население страны. Их действия надо рассматривать как непрерывную террористическую губительную тайную одностороннюю войну против народа. Невозможно требовать толстовского непротравления от населения, специально воспитывающегося в безбожных представлениях. Поэтому, если режим не распустил созданной им сети сексотов и не решится ее ликвидировать, то это будет означать, что он использует их как козлов отпущения, как промоотвод, то есть принесет их в жертву народной ярости. И тогда силы освобождения уже не сумеют сдержать чувства миллионов. До такого состояния доводить народ не следует. Режим должен сам прекратить войну с народом, если не хочет, чтобы на него нападали грубой силой.

Ни разу за всю мировую историю революционеры не сталкивались с такой промадной и разветвленной сетью секретного осведомительства, что свидетельствует о разложении и продажности части населения. Это важный фактор. Действия сексотов не могут сорвать революцию

умов, но на первых порах способны затруднить рождение сил сопротивления. Поэтому на разрушение сети сексотов должно быть обращено огромное внимание. Главный центр информации посвятит этому ряд разоблачающих сообщений. С первых шагов своей деятельности силы освобождения должны быть начеку. Как правило, сексоты — люди сломленные, трусливые, морально падшие. Это человеческие отбросы, согласившиеся стать щупальцами дракона террора. Они непосредственные проводники террора среди населения. Лживыми речами и улыбками они вползают в доверие, а затем доносят или клеветают на невинных, губят людей, рушат семьи, множат вдов, сирот. Они выполняют людоедские нормы по числу заключений в тюрьмы. По отношению к этой погани недопустимо настраивать себя на мирный лад. Сексоты прячутся и жалят в темноте, неожиданно, стараются остаться незамеченными. Так пусть они пеняют на себя. «Щупальцы дракона» должны быть отсечены.

Как правило, человек, попав в тюрьму, сразу или в ходе следствия узнает, кто его посадил. Даже следователь часто с гадливостью и презрением относится к сексотам. Во времена Сталина, кроме прямых доносов и непосредственных показаний провокаторов, роль сексотов прозрачно проступала в материалах следствия на каждого заключенного, в так называемых агентурных сводках, прилагаемых к делу.

В изменившихся условиях следствия, когда подследственный все отрицает, молчит, отказывается отвечать на вопросы... оформить дело без показаний сексотов невозможно. На суде следствие вынуждено будет предать их имена гласности.

В редких случаях следователю из-за ошибок подследственного может быть удастся сохранить имя сексота в тайне, но тем самым он становится его соучастником, то есть сексотом, со всеми вытекающими для себя последствиями.

Каждый, кто посажен по вине сексота или предан своим собратом, должен объявить на суде эти фамилии. Местные силы освобождения сообщают их в очередном номере вестника, типа современной «Хроники». Главный центр доводит до общего сведения списки разоблаченных сексотов. Их имена вписываются в особый кондуит, позор покрывает предателей. Силы освобождения создают общественное мнение на их работе и по месту их жительства. Этого достаточно. Публично разоблаченный сексот теряет всякую ценность для тайной полиции. За особо опасное предательство и рецидивы силы освобождения должны принимать гораздо более крутые меры. Силы освобождения осуществляют обратную связь с центром посредством хроник и другой информации с мест, и в дальнейшем эта связь должна совершенствоваться и укрепляться.

Следует рассматривать как стукачей также врачей-психиатров, признающих больными здоровых людей, которыми заполнены тюремные психбольницы.

Современные сильные химические средства типа аммиака действительно могут разрушить здоровую психику. Палачи пытаются спрятаться под профессорским белым халатом и отгородиться от гласности колючей проволокой тюрьмы-больницы и врачебной тайной. Но снежневские и лунцы уже известны всему миру. Обнаружить их всегда проще простого, они должны быть вырваны с корнем как позорное порождение режима. Милно больные должны быть освобождены. Скорее всего, достаточно будет воздействия мирового общественного мнения, главного центра революции и местных сил освобождения. Если по истощении всех мер легального давления врач-садист не изменит своего поведения, то его следует объявить вне закона. Но это крайняя мера, до которой при настоящих действиях сил освобождения дело может и не дойти.

Если штатные сотрудники любых ведомств применяют к населению методы сексотов, то их следует естественно рассматривать как сексотов.

Как к чиновникам к ним можно относиться только, если они действуют открыто.

VII. САМООБОРОНА НАСЕЛЕНИЯ. ПЕРЕХОД К ОТРЫТЫМ ФОРМАМ БОРЬБЫ. ВОЗМУЩЕНИЕ ОДИНОЧЕК

Лидеры режима насаждают идеологию, согласно которой вместо вечной морали существует мораль классовая. Рядовые труженики усвоили ее в своем отношении к властям. Если деспот требует от рабов правды, то они лгут, так как иначе себя закабалют. Если деспот требует не брать из складов добро, то рабы решают брать, ибо в складах плоды их труда и добро похищено у них.

В лапах следователя рядовой труженик в целях самозащиты тем более не даст требуемые от него показания. Чем тверже он будет стоять на своем, тем больше у него шансов на освобождение или на минимальное наказание.

Общественное мнение будет поддерживать стойких борцов и заносить в список сексотов тех, кто, «расколовшись», выдает других.

Кроме бюллетеней типа «Хроники» и сообщений главного центра для воздействия общественного мнения необходима активная деятельность родственников и друзей пострадавшего. От них зависит отстоять элементарные человеческие права, которыми располагают ныне даже папуасы Новой Гвинеи, отменить произвол, настаивать на основных процессуальных формах, в частности добиться участия приглашенного ими адвоката, придать гласность процессу.

Обязательная карательная политика режима способствует формированию народного фронта открытой борьбы силами освобождения. От усиления репрессий движение будет лишь разрастаться, ибо революция умов охватит к этому времени большие слои населения, общественный климат резко изменится и люди осознают свои колоссальные силы и возможности. В рядах угнетателей будет происходить обратный процесс, они все больше будут понимать свою слабость.

Советские люди будут пытаться по-разному вырваться из подполья, в котором они вынуждены жить. Например, какой-нибудь коммунист, разобравшись в порочности режима, начинает с естественным возмущением открыто его разоблачать и призывает изменить его сущность. Явление само по себе похвальное. Но если такой обличитель пороков системы остановится на полпути и потребует, скажем, возврата к «ленинским» нормам, то он принесет частичную пользу лишь в пределах своего личного подвига. То же самое можно сказать об ученом или инженере, который в процессе работы над созданием оружия массового уничтожения, наконец, ужаснется и поймет несовместимость своей деятельности даже с буквой советской конституции 1936 года.

Такие всплески воли людей, тесно связанных с режимом, необходимо приветствовать. Революция умов и силы освобождения должны всячески содействовать таким проявлениям, так как эти всплески потом сольются с силами освобождения в открытой фазе борьбы.

Следует не забывать о низком уровне ряда слоев населения из-за распространения пьянства, психических заболеваний, крайних проявлений эгоцентризма... Основные силы освобождения должны быть лишены этих пороков. Конечно, не следует отбрасывать силы, искренно преданные революции, но искореняемые режимом и доведенные до такого состояния. Только им надо поручать участки, соразмерные их надломленным силам и ни в коем случае не допускать до дел, от которых зависят судьбы других людей.

До начала революции умов и в ее процессе надо зорко наблюдать и оценивать идейный заряд различных взглядов и давать немедленный отпор любым вредным проявлениям. Например, недавно было широко распространено заблуждение, что с диктатурой класса партийных бюрократов можно разговаривать на языке демократических категорий, употребляя соответственные обороты речи. Доверчивые люди поплатились за это разгромом своих рядов, который легко можно было предсказать и избежать.

VIII. «СНАРУЖИ РАБ — ВНУТРИ ВОИН»

Сталинские концентрационные лагеря являлись квинт-эссенцией террора, угнетения и других крайних форм проявления деспотизма. В тех условиях в ходе непрестанной борьбы заключенных с режимом мне удалось сформулировать некоторые правила поведения, и мы пользовались этими «Заповедями зека» в нашей повседневной жизни.

Девятая заповедь гласит: «Снаружи раб — внутри воин». Условия жизни по сравнению со сталинскими смягчились, но сущность системы диктатуры не изменилась, поэтому уже проверенные принципы борьбы сохранили свою силу и значение.

Раба⁴⁾ режима, ведя подспудную работу, направленную на то, чтобы отстоять свою личность, помочь близким, быть верным членом своего микробратства, осторожно перебросят мостики, просвещаться самому и способствовать просвещению других, не должен быть пойман. Включаться в открытые действия следует исподволь, осторожно, пока этому помогают обстоятельства и только тогда, когда многое понято и проверены свои готовность и подготовленность. На первых порах можно прийти к дверям здания суда во время процесса над кем-либо из участников сил освобождения, потолкаться, постараться проникнуть внутрь, пошуметь... Затем подписать протест по поводу комедии суда, ходатайство об открытии церквей и т. д. В ходе формирования личности будущего участника сил освобождения он сталкивается с тем, что кто-то из его друзей и родственников оказывается схваченным режимом. Тогда он чувствует себя уже обязанным включиться в борьбу самым серьезным образом. В таких обстоятельствах люди смеются, чувствуют поддержку общественного мнения, мостики перебрасываются более отважно. На заводах люди начинают поговаривать о забастовке и ждут предлога. Во время объявленной забастовки с непривычки люди трусят. Более активным приходится жерновать собой, осуществлять связь и подбадривать колеблющихся. При этом сознание выполненного долга растет. За своих, за друзей можно положить и душу; в труде пробуждается великая сила, и вчерашний постоянный зритель телевизора, вечный игрок в «козла», любитель выпить в магазине и на улице «на троих» превращается в борца за правое дело, уда такого, да такого, на кого равняются, с которого берут пример...

Понятно, что режим будет сам обязательно порождать профессиональных революционеров. Но нужны и некоторые добровольные жертвы. Например, лучшей части молодежи следует отказаться в этих условиях от получения нормального высшего образования, не делать из него цели в жизни, восполнять его самообразованием и заочно. Процесс получения высшего образования в советском обществе и последующая специализация связывают молодого человека с рабским конвейером, с которым он потом всю жизнь боится расстаться. В период, когда человечество и отечество в большой опасности, можно ограничиться в крайнем случае только окончанием техникума, но необходимо воспитывать в себе способность управлять механизмами и машинами, уметь делать многое руками, чтобы иметь возможность быстро стать на рабочее место рядового труженика. Такому ничто в жизни не будет страшно.

Эра забастовок начнется, когда революция умов подготовит достаточное количество сил освобождения и множество мостиков будет переброшено между микробратствами. Каждая забастовка неизбежно приводит к уступке властей. Одновременные крупные забастовки с едиными требованиями на ряде предприятий приведут режим к сдаче важных позиций. Не за горами и полная победа.

⁴⁾ Враги революции, конечно, придерутся к слову «раб» и обвинят меня в желании обидеть великий народ. Но сам народ скажет за это только спасибо, ибо вещи следует называть своими именами. От вежливых, любезных слов хомут затягивается только крепче, а с правдой на устах и в сердце можно двигаться горами.

Если режим не идет на уступки, а применяет силу, то начинаются беспорядки, но не робкие, а прозные и уверенные. В войсках молодежь; революция в ее головах уже закончилась или происходит, и юноши не смогут поднять руку на народ...

Правящая партийная верхушка может избежать революционного конфликта, и представители остатков партии могут мирным путем войти в новое правительство.

ХИХ. КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

1). Схема желательного гражданского мироустройства, привлекаемая для подавляющего большинства населения земного шара, должна удовлетворять следующим главным требованиям:

— Мораль, данная Богом, признается вечной и неизменной;

— Ценность личности человека признается абсолютной;

— Человека нельзя загонять в придуманную для него марксистами безжизненную схему. Свобода выбора должна стать неотъемлемым правом;

— Привлекательные для населения стороны предлагаемых решений должны излагаться сжато в виде строго обоснованных положений;

— Центр внимания должен быть сосредоточен на тщательном обосновании и описании максимальных стеснений гражданских свобод населения, возможных в критические моменты истории;

— Люди, реализующие систему, должны быть лишены возможности угнетать несогласных с ними, то есть вопрос о гарантиях обязан быть разработан самым убедительным образом;

— Все основные положения обязаны быть заранее доказаны. Во всяком случае к обоснованию их должны быть привлечены средства из арсенала высших достижений современности;

— Созидание усовершенствованных социально-экономических структур должно протекать без катаклизмов и потрясений в рамках нормальной, бескровной экономической борьбы.

2). Сильные идеи, основанные на законах природы, и отражающая их социальная система могут оказаться убедительными также для большинства угнетателей, в том числе и для высших слоев номенклатурщиков. В большинстве случаев нельзя винить людей за поддержку режима, так как с детства и в процессе последующего обучения им прививают ложные взгляды. Только некоторые представители класса имеют возможность читать то, что публикуется на Западе, и быть в курсе мирового общественного мнения. Поэтому огромная личная заинтересованность в сохранении режима угнетения у более молодых из них, думающих и образованных, может сочетаться с весьма критическим отношением к своей системе и с поисками выхода из создавшегося тупика.

Остальные представители класса не отдадут себе полного отчета в своих действиях. Они находятся в плену заученных канонов. Но нет оснований отрицать возможность того, что лидеры «класса» могут убедиться в справедливости критики, в безусловной ошибочности исповедуемой ими доктрины и полной бесперспективности продолжения поддерживаемой ими линии. Ведь чем дальше, тем яснее разительное отставание в экономике, уровне жизни, низком качестве техники, одностороннем развитии на-

уки... Пока их утешает количественный уровень вооружения, но несоответствие качества может резко ослабить и этот показатель.

Предвижу возражения в том, что лидеры ни за что не расстанутся с властью, коль скоро она у них в руках. Помилуй, вероятно, тоже так казалось. Однако за считанное число часов он и его министры оказались не у дел...

Особенность эпохи, в которую мы живем, в стремительной быстроте свершений, когда доводы разума начинают быстро облекаться в вещную форму.

3). Наиболее трудноразрешимым был во все эпохи национальный вопрос. Поэтому правильные по-настоящему решения должны примирить волеизъявление разных наций. При этом следует исходить из следующего:

— высокий экономический уровень жизни должен быть общим уделом. Тогда у разных народов отпадет желание угнетать друг друга;

— исторические традиции и иные обычаи, язык, вера не должны подвергаться стеснениям и унификации;

— международные конфликты не должны причинять ущерб отдельным нациям.

— Следует отбросить распространенное на Западе мнение, что нельзя растревожить эту загнивающую тонущую систему, так как лидеры в случае посягательства на их власть могут рассердиться и хлопнуть дверью, то есть применить атомное оружие.

Подобные соображения следует отбросить, так как атомная война, развязанная лидерами СССР, будет означать самоубийство режима. При первых ответных ударах в промышленных центрах немедленно возникнут революционные потрясения, аналогичные событиям 16 октября 1941 года в Москве. Атомные взрывы заменят революцию умов, но вместо мягких и человеческих методов, которые могли бы быть применены, будут развязаны первобытные инстинкты и зверская мстительность. Облученному населению нечего будет терять, и оно начнет охотиться за уютно устроившейся в своих прекрасно оборудованных бункерах^{*)} высшей правящей прослойкой угнетателей. Для остального населения в крупных городах приготовлены в лучшем случае общие бетонные пустые подвалы с обыкновенными дверями и окнами, которые перед войной, выгнав население на субботник, кое-как заделают. И в них население обязательно получит порцию облучения. Кроме того, при возникшем голоде население начнет употреблять отравленную пищу и воду с зараженных складов.

Мир находится под угрозой авантюристической внешней политики лидеров режима, которые в своем ослеплении и, находясь в плену порочных представлений, разжигают, где только могут, очаги войны и волнений. Пренебрегая жизненными запросами населения, лидеры добиваются выпуска одной подводной лодки в шесть недель. Подводный флот СССР уже самый сильный в мире, военный флот уступает только флоту США. Кроме того, сильного развития достигли тяжелая артиллерия, танки и ракетное оружие.

Широко проведенная революция умов во всех классах населения СССР и связанное с этим прояснение в мыслях угнетателей резко снизят агрессивность режима и гарантируют мир от атомной войны.

*) Настоящие бомбоубежища с вентиляторами, фильтрами, герметическими дверями строятся только в домах высокопривилегированной знати.

Ю. КРОТКОВ

Владимир Дубровин

Поскольку первый, напечатанный нами отрывок из неопубликованной рукописи Ю. Кроткова о КГБ (История майора Сквайрса*) заинтересовал читателей, мы печатаем в этом номере второй отрывок. Редакция обращает внимание заинтересованного читателя, что основные главы неопубликованной рукописи печатаются сейчас с продолжениями в «Новом журнале», Нью-Йорк.

*

История с Владимиром Дубровиным — история особого рода. Это больше из области психологии.

Могу оказать, как перед Богом, доносчиком в собственном смысле слова я никогда не был и на людей я не «стучал». Тут моя совесть чиста. Наоборот, в период так называемого междуцарствия или, как у нас говорили, «культпросвета», то есть просвета между двумя культурами, по личному указанию маршала Берия меня отправили в Тбилиси, чтобы выяснить «настроения» интеллигенции Грузии. Кунавин¹ сказал мне, что Берия посылает нескольких «товарищей» с аналогичной целью и в другие республики. Это, разумеется, была миссия, в которой трудно было избежать доноса, поклепов и пр. Для меня же, прожившего лучшие годы своей жизни в Грузии, имевшего там друзей и товарищей, это была особенно трудная миссия. Пробыв в Тбилиси две недели, как было запланировано в МВД, я узнал такое, что напиши я правду, в Тбилиси начались бы повательные аресты. Я знал абсолютно достоверно, что между Берия и Маленковым идет подспудная и смертельная борьба. Но ведь меня послал Берия. В отчете я все переврал и написал, что Берия среди грузинской интеллигенции очень популярен, что его любят, приводил в пример несуществовавшие разговоры. Что же касается Маленкова, то я не писал ничего негативного о нем, но больше отделивался молчанием. А на самом деле мои друзья и товарищи, да почти все грузины ругали и того и другого.

И тем не менее есть в моей жизни одно пятнышко. Пятно. Был случай, когда я спрулил и не сказал «нет», хотя я до сих пор не уверен, что это помогло бы пострадавшему. А если бы я взбунтовался всерьез, то посадили бы и меня. Так что выбор был не велик. Я хочу рассказать об этой истории, ибо она весьма типична для советской действительности, не только для тех, кто сотрудничает с «органами», но вообще для советских граждан в период Сталина, да и теперь, после Сталина. В этом смысле это вечно советское. Вот я и подхожу к тому, что внутренне, психологически неизбежно живет в людях, находящихся в условиях диктатуры и принуждения. Это инстинкт самосохранения. Это то, что влечет за собой глубокий и законный эгоизм. Это то, что окончательно убивает в человеке человека, хотя со стороны это и незаметно.

Дело было так. Румянцев² познакомил меня со своим дружкой, бывшим пограничником, который позже стал заместителем директора Московского инженерного института имени Орджоникидзе, Макаровым, Василием Ивановичем. Мне нужен был гараж для моего первого «Москвича». Макаров помог мне. Он оказался к тому же «рубашкой-парнем», гулякой, любителем девочек. Макаров, в свою очередь познакомил меня с Володей Дубровиным, часто разделявшим макаровскую компанию.

* «Зарубежье» 3—4 (31—32), 1971, стр. 9—13.

¹ Кунавин, Леонид Петрович, офицер 2-го Главного управления КГБ СССР. Последнее звание, до увольнения из «органов», было полковник.

² Майор МГБ, в дальнейшем полковник.

Володя был ладным, великолепно сложенным молодым человеком, с удивительно привлекательным, хотя и простым лицом. Веселье било из него. Если он чего-либо добивался, отказать ему было невозможно. Он излучал и веселье и обаяние. Володя очень хорошо одевался, часто в заграничные вещи, жил на широкую ногу и, если гулял, так уже несколько дней сряду и что называется «с цыганами». У него было много знакомых, его всюду встречали как желанного гостя, не говоря уже о том, что в ресторане «Гранд-Отель» (в те времена это был лучший в Москве ресторан) он был как у себя дома, кутил «в долги», а оркестр играл для него после закрытия ресторана еще час-другой. Чем он занимался? Он заведовал мастерской по ремонту пишущих машинок и, конечно, делал «левые» дела. Одна девушка называла его и его приятеля и помощника Бориса «маленькими бизнесменами». Но Володя старался скрывать свою «профессию» и обычно представлялся работником Министерства внешней торговли. Он делал, например, так: договаривался с шофером какой-либо машины, заранее платил ему, а тот в свободное время, не без риска, разумеется, обслуживал его и относился к нему на людях как к своему «хозяину». В общем в нем было много авантюризма. Иногда он выдавал себя за агента МГБ. Иногда он, наоборот, ругал это учреждение на чем свет стоит. В нем было в избытке, для советских условий, инициативности и предприимчивости. Где-либо в Америке он непременно стал бы миллионером. Здесь же, в советской стране, ему приходилось ловчить и выкручиваться. А главное, по духу он был свободолобом. Он хотел жить как вольная птица, а это было Сталиным запрещено под угрозой смерти.

В обществе с Володей было очень весело и приятно. Он умел устраивать красивые импровизированные пикники, он умел ухаживать за девушками и они его обожали, он был на редкость естественным и в самом лучшем смысле слова русским парнем. А как он крутил сальто, а как он нырял в воду...

Я бы не назвал его интеллектуально развитым, но он был далеко не тупица и даже читал кое-что из того, что не читают наши «интеллекты». Как-то я застал его дома за «Сагой о форсайтах»...

Я встречался с Володей Дубровиным, и мы вместе с ним «гуляли». Об этом вскоре узнал Румянцев. У него родилась идея пристроить Дубровина под крышу МГБ. (А, может быть, я подсказал ему это). Отец Володи работал в ГУСИМЗе (Главное управление по охране советского имущества за границей при МИД СССР) и пользовался там авторитетом. По анкетным данным, Володя был чист, как ангел Божий. Был у Володи младший брат. Мать занималась хозяйством. Была у Володи даже жена, татарочка. Но он с ней быстро расстался.

И вот МГБ сделало Дубровину соответствующее предложение (как в свое время и мне). А он взял да и отказался. Тогда МГБ решило отомстить ему за это. Володей Дубровиным занялся другой Володя, Самойлов, получивший за это подлое, это гнусное дело свой первый орден Красной звезды. Словом, Дубровина арестовали. Его осудили. Он просидел до смерти Сталина. Отец его писал письма Абакумову, но ничего, конечно, не помогло. По словам Румянцева на Дубровина донесла девица, работавшая одно время в Германии, где-то в советской военной администрации в Хемнице, с которой Володя «переспал». Самойлов говорил мне, что Дубровин на допросах вел себя вызывающе и несколько раз требовал, чтобы в качестве свидетеля для очной ставки вызвали меня. Но мог ли я в такой ситуации пойти против Румянцева и Самойлова, тем более, что чувствовал, что Дубровин с ними обошелся резко, что он, быть может, «смазал» по физиономии беленького Володю? А это Дубровин мог сделать, он был смел и силен. Я видел, что и Румянцев и Самой-

лов лично озлоблены и раздражены. Да если бы я и согласился на очную ставку, они бы мне ее не дали. Да и что я говорил бы на этой очной ставке? То, что было бы не угодно Самойлову?

Но я снова торжественно говорю, что в своих рапортах я всегда старался упомянуть о Дубровине с самой благовидной стороны. Не случайно, ведь, Румянцев и хотел завербовать его. А делал я это просто потому, что Володя был мне очень симпатичен и близок.

Однако моих чувств к Дубровину было недостаточно, чтобы сказать Румянцеву и Самойлову, что они подлецы и что они осуждают абсолютно невинного человека. Ибо я могу и это заявить торжественно: Володя Дубровин не был антисоветски настроенным человеком. Он был как все остальные: и «за» и, моментами, «против». Как живой и реагирующий на жизнь человек.

Я же занимал, так сказать, нейтральную позицию. И поэтому Дубровин все же на моей совести. Когда он вышел на свободу, он мне не позвонил. И правильно сделал...

Могу предстать себе, сколько у Володи Самойлова после этого было подобных «подвигов».

Мать Дубровина, когда я приехал к ним, рассказала мне, что во время обыска, который у них сделали (Володю взяли прямо на улице, усадили в машину и отвезли на Лубянку), один из представителей «органов», постарше, сел в угол комнаты, уронил голову на руки и просидел так секунду-другую. Она почувствовала, что все это и для него было пыткой, ужасом, не меньшим, чем для нее.

О посещениях семьи Дубровина, после его ареста, рапорта в МГБ я, конечно, не писал. И об этом визите МГБ не знало.

ВЛАДИМИР САМАРИН

Памяти М. Е. Вейнбаума

1.

Ни здоровье, ни состояние духа — ничто не предвещало скорого конца. Стал уставать, снизилась несколько работоспособность, но на девятом десятке это было не удивительно. Зато до последнего часа своего сохранил ясность ума.

Скончался скоропостижно, от сердечного припадка 19 марта в госпитале Флашинга, на Лонг-Айленде, под Нью-Йорком.

Когда пишешь о человеке, которого знал почти двадцать лет, трудно писать без чувства горечи личной утраты. Личное, однако, в данном случае связано с общественным, потому что ушел крупный публицист, политик, редактор большой газеты.

Выпал один из тех камней, на которых стоит политическая эмиграция, — камень в убеждениях своих.

Как публицист и редактор, внимательно следил за политикой международной, за внутренней политикой Соединенных Штатов, за событиями в Советском Союзе. Писал просто и ясно, что достигается только большим трудом, долготелым опытом. Писал так, что неясное для иного читателя прояснялось, непонятное становилось понятным.

И всегда прямая, отчетливо проведенная линия убеждений, понимание той смертельной опасности для каждого человека, для всего человечества, что несет в себе коммунизм.

2.

Имя Марка Ефимовича Вейнбаума неразрывно связано с газетой «Новое русское слово». Ей он посвятил всю свою жизнь, начиная с 1920 года, когда стал редактором, и до 16 марта этого года, когда в последний раз тщательно разметил материал для нескольких ближайших номеров газеты.

Нелегким был полувековой путь редактора «Нового русского слова». Когда принял газету, когда начал ее создавать фактически заново вместе с Б. И. Шимкиным, долготелым своим другом и издателем, у газеты не было никакой материальной базы, не было почти и читателей.

Материальная база создавалась медленно, по мере того, как росло число подписчиков.

В те годы в Америке было мало русской интеллигенции. Читали газету преимущественно вчерашние крестьяне, минчане и пинчане, гродненцы и ровенцы, среди которых велась усиленная просоветская пропаганда.

Поддельваться под их настроения редактор не хотел. Его отрицательное отношение к коммунизму определяло направление газеты.

В 1933 году, когда американская печать хранила грубое молчание, М. Е. Вейнбаум, на основании писем, по-

лученных из России, первым сообщил о страшном голоде, свирепствовавшем в стране. Коммунисты собрали толпы обманутых ими людей и двинулись к редакции. Понадобилось вмешательство полиции, чтобы спасти и редакцию, и типографию от разгрома.

Постепенно, по мере переселения в Америку русских политических эмигрантов, бывших участников Белого движения, расширялся круг читателей и, что особенно важно, поднимался интеллектуальный уровень среднего читателя. Это облегчило работу редакции, позволило поднять уровень газеты.

После окончания Второй мировой войны, когда началось переселение из Европы «перемещенных лиц», преимущественно бывших советских граждан, когда вообще началось переселение русской эмиграции за океан, когда в США и Канаду приехали десятки тысяч человек, начался и быстрый рост числа подписчиков и читателей газеты.

Значительно пополнились и ряды сотрудников ее из числа вновь приехавших, людей разных оттенков политических взглядов — от монархистов до социалистов, зато единых в главном: в категорическом отрицании коммунизма, его человеконенавистнической доктрины, его античеловеческой практики.

3.

Вейнбаум-публицист — автор сотен статей на темы преимущественно политические. В начале тридцатых годов он регулярно начал писать статьи под общей рубрикой: «На разные темы». Несколько лет тому назад был выпущен — под тем же названием — сборник избранных его статей и очерков, малая часть всего написанного им. Прав Андрей Седых, преемник М. Е. Вейнбаума на посту редактора «Нового русского слова»: если бы собрать все, что написано покойным, получилась бы «подлинная энциклопедия политической жизни Америки и всего мира за последние десятилетия».

В разных темах М. Е. Вейнбаума четко определялись три основных: мир, США, СССР.

Когда на мировой арене появился Красный Китай, когда наметился разрыв коммунистического руководства Китая с руководством КПСС, разрыв судьбоносный для всего мира, М. Е. Вейнбаум писал в статье «Разлад обостряется...» (5 декабря 1962 года): «Мы по привычке продолжаем рассуждать о едином коммунистическом мире, противопоставляя его сравнительно слабо связанным между собой странам свободного мира. В действительности бывшего коммунистического монолита больше нет. Пора начать говорить о двух, если не больше, коммунистических мирах».

В течение последующих десяти лет он внимательно следил за развитием конфликта внутри когда-то единого коммунистического лагеря, не преувеличивая, но и не преуменьшая значения начавшегося разрыва, образования двух лагерей, враждующих между собой.

Много писал он о самой Америке. Большое внимание уделял тем процессам, что происходили в Советском Союзе. Регулярно печатал «Хронику текущих событий», периодически комментировал ее в своих статьях.

Слово публициста Вейнбаума звучало всегда так, что вызывало, не могло не вызывать, одобрение каждого, кто считает себя политическим эмигрантом, а враг наш отвечал на это слово злым рычанием: выступления в центральной советской печати, пасквили на страницах чекистского «Голоса».

Силы врага никогда не переоценивал, но и шапками не закидывал.

Зато о пасквилянтах из советских печатных органов говорил с полным презрением и отвечал в исключительных случаях, когда речь шла не о нем самом, а о деле, которому служил.

Занятый редакционной работой, М. Е. Вейнбаум сумел уделить немало времени и внимания Литературному фонду, который возглавлял ряд лет, оказав большую помощь многим деятелям русской культуры за рубежом — писателям, поэтам, художникам, журналистам, артистам, тем, кто оказывался в нужде по старости или по болезни.

Клеветнические нападки, которым подвергался и сам Вейнбаум и фактически созданный им Литфонд, вынуждали его клеветникам отвечать.

На моей памяти ответил он всего два раза.

Статью свою в номере за 28 февраля 1970 года закончил так:

«Конечно, Литературный фонд помогает и будет дальше помогать „нашим идейным руководителям“, нашим писателям и ученым, покинувшим родину в прошлом, потому что они не пожелали служить коммунистической диктатуре. Мы помогаем и будем помогать и тем, кто бежит от Брежневых и Косыгинных теперь».

Съезд русских американцев

Усилия создать представительство русского этнического меньшинства в Соединенных Штатах увенчались успехом, когда в Нью-Йорке в помещении Св.-Серафимовского фонда 11 и 12 февраля этого года состоялся съезд, на который прибыли делегаты от инициативных групп из разных штатов. Заслуга в этом принадлежит прежде всего самим русским людям в Америке, которые с интересом отнеслись к инициативе Центральной группы и за полтора года создали 35 местных организаций в ряде штатов. Съезд, вообще, стал возможным благодаря самоотверженной работе Центральной инициативной группы, члены которой работали безвозмездно и самоотверженно, тратили свое время и личные средства для того, чтобы организовать съезд.

Перед съездом стояла очень ответственная задача — в весьма короткий срок утвердить устав и выбрать Главное правление. На съезде участвовали: 31 полномочный делегат и 28 делегатов с правом совещательного голоса. Из-за дальности расстояния не смогли прибыть на съезд делегаты только четырех штатных организаций. Большая заслуга

по проведению устава принадлежит редакционной комиссии в составе проф. Константиновского, проф. Кали, гг. Чурсина, др. Ванадзина, Лифантьева и Бобровского, которая за короткий срок сумела подготовить устав к слушанию в пленуме.

К концу дня было выбрано Главное правление, сроком на два года, в следующем составе: председатель — проф. Е. А. Александров, заместители председателя — Б. И. Вертлугин, М. В. Шатов, В. И. Алексеев и др. Ванадзин; казначей — В. А. Туман; секретарь — г. Клименко; члены правления — о. Александр Киселев, Р. Дудин, полк. О. Пантюхов, г-жа Андре, проф. Кали, Ю. Мейер, А. Козякин, г-жа Федукевич и К. В. Голицын; члены Ревизионной комиссии — Чевдарь, Крыжановский и Дурново.

Если подвести итоги, то можно сказать, что первое испытание мы, русские в Америке, выдержали. Мы смогли создать представительный орган нашего меньшинства, не разойдясь, не поссорившись из-за местных эмигрантских вопросов. Теперь наступает новый ответственный период созидательной работы. Здесь скептики скажут: в чем она

4.

Вейнбаум-редактор умел сочетать последовательную твердость своих личных, литературных и политических взглядов с исключительной терпимостью, внимательным, вдумчивым отношением к чужому мнению, если это мнение не было мнением вражеским, с уважением к сотруднику, товарищу по перу.

Не думаю, что всегда и во всем совпадали наши взгляды. В основном, главным, кажется, совпадали, но во многом, наверно, рознились. И наверно не все нравилось редактору, что присылалось, однако за все годы сотрудничества — только отдельные сокращения. Кажется, это личное, но в нем, на мой взгляд, и общественно-назидательное.

Уехав в 1959 году из Нью-Йорка, занявшись академической работой в университете, писать я продолжал, но в Нью-Йорке бывал не чаще одного раза в месяц.

И каждый раз — обязательно в редакцию.

Когда время ограничено, беседа может быть особенно насыщенной, особенно интересной.

Так обычно и бывало. Темы бесед наших были разные, как и темы статей его. Нередко касались дел эмигрантских, «вечных» и злободневных — и тут мнения почти всегда совпадали.

Нередко вспоминал он прошлое. Рассказывал интересно: то что-нибудь из истории газеты, с которой была связана почти вся жизнь, то из своего прошлого в России, о своей молодости.

Было в М. Е. Вейнбауме такое, что он старался не показывать, в печати не афишировать, о чем можно было узнать только в личных беседах. И я узнал о его искреннем русофильстве, понял, что хранит он в душе память о России, не затуманенную, не замутненную обидами, хотя было наверно и такое, на что ему, еврею, можно было обидеться. Прожив в Соединенных Штатах почти всю жизнь, давно став американским гражданином и патриотом, не только сохранял он в душе добрую память о России, но и пронес через всю жизнь в своем сознании русскую культуру, подтвердил: родиться русским — еще не все: «им надо быть, им надо стать».

будет выражаться и на что она нужна? Отвечу им, приведя в пример деятельность других этнических групп. Начнем с украинцев. Посмотрим реально на вещи. Мы — пигмеи по сравнению с ними. Известно ли читателям наших русских газет, что украинцы собрали между собой два миллиона долларов и создали фонд, благодаря которому имеют три кафедры украиноведения в Харвардском университете? Какой это величайший успех для украинского дела! Ведь из Харварда выходит значительная часть будущих руководителей американской политики. Возьмем другой пример: американские евреи, защищая своих соплеменников, сумели создать в Конгрессе, благодаря сенатору Джексону и конгрессмену Ванику, такое большинство, которое не допустит ратификации торгового соглашения с Советским Союзом, пока там не отменят налога на образование, взимаемого при выезде евреев из страны. Евреи сумели привлечь на свою сторону 74 сенатора и 264 конгрессмена. Еще один пример: может быть петиция латышей на имя Президента о том, чтобы он засступился за их родину в Москве, и не имела немедленного успеха, но несомненно произвела в Белом Доме внушительное впечатление. Латы-

ши подкрепили ее, собрав 75 000 подписей.

Я надеюсь, что приведенные примеры убедят скептиков, что для национально-представительства открывается широкое поле деятельности. Прежде всего, штатные организации, завязав дружеские связи с местными властями, могут многое сделать, скажем, для наших русских стариков. Блестящим примером для этого может послужить Толстовский фонд, который получил от Нью-Йоркского штата кредиты для постройки лечебницы для тяжело больных. В нее беспрепятственно принимают только резидентов штата Нью-Йорк. Местные отделы должны выяснить, могут ли быть получены деньги в других штатах, например, для постройки домов для престарелых. Это дало бы возможность русским старикам прожить последние годы в родной обстановке, среди своих. А ведь старики несомненно имеются во многих штатах, где они обречены, из-за своей беспомощности и почти всегда слабого знания английского языка, на очень трудную жизнь в местных домах для престарелых.

Другой задачей местных отделов будет организация национальных культурных манифестаций. Они привлекают американцев, способствуют дружеским

связям, укрепляют авторитет русской организации.

Нельзя упускать из вида и другую область деятельности. Нам следует неустанно доводить до сведения американского правительства, что отпелель в отношениях с коммунистическими режимами является только тактической передышкой, продиктованной коммунистами, но что их сущность не меняется и конечная цель их — уничтожение демократических режимов во всем мире — остается неизменной. Другие государства не в состоянии переубедить коммунистов. Борьба будет продолжаться, и в ней союзником демократии является молчаливое большинство народов, поработанных коммунизмом. Это большинство все чаще пытается поднять свой голос в защиту свободы. Это путь, ведущий к созданию общественного мнения в коммунистических странах, а оно ведет к демократизации режима и ограничивает своеволие власти. Лидер свободного мира — Соединенные Штаты — обязан в своих собственных интересах, если не открыто поддерживать оппозиционные движения в коммунистических странах, то, во всяком случае, высказывать им свою симпатию. Доводя до сведения американских политических лидеров наши взгляды, обосновыва-

вая их фактами, мы несомненно найдем единомышленников и откроем пути для совместных координированных действий. Почему бы, например, нам не просить американский Конгресс вынести резолюцию по адресу советской власти и рекомендовать ей даровать право эмигрировать не только трем привилегированным меньшинствам — евреям, немцам и грекам, — но вообще всем советским гражданам?

Таковы в самых общих чертах задачи, стоящие перед нашей новой организацией. Но ее усилия будут бесплодны, если русские люди в Америке не поддержат ее, морально и материально, вступая в организацию. Сейчас по всем отделам числится около 700 членов. Как первый шаг — доведем их число до 2000.

Закончу на оптимистической ноте. Мы, русские, стали шевелиться. В прошлой годней избирательной кампании в вербовке республиканских избирателей мы заняли 13-е место из 29 этнических меньшинств. На первых местах перед нами оказались из меньшинств Советского Союза украинцы, латыши, белорусы и литовцы.

ЮРИЙ МЕЙЕР

ХРОНИКА ЗАРУБЕЖНОЙ ЖИЗНИ

• Культурная общественность стран Западной Европы торжественно отметила концертами и спектаклями столетие со дня рождения Ф. И. Шаляпина и С. В. Рахманинова. 12 февраля в день рождения Шаляпина по инициативе Н. А. Венуа миланская опера Ла Скала поставила Бориса Годунова; постановка Туманова с Гяуровым в главной роли. 30 апреля в Мюнхене Инициативной группой по устройству юбилейного концерта памяти Шаляпина и Рахманинова при содействии «Дома встреч» был устроен концерт в «Ленбах Галери» при участии оперного баса Р. А. Шутея и трио Коваль. Доход от концерта поступил в пользу Русской библиотеки Толстовского фонда в Мюнхене. В Риме эта годовщина была отмечена концертом, в котором участвовал премьер римской оперы, известный бас Н. Росси-Лемени, наполовину русский, исполнивший несколько арий из шаляпинского репертуара, а также кратко, но содержательно рассказавший о вкладе, сделанном великим артистом в дело развития оперного искусства. Концерт был организован библиотекой им. Н. В. Гоголя по инициативе композитора Н. Доро, руководителя концертной группы «Феникс».

• Общество ревнителей православного церковного пения устроило 8 апреля в Париже концерт-доклад, посвященный

произведениям знаменитого композитора духовной музыки Дмитрия Степановича Бортянского.

• Татьяна Иванова с 1972 г. считается лучшей артисткой в жанре мюзикл в ФРГ. Она была раньше драматической актрисой, и считали, что исполняемые ею русские и цыганские народные песни и романсы носят любительский характер. Случайно ее услышал известный музыкальный критик, который предложил ей роль в готовившемся к постановке мюзикл. Это было начало ее большой карьеры.

• Австралийское и новозеландское турне жаровского казачьего хора началось 23 марта в Окленде (Нов. Зеландия). Затем донцы пели в Веллингтоне, Дунедане и Крейсуере. В Австралии первый концерт был дан 1 апреля в Сиднее. Затем состоялись концерты в Брисбене, Канберре, Мельбурне, Аделаиде, Шепартоне и Балларате. Из Австралии хор выехал в Юго-Восточную Азию и выступил с концертами в Сингапуре, Куала-Лумпуре, Джакарте, Бангкоке, Маниле и Гонконге.

• 23 мая в Мюнхене в помещении Русской библиотеки состоялся концерт скрипача и пианистки — супругов Валерия и Ады Градовых. Ими были исполнены соната для скрипки и рояля Генделя, соната № 2 Прокофьева, канцио-

нетта Чайковского, соната XII Паганини, миф Шимановского, две прелюдии Шостаковича. Оба исполнителя — известные музыканты, примерно год тому назад выехавшие из Советского Союза. В настоящее время Валерий Градов занимает пост концертмейстера Нюрнбергской филармонии.

• Масленичный спектакль в Лозанне (Швейцария), устраиваемый супругами Н. А. и П. Р. Карпушко, в этом году был особенно удачен. В первом отделении артисты-любители прекрасно сыграли одноактовую комедию И. С. Тургенева «Вечер в Сорренто» и смешанный хор из учеников супругов Карпушко спел несколько популярных народных песен. Во втором отделении выступили певцы М. О. Хюрлиман и Н. Н. Тайефер и музыканты Марлин Жак (рояль) и Пьер Глердон (балалайка). Закончился спектакль скетчем «Ведущие артисты».

• Русский художник Николай Александрович Исаев, пейзажист и портретист, выставивший свои картины в США, Югославии, Швейцарии и 15 раз во Франции, награжден почетным крестом Сопротивления в признание его деятельности во время оккупации Франции: он прятал французских офицеров и участников Сопротивления, рискуя при этом не только своей жизнью, но и жизнью семьи.

• Над картиной «Бородинский бой», выставленной на выставке в гор. Штарнберге (ФРГ), художник-баталист А. И. Шелоумов работал 10 лет. Главные темы его картин: исторические военные собы-

тия, степные сцены, табуны лошадей, охота. Все картины тщательно написаны с точной передачей всех деталей. В конце прошлого года талантливому художнику исполнилось 80 лет.

• В Сан-Пауло (Бразилия) в Музее искусства состоялась выставка архитектора Павла Ивановича Жестовского. Среди экспонатов — архитектурные зарисовки дворцов и др. монументальных сооружений, крепостей, буддистских монастырей, исторических руин, сделанные Павлом Ивановичем во время его поездок в Афганистан. О своем пребывании в этой стране П. И. пишет книгу «12 лет в Афганистане».

• По инициативе знаменитой танцовщицы Дягилевского балета Алисы Никитиной с 8 марта по 1 апреля в Монте-Карло состоялась выставка в память С. П. Дягилева. На выставке показаны автографы, манускрипты, партитуры, афиши, редкие фотографии, портреты и документы, принадлежавшие лично Дягилеву.

• Русское студенческое христианское движение сообщает о сборе денег для семей заключенных в лагерях. Собрано для этой цели 9 443,40 фр. (ок. 2 000 дол.). Из этой суммы переправлено семьям заключенных 7 508,50. Часть этих денег была возвращена из России с пожеланием «употребить их на печатание религиозной литературы, которая еще больше нужна семьям заключенных, чем финансовая помощь»... Это и было сделано. Сейчас появилась возможность посылать пятикилограммовые или даже десятикилограммовые продуктовые посылки через организацию X в индома и ряд лагерей. Есть подтверждение, что посылки доходят до адресата. Каждая 10-килограммовая продуктовая посылка обходится в 350 фр., включая покупку продуктов, доставку и таможенные расходы. Притом организация X гарантирует доставку посылки. Сейчас в кассе около 2 000 фр. Уже начали посылать продуктовые посылки по имеющимся адресам. Чтобы это дело не заглохло, РСХД обращается с просьбой принять в нем участие. 2—3 раза в год будет производиться отчет, чтобы держать жертвователей в курсе собранных и истраченных сумм. Деньги можно посылать на почтовый текущий счет РСХД — А.С.Е.Р. № 1537359 или чеком на имя А.С.Е.Р. Чек просят посылать по адресу: Cyrille Eltchaninoff, 91, rue Olivier de Serres, 75015 Paris. На почтовом переводе и на чеке указывать — «На посылки в Россию».

• Один из участков, принадлежащих Православному палестинскому обществу, находящийся на окраине Вифлеема и сданный в аренду корпорации РЕМППО, решено использовать для постройки на нем первого в Св. Земле Музея христианского искусства.

• По случаю выхода пятой книги стихов Игоря Чиннова, поэт был приглашен для чтения стихов в Йельский, Харвардский и им. Брауна университеты (США).

• В Париже вышел 166-й номер старейшей русской газеты «Русский инвалид», органа Зарубежного союза русских военных инвалидов. «Русский инвалид» представляет свои страницы правдивым, объективным и беспристрастным описаниям важных исторических событий их современниками, свидетелями и участниками. Попутно он освещает более дальние страницы нашей истории. «Русский инвалид» описывает также жизнь и деятельность Зарубежного союза инвалидов в мировом рассеянии. Он напоминает русским людям о тех войнах, которые на боевых полях Великого Русского фронта и в боях Гражданской войны вытянули кровавый жребий. Он привлекает внимание соотечественников к их горькой, тяжелой судьбе. Долг и честь требуют от русских людей помочь боевым соратникам-инвалидам. Пожертвования просят направлять по адресу: La Direction Général de la Fédération Mondiale des Invalides et Mutilés de Guerre Russe, 3, rue Adolphe Chérioux, 92, Issy-les-Moulineaux, France.

• Редакция журнала «Родимый край», издаваемого Донским войсковым объединением, собирает материал о казаках, бродивших в конце XVIII и начале XIX веков по всему бассейну Амазонки. Адрес редакции: В. Bogaevsky, 230, Av. de la Division-Ledere, 95160, Montmorency, France.

• Фонд Свободной России, Франкфурт-на-Майне (ФРГ), в своем мартовском циркуляре цитирует Юрия Штейна: «Инакомыслящий, вступивший на путь открытой борьбы с беззаконием, под тем или иным предлогом лишается постоянной работы и вынужден годами перебиваться случайными заработками... Удел такой семьи — полутюлдовое существование. Что уж говорить о семьях репрессированных? Ко всем прочим заботам еще и расходы на передачи, теплые вещи, поездки на свидание, денежные переводы на «ларек». Далее в циркуляре говорится: «Помогай этим людям или гроеся других о пожертвовании, мы совершаем доброе дело. Не будем умиляться собственному милосердию, ибо знаем, что добрые дела вознаграждаются сторицей. Может быть это будет выздоровление от болезни или восстановление душевного равновесия, может быть это защитит нас от автомобильной катастрофы или поможет продвижению в работе — наш труд, наши заботы, наша жертва, в конце концов окажут услугу нам самим». Адрес ФРСР: M. Zalewsky, Freies-Rußland-Fond, D-6000 Frankfurt/M 18, Postfach 180451. Банк: CH-4002 Basel, Swees Bank Corporation, A/C 461 971. Rubr. «Free Russia».

• Елена Ивановна Слежкина 17. 3. 73 защитила в Сорбонне докторскую диссертацию на тему «Духовный путь И. В. Киреевского» и удостоена звания доктора славянских наук. Во время ученого диспута были затронуты и такие темы, как «соборность», «икона», «православное богослужение» и «молитва Иисусова».

• О. Георгий Дробот с успехом защитил 13 января 1973 г. в Париже в Католическом институте свою докторскую диссертацию на тему: «Икона Рождества Христова как доказательство и способ формулировки догмата воплощения». Присуждение титула доктора богословия Католическим институтом православному священнику произошло впервые. Над своей диссертацией о. Георгий работал много лет. Этот научный труд устанавливает связь между развитием православной догматики и православной иконописи и раскрывает значение Боговоплощения как центра истории человечества и всего мироздания. О. Георгий занимает должность второго священника на Сергиевском подворье — Православном Богословском институте. Он известен также как один из лучших иконографов.

• Глеб Александрович Пар прочел в Гамбурге и Мюнхене (ФРГ) доклады о положении Церкви в СССР. Он назвал точные данные о числе еще существующих храмов и верующих, о настроении молодежи и о существующей в СССР нелегальной (катакомбной) Церкви.

• 16 апреля старший лектор Йельского университета (США) В. Д. Самарин прочитал лекцию о литературе Самиздата в Принстонском университете. На лекции присутствовали студенты и аспиранты, говорящие по-русски, а также преподаватели и профессора Славянского отдела университета. Проф. Г. С. Ермолаев сказал короткое вступительное слово, представив аудитории лектора. После лекции состоялся оживленный обмен мнениями.

• 10 ноября 1972 года в Вашингтоне, по инициативе Е. Якобсон и Ю. Ольховского, в аудитории университета им. Джорджа Вашингтона было проведено собрание, на котором присутствовало свыше 500 слушателей, главным образом американских студентов и представителей профессуры. Все три докладчика — Есенин-Вольпин, Глазов и Белинкова — рассказывали о героической борьбе за демократические права советских граждан, которую ведет активная часть советской интеллигенции. Эта тема особенно близка и понятна американской аудитории.

• Профессор Иллинойского университета Элиот Коэн, выступив с докладом на Славянской конференции университета Миссури (США), обрисовал художественную литературу Самиздата примерно так: В отличие от официальной, она следует старой русской литературной традиции. Писатели Самиздата над всем ставят вопросительный знак, как это делали многие русские писатели XIX и XX веков. Они смелы, полны темперамента и стилистически самостоятельны. У каждого из них оригинальная, только ему свойственная манера письма, но у них всех есть общее: они были и есть «еретики», «опасные», «неблагонадежные». Их литературными предками можно назвать Достоевского, Гоголя и Замятину.

• Упорная работа ведется по организации и пополнению военно-исторической библиотеки при Российском военно-историческом музее в Париже. Основанием библиотеке послужили книги, оставшиеся от кадетского музея «Родной корпус». Кроме того, постоянно поступают новые книги, пожертвованные друзьями. Так в прошлом году полковник Михаил Александрович Лютовский пожертвовал всю свою обширную военную библиотеку.

• Американское общество «Фридом лидершип фаундейшен» организовало в пятницу 8 июня демонстрацию у Белого Дома. С этой целью оно создало специальный комитет для защиты генерала Петра Григорьевича Григоренко, томящегося в психиатрической тюрьме, и других заключенных в Советском Союзе. В состав комитета вошли пять сенаторов и несколько конгрессменов, которые подписали петицию на имя Президента, прося его при встрече с Брежневым заступиться за ген. Григоренко. В пятницу на тротуаре у главного въезда в Белый Дом собралось до 50 членов упомянутого общества — американцы и известное число русских. Проходящим раздавались листовки, и было организовано шествие с плакатами и портретами Петра Григоренко, Владимира Борисова и Владимира Герцуни. В 11 часов председатель общества обратился по громкоговорителю к собравшимся и в краткой и сильной речи осудил правительство Советского Союза за преступные меры, которые оно применяет к инакомыслящим. После него выступали лица, лично знавшие Григоренко и его жену Зинаиду Михайловну. По-английски говорили Вероника Туркина Штейн, доктор Александр Есенин-Вольпин и Виктор Кабашник и по-русски Юрий Штейн. Эти выступления произвели глубокое впечатление на слушателей. Всех потрясла личная трагедия Григоренко, исключительная доблесть и мужество генерала, бесстрашного борца за свободу, умирающего в психиатрической тюрьме, но не желающего отказаться от своих убеждений. Виктор Кабашник рассказал о плане добиться для Вероники Туркиной и Гали Кабашник приема у жены Президента, в надежде, что женщины лучше поймут друг друга. По окончании выступлений члены комитета отправились в Белый Дом и вручили петицию одному из состоящих при Президенте советников. От русских петиция была подписана Константином Болдыревым и Юрием Мейером. В организации демонстрации нужно отметить большую заслугу К. В. Болдырева. Ему удалось заинтересовать американцев, привлечь представителей американской прессы. Демонстрация была снята для телевизионной программы. Между прочим, проходивший случайно Джон Конелли взял листовку и слушал выступления русских ораторов.

• 22 октября прошлого года в Вашингтоне состоялось многолюдное собрание русских американцев, созванное местным отделом Русского национального

представительства. С. Шаховской показал с помощью проекционного аппарата исключительно интересные снимки, сделанные им при поездке в Советский Союз. Н. Белинкова прочитала обширный доклад о демократическом движении в Советском Союзе, обрисовав, в каких разнообразных направлениях развивается свободная мысль на нашей родине. В последнем докладе Ю. Мейер оповестил собравшихся о целях, которые ставит себе Конгресс русских американцев, и призвал всех русских в Америке поддержать кандидатуру Президента Никсона на выборах.

• 23 марта в Брюсселе состоялся 4-й сеанс устной газеты общества галлополицийцев, посвященный докладом В. В. Орехова о международном положении, о малоизвестном Ленине и о творчестве Солженицына. К этим сеансам все больше проявляется интерес, и решено их продолжать.

• 11 февраля в Русском доме в Мельбурне (Австралия) А. А. Морозов и Г. Н. Петропуло выступили на сеансе «Устной газеты» с докладами на актуальные политические темы.

• Впервые в Мельбурне в Русском доме состоялось выступление «Живой газеты» из Аделаиды. Газета была прекрасно составлена и содержала богатый и разнообразный материал.

• В лондонском издательстве Boosey & Hawkes вышла прекрасно оформленная книга — семейный альбом Екатерины и Игоря Стравинских, составленный старшим сыном композитора Федором Стравинским и его женой Екатериной. В альбоме собраны сотни фотографий, представляющих полную семейную хронику родителей композитора и его семьи. Сам композитор показан начиная с раннего детства до глубокой старости. Кроме фотографий в книге помещены воспоминания Федора Игоревича. Книга издана на английском и немецком языках.

• Председатель оппозиционной фракции христианских демократов в Бундестаге ФРГ Райнер Барцель в декларации оппозиции в связи с выступлением бундесканцлера В. Брандта 18. 1. 1973, цитируя слова Солженицына из его неизданной речи по случаю присуждения Нобелевской премии, заклеил политическую трусость: «Дух Мюнхена — нисколько не ушел в прошлое, он не был коротким эпизодом. Я осмелюсь даже сказать, что дух Мюнхена преобладает в XX веке. Оробелый цивилизованный мир перед натиском внезапно воротившегося оскаленного варварства не нашел ничего другого противопоставить ему, как уступки и улыбки. Дух Мюнхена есть болезнь воли благополучных людей, он есть повседневное состояние тех, кто отдался жажде благоденствия во что бы то ни стало, материальному благосостоянию как главной цели земного бытия. Такие люди — а множество их в сегодняшнем мире —

избирают пассивность и отступления, лишь дальше потянулась бы привычная жизнь, лишь не сегодня бы перешагнуть в суровость, а завтра, глядишь, обойдется... (Но никогда не обойдется! — расплата за трусость будет только злей. Мужество и одоление приходят к нам, лишь когда мы решаемся на жертвы).

• 18—20 декабря 1972 г. в Брюсселе состоялся международный симпозиум для защиты прав человека в СССР. Симпозиум был создан Комитетом защиты прав человека. Многочисленные международные организации прислали на симпозиум свои делегации. В ряде документально обоснованных докладов говорилось о бесправном положении советских граждан. Серьезной критике была подвергнута конституция СССР. Почти все докладчики — бельгийцы, французы, англичане и голландцы — говорили о Советском Союзе как о стране, управляемой бесконтрольной тиранической властью. Среди выступавших бывших «зеков» было много евреев. Центральное место заняло выступление личного друга Солженицына — Д. М. Панина, проведшего 16 лет в советских лагерях. От имени симпозиума была послана телеграмма Брежневу с призывом вспомнить, что Советский Союз принадлежит к числу стран, подписавших Декларацию прав человека.

• В Доме Российского центра в Лос-Анжелесе (США) в настоящее время находится русская и английская библиотеки, проводятся курсы русского и английского языков, подготовка к принятию американского гражданства, уроки пения. Устраиваются лекции, доклады, литературно-художественные вечера, театральные выступления. Работает собственный «миниатр». По воскресеньям дамский комитет мастерит обеды по умеренным ценам. Членский взнос — 50 центов в месяц.

• Более 50 лет существует в Голландии Комитет юных дам, основанный королевой Вильгельминой, который два раза в год устраивает встречу русских эмигрантов. В апреле и октябре русских гостей принимают в доме общества в Лездене, угощают русскими кушаньями и развлекают русской музыкальной программой.

• В Св.-Николаевской школе в Сиднее (Австралия) в прошлом году училось более 200 русских детей. В школе работает 23 преподавателя во главе с заведующим учебной частью А. А. Зиновьевым. При школе существует детский сад. Религиозное воспитание находится в руках о. М. Константинова. Активную роль играет родительский комитет, которым в течение десяти лет руководил Г. Л. Ротенко.

• «Объединение молодежи витязей» имеет своей целью привлечение российской молодежи к православной Церкви и братское объединение тех, кто намерен в совместных усилиях бороться за христианский и национальный идеал Свя-

той Руси, строя свою жизнь на основах любви и справедливости. Проведение в жизнь этого идеала требует от членов ОМВ духа дружбы, взаимопомощи, жертвенности и инициативы. Этот идеал требует также всестороннего ознакомления со всеми вопросами, имеющими отношение к судьбам и жизни России и православной Церкви», — сказано в № 18 журнала «Витязь» (март 1972) в статье «Национальная Организация Витязей». Журнал «Витязь», издание Объединения молодежи витязей, печатается на ротаторе, на страницах большого формата, и помимо специально-группового отдела, содержит много статей по вопросам религиозного и историко-философского порядка.

• В основанной ОРЮР школе в Буэнос-Айресе начался зимний сезон 1973 года. Открыт новый 9-й класс для детей 15—16 лет. В этом классе будут преподаваться следующие предметы: Основы православного мировоззрения — Г. Лукин; Русская литература — О. Кирьянова; История революции и коммунистической власти в России — И. Андрущенко; История русской культуры — И. Шмитов.

Одна из задач «Зарубежья» как можно шире освещать жизнь, деятельность и творчество зарубежной России в целом.

Редакция обращается поэтому ко всем читателям журнала с просьбой присылать нам информационный материал о событиях из жизни эмиграции. С этой же просьбой редакция обращается и ко всем организациям, учреждениям и издательствам нашего российского рассеяния.

• На елке, устроенной РСХД 4 февраля в Париже детьми и молодежью под руководством Ю. Н. Каневской, были сыграны коротенькие пьесы-загадки. Хор под управлением регента Николая Ребиндера исполнил старинные рождественские коляды. Программа закончилась исполнением пьесы «Танцы до утра». Прекрасно играли оркестры балалаечников «Волга» и Оркестр русской молодежи.

• В Париже с успехом работают два русских спортивных клуба — РСО и «Сокол». Оба клуба выставили прекрасные команды, принявшие участие в розыгрыше французского чемпионата по волейболу.

• Женская волейбольная команда Русского спортивного общества с успехом участвовала в турнире, организованном Парижским университетским клубом. В финале команда РСО проиграла чемпиону Франции со счетом 10:15, 15:13, 13:15, заняв почетное второе место.

• Союз Русского Соколячества во Франции проводит в этом году летний лагерь в Оссегоре (Ланд) на океане со 2 июля по 1 сентября. Запись участников в русской школе при Св.-Александров-

ском соборе в Париже (рю Дарю, 12) по четвергам. Справки по тел. 733-65-33.

• Летний лагерь РСХД для детей, юношей и студентов состоится под руководством А. Викторова и прот. А. Князева с 3 июля по 16 августа в горной местности Сан-Теоффрей (Изер). Запись участников в доме Движения: 91, рю Оливье де Серр, 75015 Париж или по тел. 250-53-66.

• Союз православных приходов в Нормандии (Франция) провел детский лагерь с 11 по 24 апреля. Дети от 6- до 15-летнего возраста были размещены в домиках близ пляжа.

• Этой зимой витязи провели два зимних лагеря: в Раггале (Австрия), посвященный главным образом зимнему спорту, и в местечке Веер в Голландии. В апреле Парижский округ витязей провел весенний лагерь при ските Всех святых Земли Русской в Мурмелоне, вблизи русского военного кладбища.

• При ремонте гробницы-пещеры в Гефсиманском храме строителями был отсечен камень, который передан в дар Митрополиту Филарету главой Русской Духовной Миссии архимандритом Антонием. Камень будет выставлен в Знаменском кафедральном соборе в Нью-Йорке.

• Св.-Богородицкий храм в Лос-Анжелесе отметил 18 февраля с. г. свой 50-летний юбилей. На торжество прибыл Митрополит Ириней, который вместе с Архиепископом Иоанном Сан-Францисским, 9 священниками, протодиаконом, 2 диаконами и 14 прислужниками отслужил Литургию. Пели два хора: русский под управлением И. Иванютенко и английский, управляемый А. Руджиери. После Литургии состоялся торжественный банкет.

• Книжный склад Св.-Троицкого монастыря в Джорданвилле (США) предлагает обширный список книг, которые можно приобрести по весьма сходной цене. Кроме чисто духовной литературы, много книг по истории Церкви, русской словесности, творения отцов Церкви. Запросы и заказы направлять по адресу: Bookstore Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y. 13361. U. S. A.

• По инициативе Совета Православного палестинского общества в Св. Земле начато изготовление документальных фильмов о Св. Местах, об исторических моментах паломничества в Св. Землю и т. д. Первым закончен фильм № 4 под названием «Мир в Св. Земле», в котором сначала кратко описываются боевые события прошлого, начиная с времен Ирода Великого и затем, во второй его части, описывается Крестный Путь Спасителя и, попутно, показываются сохранившиеся Места его, с моментами божеского служения их почитания в период Страстной и Пасхальной седмиц. Фильм цветной, озвученный, продолжительностью в 30 минут.

• Колокола для Храма-Памятника в Брюсселе были отлиты в Лувене. Нина

Николаевна Зубова засняла все фазы изготовления и установки колоколов на фильм. Этот фильм был впервые показан с звуковой записью колокольного звона 23 марта в Париже на собрании витязей и общества «Икона».

• Приход храма св. Великомученика Георгия в Марселе (Франция) организовал паломничество во французский Прованс со следующей программой: 9 июня — съезд участников в гор. Бокере в здании семинарии; 10 июня — Литургия при пении двух хоров — русского и французского — на раскопках св. Власия близ гор. Истра; 11 июня — молебен у мощей преп. Антония Великого в гор. Арле.

• День казачьей скорби — 11 февраля — был отмечен Казачьим союзом, Союзом казаков-комбатантов, объединениями лейб-гвардии казачьего, лейб-гвардии атаманского и атаманского военного училища, отслужившими панихиду в кафедральном соборе св. Александра Невского в Париже.

• 11 ноября 1972 г. в Париже скончался последний председатель правительства Всевеликого Войска Донского Николай Михайлович Мельников. Казак Трех-Островянской станицы, покойный родился в станице Качалинской в 1882 г. Окончив юридический факультет Московского университета, Николай Михайлович вернулся на Дон, где он скоро стал видным общественным деятелем. После революции он многократно был членом правительства, вплоть до поста председателя. В эмиграции Н. М. продолжал свою общественно-политическую работу в сотрудничестве с атаманом Богаевским. Уже выйдя на покой, он занялся литературной деятельностью. Его перу принадлежат: «Ермак Тимофеевич — князь сибирский», «Митрофан Петрович Богаевский», «Почему белые на Юге России не победили красных?» и «А. М. Каледин — герой Луцкого прорыва и донской атаман». Книга о ген. Краснове осталась неоконченной.

Редактирует коллегия
Редактор В. Сорокин
Секретарь редакции А. Желнин

Перепечатка разрешается,
но с указанием источника

Адрес редакции:
SARUBESCHIE
8 München 86
Postfach 860327
Bundesrepublik Deutschland

Банковский счет № 90 246
Банк: Reuschel & Co.
8 München 80, Ismaningerstr. 98

Verantwortlich für den Inhalt
V. Sorokin

Druck: „Logos“, München 19, Bothmerstr. 14